

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065

**3(39)
2021**

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год
Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Алешковский И. А., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г., Снакин В. В., Стычинский М. С.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай), Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В. А. (Россия), Гэй У. (США), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т. (Великобритания), Иноземцев В. Л. (Россия), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия), Теймури В. (Иран), Корогаев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия), Мазур И. И. (Россия), Робертсон Р. (Великобритания), Сабден О. С. (Казахстан), Сергеев М. Ю. (США), Хасбулатов Р. И. (Россия).

Адрес редакции:

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А,
МГУ, факультет глобальных процессов.
Тел.: 8(495) 939-43-23. E-mail: chumakov5@yandex.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru
DOI: 10.30884/vglob/2021.03.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Тишков А. А. Географическая этика в век глобализации	3
Дергачева Е. А. Технократический характер современной рыночной экономики	19

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Волобуев А. В. Постглобализация и грани фундаментализма	33
Лось В. А. Феномен глобальных проблем в советской науке (К истокам глобалистики)	45

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Думнов А. Д., Демин А. П., Рыбальский Н. Г. Агрэкология: от разногласий по сущности к единству действий по существу	60
Мамедова Н. М. Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального	74
Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. Концепция эволюционного перехода к человекоориентированному глобальному управлению	86

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Гобозов И. А. Пути развития России	101
Кулешова Н. С., Самусева О. А. Россия и Китай в мировой инновационной сфере	116

ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

Ильин И. В., Урсул Т. А., Чумаков А. Н. У истоков отечественной глобалистики (К 85-летию А. Д. Урсула)	128
--	-----

IN MEMORIAM

Гобозов Иван Аршакович (10.11.1938–08.09.2021)	141
<i>Contents</i>	143

ТЕОРИЯ

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭТИКА В ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Тишков А. А.**

Проблемы географической этики, возникающие в условиях глобализации, могут быть объяснимы с позиций постмодернизма. Современная география в процессе формирования ответов на глобальные вызовы – демографические, геополитические, экологические, климатические, коммуникационные, информационные – сталкивается с необходимостью соблюдения норм географической этики, нравственного выбора при анализе и синтезе географических данных, картографировании, моделировании и прогнозировании будущих состояний окружающего мира. На конкретных примерах рассмотрено применение основ географической этики в решении вопросов пространственного развития и устойчивого природопользования. Обсуждается необходимость дальнейшей гуманизации географии.

Ключевые слова: географическая этика, глобализация, постмодернизм, плюрализм, релятивизм, вариантность, географический прогноз, алармизм, объективизм, гуманизация науки.

The problems of geographical ethics that arise in the context of globalization can be explained from the standpoint of postmodernism. Modern geography in the process of forming responses to global challenges – demographic, geopolitical, environmental, climatic, communication, information – is facing with the need to comply with the norms of geographical ethics, moral choice in the analysis and synthesis of geographical data, mapping, modeling and forecasting of future states of the environment. The application of the principles of geographical ethics in solving the issues of spatial development and sustainable nature management is considered using specific examples. The necessity of further humanization of geography is discussed.

Keywords: geographical ethics, globalization, postmodernism, pluralism, relativism, variation, geographical forecast, alarmism, objectivism, humanization of science.

Как синтетическая наука, охватывающая науки естественного и гуманитарного циклов, география в XXI в. – веке глобализации – оказалась *подвержена веяниям постмодернизма*. Главным его проявлением в нашей науке стало *изменение типа рациональности*. Привычная для географии объективность восприятия

* Статья подготовлена в рамках темы государственного задания № 0148-2019-0007 Института географии РАН.

** Тишков Аркадий Александрович – член-корреспондент РАН, профессор, г. н. с. Института географии РАН, заведующий лабораторией биогеографии. E-mail: tishkov@igras.ru.

и описания окружающего мира стала подменяться продуктом *рационального сознания, создающим теоретический мир, мир идеальных конструкций, гаджетных образов*, которые начинают жить самостоятельной жизнью и принимаются за истину. Миллиарды «стихийных географов», воспринимающих глобализированный мир посредством доступных информационных продуктов из своих ноутбуков, айфонов и смартфонов, пополнили ряды «путешественников», принимающих меняющийся мир как набор компьютерных образов-картинок, «сотканых» из дистанционной информации и построенных с помощью ГИС-технологий.

Идеальные конструкции, модели, цифровые карты, схемы манипуляций, полученные с использованием исследовательских аппаратов, технологий или информационных потоков и моделей (на самом деле – «посредников»), а не прямым наблюдением, уже претендуют на окончательность и безусловность и подменяют собой реальную действительность, объективный изменчивый мир. Человек, попавший в плен такого рода регламентов и форматов, оказывается неспособным сопротивляться догматическому давлению и критически относиться к идеям, теориям и практикам географии, он загоняет себя в ограниченные представления об окружающем мире и о самом себе в нем, а рациональное сознание превращается в догму, стереотипы и образы.

Это веяние распространяется не на все сферы географии, но начинает расширять свои позиции. География постмодернизма – это *наука идей плюрализма и релятивизма*, вариантных заключений, несовместимых с конкретикой географического объекта (не образа!), но в тоже время она – преимущественно коммерческая. Тот самый капитализм, за который мы отдали душу в 1990-х гг., заставляет и географическую науку самоокупаться, быть «сферой услуг», обречать форму «государственных заданий», наукометрических формул и удельных показателей стоимости «научного продукта». Науке так удобнее – иметь *вариантность, множественность, относительность* в отображениях реального мира, ответов на запросы общества. Она постепенно начинает зависеть от формата используемых «посредников» – не только на стадии получения первичных данных, но и на этапе синтеза. Так, построение цифровых карт на основе мультиспектральной космической съемки высокого разрешения, вроде бы приближающее географию к точным наукам, по сути, сохраняет «относительность» и «степень вероятности» в моделировании состояния поверхности Земли, так как дает представление о «заполнении» отдельных пикселей (например, 300×300 м, 30×30 м) «объектом картографирования» – леса, поля, поселения и пр.

Постмодернистская география постулирует, что нельзя четко провести грань между собственно реальным окружающим миром, созданием картины мира и набором «фиктивных образов», полученных с помощью «посредников» и «проводников», между континуумом и дискретностью. Получается, что эта реальность, как в физической, так и в экономической географии, соткана из фикций, а сами эти фикции сделались единственной реальностью. К этому следует добавить и некоторую эфемерность состояний географических объектов, включая человека и преобразуемую им среду, подверженных как внутренним (саморазвитие, антропогенез), так и внешним (влияние космоса, климатической системы и пр.) воздействиям. Остается мало действительно инвариантных позиций для географической науки.

Поэтому вопрос о географической этике остается актуальным в век глобализации, постмодернизма, когда сама глобализация как объект исследований географии рассматривается и как моральная дилемма, имеющая несколько решений, и как «нарастающий ком» планетарных вызовов человечеству. Практически все эти вызовы имеют «географические корни» – демографические, геополитические, экологические, климатические, коммуникационные, информационные, медико-географические. Если вслед за С. Хантингтоном [2003: 7] считать глобализацию «новым этапом истории, который ведет... к росту конфликтности в мире», то все проблемы выживания государств и их безопасности, культурной целостности и идентичности, сохранения географического и биологического разнообразия и пр. – суть соблюдения географической этики при разработке рекомендаций по снижению конфликтности. Кратко можно определить некоторые актуальные направления географической этики:

- 1) соблюдение нравственных норм научного отражения и синтеза данных об окружающем мире и при интерпретации данных статистики;
- 2) отказ от восприятия труда, созидательной деятельности человека на планете как негативного фактора для природы;
- 3) отказ от объективизма и алармизма в представлении результатов географических исследований и экспертизы;
- 4) деидеологизация контекста при географическом сопоставлении континентов, регионов, территорий (например, Европы и Азии, Европы и России, стран Севера и Юга и т. д.);
- 5) борьба с включением в географический анализ вымышленных рубежей, границ, ярлыков, фобий, «образов врага», стереотипов мышления и крайностей географического детерминизма;
- 6) «вето» на актуализацию старых карт, старых государственных границ, наименований государств, регионов, форм государственности и пр. при «географическом» обосновании современных геополитических интересов стран и регионов;
- 7) соблюдение этики географического прогноза и ответственности исследователя за интерпретацию и экстраполяцию данных палеогеографических реконструкций.

Для чего нужны географическая этика и ее принципы?

Для достижения условий устойчивого развития и мира обществу необходимы *смена мировоззрения, установление новых нравственных принципов и мотивация для следования этическим нормам и правилам в отношении изучаемых географических объектов*. Опыт показывает, что даже при достаточности ресурсов и оптимальности внешних условий государство далеко не всегда способно устойчиво развиваться, создавать эффективную пространственную инфраструктуру хозяйства, минимизировать ущерб природе, решать трансграничные задачи и конфликты, делать инвестиционно привлекательными в стратегическом отношении регионы.

Поэтому среди главных принципов географической этики – *обязательная передача стратегических географических знаний лицам, принимающим решения, и содействие обретению ими географического мышления*. Политики, управленцы и бизнесмены должны получать от географов представления о том, как лучше и эффективнее организовать хозяйство в пространстве сообразно размещению при-

родных и людских ресурсов при минимальных воздействиях на природу, как взаимодействовать с другими государствами и регионами. Любыми средствами географы должны просветить их и сделать единомышленниками. Конечно, это достигается не развернутыми статьями в научных журналах, например в «Ethics, Place & Environment», а экспертными и просветительскими действиями.

Помимо целей, функций и задач географии как науки, у нее есть ответственная миссия – *сохранение географического разнообразия мира, которое, помимо многообразия ландшафтов, объектов живой и неживой природы, включает многообразие народов, языков, культур, традиций, форм природопользования*. В этом – один из принципов географической этики.

Кроме того, она устанавливает и важный принцип *повсеместности сохранения природы*, при реализации которого не может быть «охраняемых» и «неохраняемых» природных территорий, растений, животных, может быть только разный режим сохранения и использования. С этических позиций (вполне логично, что они антропоцентричные) *созданный, преобразованный человеком в процессе хозяйствования ландшафт требует такого же внимания и сохранения*, как и природный.

К этому примыкает диалектическое понимание и этическая норма необходимости *сохранения природы для устойчивого использования ее ресурсов*. Этот принцип некоторыми исследователями и практиками охраны природы принимается в штыки. Но он положен в основу самых важных международных документов, регулирующих сохранение живой природы (например, Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г.).

Осуществление хозяйственной деятельности ради человека (а не ради избыточного потребления), включая изъятие природных ресурсов, освоение новых территорий, создание инфраструктуры, не может рассматриваться как что-то безнравственное. Нельзя созидательный труд в порыве борьбы за охрану дикой природы объявлять чем-то низменным, негуманным, как это делают, например В. Борейко [2005] и некоторые наиболее рьяные сторонники экологической этики. Географическая этика в данном случае обращает внимание на *необходимость минимизации воздействия и экологического ущерба, регламентации изъятия и отвода земель, на поиск альтернативных решений в осуществлении хозяйственных проектов*. Эти позиции заложены в требованиях географической экспертизы.

Биоэтика и экологическая этика во всех случаях остаются на стороне живой природы и создание особо охраняемой природной территории рассматривают как своего рода компенсацию за антропогенные нарушения. С позиций географической этики тот же эффект территориальной охраны достигается оптимальной организацией пространства и ландшафтным планированием, при котором каждая территория имеет функцию целевого назначения, а совокупно они организуются в обязательный экологический каркас, который создает условия для повсеместности охраны природы.

Но в России в большинстве случаев заповедание земель приводит к возникновению сложных и часто неразрешимых конфликтов с населением или хозяйствующими субъектами. У географии и экологии нет различий в системе ценностей, но *в географической этике важны интересы и природы, и субъектов природопользования – справедливое распределение выгод, компенсация и возмещение потерь*

местного населения и бизнеса. Эти принципы обязательно закладываются в стратегиях регионального развития.

Существенным в географической этике является противодействие *использованию географических знаний во вред обществу: для воспрепятствования социокультурному обмену и сближению народов, разжигания этнических и территориальных конфликтов, формирования негативного образа отдельных стран и народов, ложного представления об инвестиционной привлекательности регионов, искажения информации на картах (если это не отвечает требованиям безопасности страны), сокрытия оперативных сведений об опасности природных катастроф и пр.*

Эти и многие другие принципы географической этики должны закладываться в эколого-географические основы пространственного развития и устойчивого природопользования, фундаментальные и прикладные географические исследования, географическое образование и просвещение.

Гуманизация как составляющая географии века глобализации

Можно надеяться, что гуманизация самой географии даст толчок к гуманизации сфер приложения ее знаний. Но, постоянно сталкиваясь с вопросами планирования географических исследований, организации программных решений в географии и систематизацией представлений о развитии отдельных географических дисциплин и междисциплинарных работ, автор обратил внимание на то, что любые методологические попытки включения в географический анализ и синтез человека автоматически возвращают ее в категорию описательной науки, ассоциируя географов с путешественниками. Действительно, русская географическая наука, и прежде всего университетская география, веками развивалась в блоке гуманитарных наук. Так, по уставу 1804 г. Московского университета она была представлена на двух кафедрах: 1) всемирной истории, статистики и географии и 2) истории, статистики и географии Российского государства. Правда, уже в 1819 г. самостоятельная кафедра географии была создана в Петербургском университете. Но смею заверить, что среди исследовательских парадигм всегда доминировали статистические, картографические, природоведческие и, конечно, гуманитарные. Так что удалось отстоять многоотраслевой, синтетический и междисциплинарный характер науки и даже включить в рубрикатор некоторые ее инновационные направления – геоинформационные и дистанционные исследования.

По образному выражению В. Каганского [2001], «путешествие – презентация пространства». Тогда «синдром путешественника» в географии заключается в механической констатации факта, состояния географического объекта, тренда его развития, реже – некоторой субъективной оценке, связанной в случае с изучением природного объекта – с проблемами охраны природы и геоэкологии, а в случае с изучением хозяйства и населения – с социально-экономическими проблемами развития. Инновационная география – география синтеза и прогноза, наука с высокой степенью гуманизации, исходно ориентированная даже в ретроспективных исследованиях на актуальную картину мира, создающая технологии пространственного развития во всех аспектах – геополитическом, экономическом, социальном, эколого-географическом.

Ранее нами [Котляков, Тишков 2009] было показано, что развитию современной географии мешают недостаточный уровень ее гуманизации и отсутствие четких нравственных принципов во взаимодействии с практикой, в первую очередь отсутствие механизма ответственности перед будущими поколениями за интеграцию в повседневную деятельность человека географических знаний, результатов географической экспертизы и географических прогнозов. Речь идет об общих принципах организации географических исследований – от целеположения к синтезу, интерпретации и популяризации, которые определяли бы географическую этику и нравственные позиции исследователя, его ответственность перед будущим.

В основе многих современных этнических и территориальных конфликтов, в попытках формирования негативного образа отдельных стран и народов, создании ложных представлений об инвестиционной привлекательности региона, искажений информации в книгах, учебниках, мировых и национальных статистических сводках, географических атласах и картах лежат нарушения географической этики. Но методологически неправильно соизмерять ситуационные, разовые нарушения географической этики и ее системные мировоззренческие проявления, которые могут быть менее идеологизированными и политизированными, но от этого не менее негативными по последствиям для природы, хозяйства и населения.

Например, одним из часто встречающихся нарушений географической этики мировоззренческого уровня является *отказ от актуализации предмета исследований*. В этом контексте можно говорить о постмодернистских попытках подмены реального (физического) пространства *воображаемым* или «третьим пространством» [Митин 2011; Soja 1996; Gregory 1994]. Как ни странно, но именно отсутствие в анализе и синтезе географических исследований актуальной картины приводит к *ложному представлению о безграничных масштабах экстраполяционной значимости* получаемых географических данных. Так, сведения о локальной фауне степного заповедника могут иметь ограничения экстраполяции в пределах 2–3 % от прежнего ареала степной зоны, а данные о составе флоры и растительности зрелых девственных средне- и южнотаежных лесов Европейской России – в диапазоне 10–15 % их прежней площади тайги.

Большинство современных ландшафтов, экосистем и биот Северной Евразии (а также и других регионов планеты) – результат длительного, тысячелетнего антропогенеза под контролем человека (пожаров и рубки леса, выпаса скота, развития эрозии, регуляции стока, загрязнения среды и эвтрофирования водоемов, фрагментации ландшафта, избыточности и избирательности промысла, контроля численности животных и т. д.).

В середине XIX в. немецкий географ К. Риттер писал, что Земля не только самостоятельно развивается, но и служит *ареной многообразной деятельности человека*. Видный французский географ Элизе Реклю считал, что *современную природу необходимо понимать как результат естественного и антропогенного воздействий* и указывал, что география – социальная наука, которая стремится установить гармонию природы и человека. За прошедшие два века антропогенная эволюция затронула практически все компоненты природной среды [Котляков, Тишков 2009].

География конца XIX в. была противоречива в отношении определения предмета и содержания, что служило выражением ее дуалистического характера, со-

единившего знания о природе Земли, преобразуемой человеком, со знаниями о человеке и обществе. Господствующим направлением этого периода, в противовес мнению Э. Реклю, было естественно-научное направление русской школы, во многом перенявшей взгляды А. Геттнера. А. Н. Краснов называл географию «философией естествознания», подразумевая ее синтетическое содержание и обязательную *актуализацию предмета исследований*, учитывающую и ее антропогенную составляющую. А. Геттнер [1925], как сторонник единой географии, сводил ее к страноведению и ландшафтоведению, *рассматривая человека и последствия его деятельности как компоненты природного ландшафта*.

С нашей точки зрения, отход от «геттнеровской географии» привел сначала советских, а затем и российских географов к *отказу от актуализации предмета исследований*, к обязательному разделению предметов и объектов исследований на природные и «неприродные», к нежеланию воспринимать идеи «буржуазной географии» о «заполненном пространстве», где всегда присутствует человек и следы его деятельности. По А. Геттнеру, предмет исследований географии – «индивидуальные земные пространства и места» [Геттнер 1925: 55], где человек с его духовной культурой является частью любого ограниченного пространства. По сути, именно такое понимание современного предмета исследований сделало географию наукой, изучающей *антропоцен* [Тишков 2015], в противовес дисциплинам, изучающим прошлые состояния природы без человека. В этой ситуации даже с методологических позиций постановка вопроса о новой эпохе в эволюции Земли – *антропоцене* – в нашей стране ранее не имела под собой фундаментальных оснований.

Можно по-разному оценивать соотносимость концепции антропоцена с идеями К. Риттера, Дж. Маршала, Э. Реклю, А. Геттнера, В. В. Докучаева и В. И. Вернадского, но важно признать методологическую ценность всех подходов, которые способны интегрировать географические знания и прогнозы в повседневную деятельность человека, не отдаляя (разделяя) и не противопоставляя человека и природе, что, с нашей точки зрения, можно считать нарушением норм географической этики [Котляков, Тишков 2009]. Определив начало новой геологической эпохи – антропоцена – мы, с одной стороны, по сути, *предупреждаем человечество о коренных, часто необратимых перестройках природы*, а с другой – даем мощный научный инструмент – географический прогноз, который связан с этикой и востребован обществом.

Нравственные нормы анализа и синтеза географических данных

Ни коммунизм как заманчивая идеологическая перспектива, ни «открытое» информационное общество постмодернизма, ни концепция устойчивого развития не останавливают *современную дегуманизацию развития человечества*. Постепенно и география становится наукой, изучающей последствия воздействия человека на природу, мало дающей для стратегии выживания и развития, для будущего.

Но достоверность и полнота информации, которую география получает при изучении современного состояния природы в его сравнении с прошлыми состояниями, нужны для формирования новых фундаментальных знаний, для интеграции науки в практическую деятельность людей. Нравственная составляющая здесь не в голых цифрах, графиках и таблицах, а в интерпретации первичных

данных. Если изменения природы беспрецедентны по масштабам, а последствия угрожают будущим поколениям, то это должно быть донесено до сознания лиц, принимающих решения, и населения. И тем и другим нужно знать *наилучшие технологии и образцы пространственного развития страны и регионов, устойчивого природопользования и сохранения среды*. Но в этом еще одна важная составляющая географической этики – поиск и донесение до человечества меры и нормы природопользования, равного доступа населения к природным и цивилизационным благам и качественной среде.

Поэтому и сама концепция устойчивого развития не должна перерасти в концепцию *устойчивого потребления*, как это происходит в отдельных развитых странах, строящих «экологический рай», формирующих «стерильную среду» за счет получения в избытке природных ресурсов извне, оставляя экологические издержки по месту их добывания. Географы-теоретики, обосновывающие такие схемы разделения труда и размещения производительных сил, рекомендуемые высочайшие по экологичности технологии для использования в отдельных странах, устремляются от гуманистических идей. Но достаточно проследить географию любой экологичной и высокотехнологичной производственной цепочки, как выясняется (и это может и обязан сделать именно географ), что добыча, транспортировка и переработка сырья, производство «чистой энергии» и «экологического транспорта» – это разрушенные тысячи гектаров природных экосистем, загрязненные реки и атмосфера промышленных центров.

Способна ли современная география с позиций этики решать вопросы гуманизации развития? Наш профессиональный ответ – конечно, да! Но вот востребованность таких идей не определяется ни на глобальном, ни на национальном уровне. Нет социального заказа от развитых стран, а у стран «неразвитых», стран третьего мира нет средств на постановку таких исследований, да и не будут они рубить сук, на котором сидят, оставаясь странами с сырьевой экономикой, размещающей у себя «грязные производства».

Почему? Во-первых, *сохраняются глобальные демографические тенденции*, несмотря на оптимистичные прогнозы, с креном перенаселения в развивающихся странах. В 1804 г. население Земли достигло 1 млрд, в 2020 г. – более 7,8 млрд человек. До стабилизации населения Земли на уровне 9 млрд еще 30–50 лет. Более высокие темпы прироста потребления ресурсов как раз в тех странах, где сохраняются темпы роста населения. И если, например, страны БРИКС поставят своей целью достичь в обозримой перспективе уровня потребления (не уровня жизни) США или Германии, то это возможно только при быстром истощении ресурсов Земли и превращения ее суши и океана в безжизненное пространство. В соответствии с этим в странах с разным пространственным потенциалом *будут меняться нагрузки на ресурсы и экосистемы*. Во многих странах Европы, в том числе в России, Украине, а также в Японии, идет сокращение численности населения.

Во-вторых, *к началу XXI в. на Земле оказалось нарушено (в основном аграрным производством) 65 % поверхности суши*, а около 40 % полностью трансформировано. В Европе антропогенные экосистемы занимают более 85 %, в Африке – 51 %, в Азии – до 60 %, в Австралии – 40 %, в Северной Америке – 45 %. Во многих странах доля природных экосистем не превышает 5 %, а в странах Западной

Европы и в Японии они отсутствуют полностью. Исключение составляет Россия, где Великий Евразийский природный массив занимает около 60 % территории.

Причины здесь в условиях глобализации лежат не только в сфере потребления невозобновляемых ресурсов, но преимущественно в сфере *несовершенства глобальной регламентации природопользования, неэффективного мирового разделения труда, постоянного использования экологического и политического фактора в конкурентной борьбе производителей и в торговых войнах*, а также в сфере низкого качества международного регулирования со стороны ВТО, конвенций и соглашений. Для географов это очевидно, так как регламентация потребления в развитых странах, огромные военные расходы пространственно избирательны, что создает эффекты разрушения и фрагментации ландшафтов, перехода от очагового разрушения среды к фронтальному, снижающему возможности самовосстановления природы. А суммарные военные расходы стран мира составляют более 2 трлн долларов. И если говорить о географической этике применительно к этой статистике, то не надо «закрывать глаза», говоря с пафосом об ущербе природе от сельского хозяйства и нефтедобычи, потому что эти и другие отрасли по своему назначению *созидательные*, а военная отрасль – *разрушительная* и для человека, и для природы.

В-третьих, в мире идет снижение удельных показателей обеспечения *земельными ресурсами и экологического следа*. Площадь первого на душу населения «сжалась» по сравнению с 1900 г. в 4 раза и составляет менее 2 га, а к 2050 г. сократится до 1,6 га. Что касается экологического следа, то он с ростом потребления снижается еще более быстрыми темпами. Это сочетается с изменением структуры землепользования, деградацией почвенного покрова, расширением процессов эрозии земель и опустынивания, которые поражают страны Африки и Азии. В них более половины населения занято в первичных производствах и непосредственно связано с использованием природных экосистем (например, пастбищ), теряющих способность к регенерации. Отрицательные значения экологического следа, то есть когда потребление ресурсов выше, чем их запасы в самой стране, наблюдаются в наши дни у многих развитых и развивающихся стран. Например, по данным портала Pricoda.su [Экологический...], «лидерами» здесь выступают Объединенные Арабские Эмираты (–9,8), Катар (–8,0), Бельгия (–6,7), Япония и США (по –4,2), Украина и Азербайджан (–1,1). У России и у других экологических доноров планеты (Бразилии, Австралии, Боливии, Канады) экологический след сохраняет положительные значения – от +1,3 до +7,0, но снижается.

В-четвертых, *разрывы в уровнях природоохранной деятельности между развитыми и развивающимися странами возрастают*, что в планетарных масштабах усиливает дестабилизацию и напряженность в мире. Так, одно из важных достижений развитых стран – рост площади лесов (в последние десятилетия около 30 тыс. км²). К этим странам присоединилась и Россия, но увеличение лесных площадей здесь идет за счет деградации аграрных площадей. В то же время уничтожение тропических лесов сохраняет годовую скорость около 100 тыс. км².

Природоохранные технологии, базирующиеся на эколого-географических методах защиты природы, могут и должны стать объектами гуманитарной помощи и безвозмездного трансфера от развитых стран к развивающимся. Но вопреки здравому смыслу и географической этике планы территориального развития

и ландшафтного планирования развивающихся стран (преимущественно плоды деятельности географов развитых стран) включают все больше объектов «грязного производства». Так, в Африке более 60 % ВВП создается вынесенными сюда экологически опасными производствами.

В-пятых, *дефицит водных ресурсов и питьевой воды* – одна из наиболее сложных проблем развития современной экономики Африки и Азии. Она связана в первую очередь с увеличением потребления воды (более 70 % – сельским хозяйством), которая используется нерационально, общей деградацией окружающей среды и изменением климата. По глобальным сценариям (ГЕО-4), при продолжении текущих тенденций к 2025 г. 1,8 млрд человек будут жить в регионах с абсолютным дефицитом водных ресурсов, 2/3 мирового населения будут испытывать стресс водного недостатка. В 2050 г. в таких условиях могут оказаться более 5 млрд человек. При наличии у развитых стран технологий решения данной проблемы любые препятствия их передаче нуждающимся странам – нарушение нравственных принципов и преступление.

Объективизм результатов географических исследований

Игнорирование норм географической этики трудно обсуждать как масштабное явление века глобализации, но оно конкретно и событийно. Наиболее ярко объективизм интерпретации результатов географических исследований проявляется при осмыслении *глобальных изменений климата и синергизма их воздействия на природу, хозяйство и население в сочетании с ростом антропогенных нагрузок на поверхность Земли*. Проблема затронула все сферы жизни – политическую, социальную, экономическую и экологическую. То, что это следствие антропогенной трансформации биосферы, доведено, что называется, до каждого слушателя радио, пользователя ТВ и Интернета. Но то, что в истории планеты подобные тренды и циклы температуры повторяются регулярно, а природа и традиционное хозяйство имеют определенный адаптационный ресурс – широкую норму реакции, география с трудом доносит до населения. Как вести себя в этих условиях человечеству, населению страны? На этот вопрос, преодолевая конъюнктуру, должны ответить и географы. Именно о поведении человечества в условиях проявлений глобального экологического и климатического кризиса надо думать, используя в том числе и прогнозы географов [Пузаченко 1998; Бестужев-Лада, Наместникова 2001]. Иначе география из созидательной и стратегической превращается в алармистскую и *априори* идеологизированную науку.

Объективизм в географических исследованиях проявляется и в отношении расстановки акцентов при оценках трансформации экосистем и биоты Земли, *сила которой всегда пропорциональна потреблению ресурсов независимо от места потребления*. Постиндустриальное, информационное общество не оставляет себе гуманитарного базиса для защиты от таких явлений, как нарастающее потребление, стремление к переносу «грязного производства» из развитых стран, нежелание компенсировать потери природно-ресурсного потенциала и природной ренты от экспорта ресурсов. Сохраняется его стремление к моделям монополярного мира (в разных вариантах) и мирового господства, возврату к холодной войне как соревнованию военных бюджетов и в конечном счете к неоправданному росту нагрузок на природные ресурсы. Новые идеологические основы образования,

заложенные в него в последние десятилетия, не дали ожидаемых результатов – поколения XXI в. не стали носителями новой идеологии мировой кооперации, мировой демилитаризации, разумного отношения к природе и ее ресурсам.

География таит в себе потенциал решения сложных задач территориальной организации хозяйства, развития инфраструктуры, оптимизации расселения и природопользования и устойчивого развития. Она предлагает организацию рациональной системы мониторинга, рецепты минимизации нарушения земель, регионально адаптированные схемы реабилитации нарушенных земель, развитие территориальной охраны природы и формирования «зеленого каркаса» – все это прикладные решения на основе объективных географических знаний.

В проблеме *глобального изменения климата* география не только ищет и находит аналоги современных изменений в прошлом, но и разрабатывает системы мер по профилактике и снижению негативных последствий «быстрых» климатических изменений для природы, хозяйства и населения. А проблеме *продолжающейся деградации гуманитарных основ развития* противопоставляет модели устойчивого развития и его стратегии. Разными странами накоплен большой опыт включения гуманитарных идей в систему общественной и экономической жизни, в первую очередь через ее пространственную организацию, формирования определенных норм отношения к природе и пр. Хорошо видно, что деидеологизация в России не дала позитивных импульсов для развития регионов. Гуманитарные основы даже не закладываются в стратегии экономики субъектов федерации.

Ответственность перед будущим: географический прогноз

Достижение целей развития – это согласование противоречий и поиск компромиссов в системе «природа – общество», в том числе:

- между воздействием на природу и необходимостью ее охраны;
- использованием ресурсов и сохранением их запасов;
- биологическим и социальным в природе человека;
- научно-техническим прогрессом и гуманизмом;
- ростом потребления и нравственными позициями самоограничения;
- традиционным и инновационным в развитии и пр.

Существует много подходов к разрешению этих противоречий и поиску компромиссов. Механизмы согласования или устранения противоречий имеют четкую эколого-географическую основу. В частности, научно-технический прогресс играет большую роль в повышении эффективности природопользования и энергосбережения и в минимизации негативных последствий хозяйственной деятельности. Для разрешения противоречий также значение имеют *смена мировоззрения, установление и следование новым нравственным принципам, этическим нормам и правилам поведения по отношению к природной среде и ресурсам*. Здесь важен и выбор оптимальных сценариев в глобальной стратегии развития человечества, учитывающей ассимиляционный потенциал биосферы и ее способность к самовосстановлению.

Среди методологических позиций формирования географического прогноза и взглядов на будущее Земли можно назвать такие:

- *алармизм*, ожидание скорых экологических катастроф и быстрого истощения ресурсов;

- *экологический оптимизм*, или вера в возможности коэволюции, в переход мировой и национальных экономик к возобновляемым ресурсам;
- *рационализм*, вера в опережающее развитие науки, особенно гуманитарной, включение ее достижений в решение глобальных проблем;
- *экологический реализм*, использование позитивного опыта решения экологических проблем и регламентации воздействий на природу и пр.;
- *биотическая регуляция*, определение емкости биосферы по отношению к воздействиям человека, сохранение биоты и природных экосистем как «гарантов» ее устойчивости [Горшков 1995].

В дискуссии о взаимодействии природы и общества участвуют разные стороны, отражающие весь спектр гуманитарных воззрений на ответственность перед будущим. Среди них *геисты* (от «Гея» Д. Лавлока), которые говорят, что все на планете саморегулируется; *армагеддонисты*, ожидающие близкого конца света из-за экологического кризиса; *изобилисты* (оптимисты), для которых пределов развития нет и потенциал Земли достаточен; *рационалисты*, объединяющие всех в поисках рецепта выхода из «затянувшейся болезни» – антропогенной деградации природной среды; наконец, *равнодушные*, рассуждающие, что на наш короткий век всего хватит. К сожалению, последнюю группу формируют и ученые – экологи, географы, которые выбирают направлением своих исследований только фиксацию разрушения природной среды.

Общие позиции почти для всех названных категорий – необходимость сохранения биосферы в близком к исходному состоянию. Различия заключаются в прогнозах, сценариях, используемых методах, в определении необходимой пропорции в степени сохранности и преобразования среды.

Среди взглядов на пределы развития человечества и его воздействия на природу на фоне глобализации надо выделить представления Л. Х. и Д. Л. Медоузов [см.: Розенберг 2007] и академика Н. Н. Моисеева [Моисеев и др. 1985]. Известные модели Л. Х. и Д. Л. Медоузов можно рассматривать как возможные варианты реакции природы на антропогенную деятельность в условиях промышленного роста, сокращения природных ресурсов и загрязнения окружающей среды. Такой реакцией может быть и резкое сокращение населения Земли вследствие голода и болезней в отдельных регионах и социальных группах, в результате *эпидемий или пандемий, геноцида, военных конфликтов, локальных войн, наконец, мировой войны*.

Н. Н. Моисеев подчеркивает, что для сохранения цивилизации на планете необходимо проводить разумную глобальную демографическую, экономическую и социальную политику, направленную на контролируемое, но *ненасильственное регулирование населения, мощное развитие наукоемкой, энерго- и ресурсосберегающей экономики, возможную социальную справедливость и включение гуманитарных принципов развития*.

Это отличает его взгляды на будущее от прогностических и стратегических построений В. И. Вернадского, А. Лотки, Дж. Лавлока, Д. Х. и Д. Л. Медоузов, В. И. Данилова-Данильяна, В. Г. Горшкова и др. Их прогнозы также опираются на необходимость *сохранения окружающей среды с общегуманитарных позиций развития*. Но все же на первое место они ставили и ставят естественно-научный аппарат прогнозирования и доказательств современных трендов и кризисов (мо-

дели, теорию термодинамики, оценки емкости биосферы, экономический анализ и пр.).

Главное в реалиях практической деятельности географии XXI в. – это *острая необходимость внедрения гуманитарных идей развития в механистические, по сути, взгляды на эволюцию самоорганизующейся системы Земли и ее биосферы*. Исходя из этого возникла концепция коэволюции природы и общества и «пределов развития», предложенная в свое время Н. Н. Моисеевым [2000], определились приоритеты социальной справедливости, поддерживающего развития и пр. Эти позиции стали аргументом в пользу принятия географией будущего того, что *мотивация развития человечества может быть регламентирована*, а оно само может быть управляемым не с позиций «мирового правительства», а с *позиций приобретенного внутреннего побуждения, связанного и с механизмом самосохранения*. При этом пространство как ресурс и условие развития не может рассматриваться фактором ограничения, иначе в стратегии развития появляются мотивы нового освоения, экспансии, захвата и пр.

Именно технократический взгляд политиков, экономистов и многих экологов на формирование и решение экологических проблем и их же механистический взгляд на противодействие ухудшению природной среды не позволяют привести в глобальное прогнозирование собственно гуманитарные идеи. Но для географов, исходно ориентированных на сочетание физических и гуманитарных оснований стратегии развития человечества, такой взгляд очевиден. *Географический прогноз должен опираться на идеологическую основу*, на прогноз достижений науки, а главное – на новую мотивацию поведения человека на нравственной основе.

Географическая этика в условиях глобализации (вместо заключения)

Глобальные вызовы могут получать адекватный ответ географов с позиций географической этики, иначе возникают антигуманистические «издержки» исследований, обосновывающие алармистские, реваншистские, политизированные, постмодернистские и корпоративные лоббистские рекомендации типа «золотого миллиарда», пересмотра государственных или признания «исторических» границ государств, географической «избирательности» пространственной трактовки последствий климатических аномалий, обязательности борьбы с «антропогенным потеплением» и призывов «управления климатом», введения «углеродного налога» для тех, кто и производит все составляющие «чистых технологий» и т. п. Это относится и к географическому прогнозу, особенно его «безответственной части», касающейся масштабов и сроков наступления тех или иных глобальных катастрофических явлений – дефицита ресурсов, аномально высоких температур, глобальных эпидемий, вымирания видов, подъема уровня океана и пр. [Тишков 2013]. Понятно, что многие угрозы (в отличие от глобальных вызовов) носят скорее гипотетический характер. Например, есть множество вполне естественных причин, вызывающих заметные климатические колебания, а глобальный климат может испытывать сильные флуктуации и без всяких антропогенных воздействий. Даже при фиксированном уровне солнечной радиации и постоянной концентрации парниковых газов на протяжении столетия колебание средней температуры поверхности Земли достигает 0,4 °С [см. статью в «Nature»: Hansen, Lacis 1990].

Сама трактовка взаимодействия Человека с Природой как «конфликта» задает тон дискуссии о географической этике. Приписывание человеку «вечной вины» за «экологическую нечистоплотность», вымирающую природу [Арутюнов 2007], на наш взгляд, ложно, в том числе с нравственно-этических позиций. Ведь нарушение биосферных функций природы происходит как при пасторально-патриархальном сельском хозяйстве, так и при реализации мечты зеленых – функционировании «возобновляемой» энергетики. А обе они несут ничуть не меньшую угрозу для природы, чем индустриализация. По оценкам В. Г. Горшкова [1995], для сохранения стабильности биосферы цивилизация не должна потреблять свыше 1 % чистой первичной продукции глобальной биоты. Современное же прямое потребление продукции суши существенно больше (впрочем, в пределах, которые свойственны консументам в природных экосистемах). Но это только с антропоцентрических позиций Природа и Цивилизация – антагонисты. Цивилизация стремится использовать воспроизводимый Природой потенциал как ресурс своего развития, а Природа стремится компенсировать и «сгладить» это воздействие. Учение об антропоцене как раз приближает нас к пониманию позиции Человека «как части Природы» и новой ступени эволюции.

Географии полезно озаботиться проблемами собственной гуманизации и новыми этическими основами [Котляков, Тишков 2009; Cutchin 2002]. В начале XXI в. это сделать существенно легче, чем в периоды Великих географических открытий, колонизации Азии, Африки и Латинской Америки и континентальных и мировых войн, когда география теоретически помогала «нести бремя белых», экспансиям (расширению границ) государств, созданию союзов и даже аншлюсам. Сейчас у географии появилась важнейшая социальная функция – обоснования модели будущего, создания новых утопий (взамен коммунистических). И здесь без теории взаимосвязи прагматической этики и географического мышления не обойтись [Cutchin 2002]. А нам остается только сформулировать новые задачи географической науки для развития ее теории и связей с практикой сообразно с глобальными вызовами и надеждами на будущее.

Литература

Арутюнов В. С. Глобальное потепление: катастрофа или благо // Химия и жизнь. 2007. № 3. 2007. С. 16–22.

Бестужев-Лада И. В., Наместникова Г. А. Социальное прогнозирование. М. : Педагогическое общество России, 2001.

Борейко В. Прорыв в экологическую этику. 4-е изд., доп. Киев : Логос, 2005.

Геттнер А. Страноведение Европы. М., 1925.

Горшков В. Г. Физические и биологические основы устойчивой жизни. М. : ВИНТИ, 1995.

Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. статей. М. : Новое литературное обозрение, 2001.

Котляков В. М., Тишков А. А. Стратегия устойчивого развития России в начале XXI века: инновационные векторы и место географического прогноза // Инновации. 2009. № 9. С. 74–81.

Митин И. И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. Философско-культурологический журнал. 2011. № 1. С. 62–73.

Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М. : Языки русской культуры. 2000.

Моисеев Н. Н., Александров В. В., Тарко А. М. Человек и биосфера. Опыт системного анализа и эксперименты с моделями. М. : Наука, 1985.

Пузаченко Ю. Г. Методологические основы географического прогноза и охраны среды. М. : Изд-во УРАО, 1998.

Розенберг Г. С. Глобальное моделирование (к 35-летию выхода в свет «Пределов роста») // Самарская Лука. 2007. Т. 16. № 3(21). С. 588–598.

Тишков А. А. На наш век хватит? Климатический прогноз и географическая этика // Аграрное обозрение. 2013. № 5(39). С. 56–58.

Тишков А. А. Биогеография антропоцена Северной Евразии // Известия РАН. Серия географическая. 2015. № 6. С. 7–23.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.

Экологический след и биологический потенциал [Электронный ресурс]. URL: <https://priroda.su/item/2070>.

Cutchin M. P. Ethics and Geography: Continuity and Emerging Syntheses // Progress in Human Geography. 2002. Vol. 26. No. 5 (Oct.). Pp. 656–664.

Hansen J. E., Laci A. A. Sun and Dust Versus Greenhouse Gases: An Assessment of Their Relative Roles in Global Climate Change // Nature. 1990. Vol. 346. Pp. 713–719.

Gregory D. Geographical Imaginations. Cambridge, MA – Oxford : Blackwell, 1994. Pp. 1–25 [Электронный ресурс]. URL: <https://studylib.net/doc/6850497/gregory-tahrir---geographical-imaginations> (дата обращения: 18.01.2021).

Soja E. Thirdspace. Cambridge, MA : Blackwell Publishers Inc., 1996.

References

Arutyunov V. S. Global'noe poteplenie: katastrofa ili blago [Global Warming: A Disaster or a Blessing] // Himiya i zhizn'. 2007. No. 3. Pp. 16–22.

Bestuzhev-Lada I. V., Namestnikova G. A. Socialny prognoz [Social Forecasting]. Moscow : Pedagogical Society of Russia, 2001.

Boreyko V. Propyv v elologicheskuyu etiku [Breakthrough in Environmental Ethics]. 4th ed. Kiev : Logos, 2005.

Hettner A. Stranovedeniye Yevropy [Country Geography of Europe]. Moscow, 1925.

Gorshkov V. G. Fizicheskie i biologicheskie osnovy ustoichivoi zhizni [Physical and Biological Bases of Sustainable Life]. Moscow : VINITI, 1995.

Kagansky V. L. Kulturny landshaft I sovetskoe obitaemoe prostranstvo [Cultural Landscape and Soviet Habitable Space] : collection of articles. Moscow : New Literary Review, 2001.

Kotlyakov V. M., Tishkov A. A. Strategiya ustoichivogo razvitiya Rossii v nachale 21 veka: innovatsionnye vektory i mesto geograficheskogo prognoza [Strategy of Sustainable Development of Russia at the Beginning of the 21st Century: Innovative Vectors and the Place of Geographical Forecast] // Innovatsii. 2009. No. 9. Pp. 74–81.

Mitin I. I. Na puti k voobrazhaemoy geographii: dva povorota, tri prostranstva [On the Way to an Imaginary Geography: Two Turns, Three Spaces] // *Topos. Philosophical and Cultural Journal*. 2011. No. 1. Pp. 62–73.

Moiseev N. N. Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma [The Fate of Civilization. The Path of Reason]. Moscow : Yazyki russkoj kul'tury, 2000.

Moiseev N. N., Alexandrov V. V., Tarko A. M. Chelovek i biosfera. Opyt sistemnogo analiza i eksperimenty s modelyami [Man and the Biosphere. Experience of Systematic Analysis and Experiments with Models]. Moscow : Nauka, 1985.

Puzachenko Yu. G. Metodologicheskie osnovy geographicheskogo prognoza i okhrany sredy [Methodological Foundations of Geographical Forecasting and Environmental Protection]. Moscow : URAO Publishing House, 1998.

Rosenberg G. S. Globalnoe modelirovanie (k 35-letiyu publikatsii "Limits of Growth") [Global Modeling (To the 35th Anniversary of the Publication of "Limits of Growth")] // *Samarskaya Luka*. 2007. Vol. 16. No. 3(21). Pp. 588–598.

Tishkov A. A. Na nash vek hvatit? Klimaticheskij prognoz i geograficheskaya etika [Is it Enough for our Century? Climate Forecast and Geographical Ethics] // *Agrarnoe obozrenie*. 2013. No. 5(39). Pp. 56–58.

Tishkov A. A. Biogeografiya antropotsena Severnoj Evrazii [Biogeography of the Anthropocene of Northern Eurasia] // *Izvestija RAN. Geography series*. 2015. No. 6. Pp. 7–23.

Huntington S. Stolknovenie tsivilizatsij [The Clash of Civilizations]. Moscow : AST, 2003.

Ekologicheskij sled i biologicheskij potentsial [Ecological Footprint and Biological Potential]. URL: <https://priroda.su/item/2070>.

Cutchin M. P. Ethics and Geography: Continuity and Emerging Syntheses // *Progress in Human Geography*. 2002. Vol. 26. No. 5 (October). Pp. 656–664.

Hansen J. E., Lacis A. A. Sun and Dust Versus Greenhouse Gases: An Assessment of Their Relative Roles in Global Climate Change // *Nature*. 1990. Vol. 346. Pp. 713–719.

Gregory D. *Geographical Imaginations*. Cambridge, MA; Oxford : Blackwell, 1994. Pp. 1–25. URL: <https://studylib.net/doc/6850497/gregory-tahrir---geographical-imaginations> (accessed: 18.01.2021).

Soja E. *Thirdspace*. Cambridge, MA : Blackwell Publishers Inc., 1996.

ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Дергачева Е. А. *

В начале XXI в. мир развивается в социально-техногенных условиях жизни. Внимание исследователей в технократических теориях, направленное на социально-экономические закономерности, упускает из виду фактор техногенности изменений в обществе, его экономике и биосфере вследствие расширения техносферы. Научно-технологический способ производства в соединении с создаваемыми экономикой инновациями приводит к техногенным трансформациям в естественных биологических системах. Поэтому речь в теориях технократической экономики должна идти об изучении формирующихся интегративных социотехноприродных закономерностей развития мира, определяющих его переход к постбиосферному биотехнологическому развитию жизни в городской техносфере, что представляет важность для разработки программ безопасного развития.

Ключевые слова: технократизм, биотехнологическая экономика, техносфера, биосфера, социотехноприродные эволюционные процессы, устойчивое развитие.

From the beginning of the 21st century the world is developing in a socio-technogenic environment. The emphasis in technocratic theories on socio-economic regularities misses the factor of technogenic changes in society, its economy and biosphere due to the expansion of the technosphere. The scientific and technological mode of production together with the innovations created by the economy, leads to technogenic transformations in natural biological systems. Therefore, the theories of technocratic economics should focus on the study of the emerging integrative sociotechnonatural laws of the world's development, which determine its transition to the post-biosphere biotechnological development of life in the urban technosphere, which is important for the development programs for the conservation of man and the biosphere.

Keywords: technocracy, biotechnological economy, technosphere, biosphere, sociotechnonatural evolutionary processes, sustainable development.

Введение

Технократическая парадигма экономического развития является ведущей и наиболее привлекательной концепцией во взглядах представителей современного мирового бизнеса, государств, науки и общества. С технологиями и их непрерывным совершенствованием вследствие достижений научно-технического прогресса связываются надежды как роста благосостояния государства и доходов бизнеса,

*Дергачева Елена Александровна – д. ф. н., профессор РАН, профессор Брянского государственного технического университета. E-mail: eadergacheva2013@yandex.ru.

так и решения многих социо-эколого-экономических проблем, определяющих поиск построения безопасных сценариев устойчивого развития. О технократическом векторе экономического развития свидетельствует наиболее весомый показатель хозяйственной активности обществ – валовый внутренний продукт, устойчивое лидерство по уровню ВВП принадлежит наиболее технологически развитым экономикам мира, среди них страны постиндустриальной экономики – США, государства Европейского союза, Япония и активно развивающаяся промышленность и наукоемкую сферу индустриальная экономика Китая. Среди новейших вехней социально-экономического развития последнего десятилетия XXI в. – динамичный рост рыночной капитализации высокотехнологичных информационно-коммуникационных транснациональных компаний (ТНК), составляющих ядро цифровой трансформации капиталистической постиндустриальной экономики и количественно доминирующих в первой десятке самых дорогих компаний мира (по сравнению с уступающими им свои позиции компаниями обрабатывающей промышленности). К ИКТ-сектору примыкают игроки глобальной фармацевтической индустрии [Global... 2019], обеспечивающие высокий рост доходов за счет разработок синтетических химических препаратов для поддержки здоровья человека и борьбы с вирусными инфекциями.

ТНК информационной сферы, являясь крупнейшими инновационными центрами, создают «подрывающие инновации», качественно перестраивающие всю инфраструктуру экономики и ее ценности, переносят преобладающий массив составляющих ее процессов воспроизводства в виртуальный мир информационных сетей, обещающих ключевым игрокам колоссальные прибыли. Лидерство (в 2020 г.) по доле такой экономики в ВВП принадлежит США (до 8 %) и Китаю (до 6 %) [Дынкин 2020: 210]. Мир «опьянен» технократическими перспективами создания виртуальной (или цифровой) экономики (как разновидности постиндустриальной), борьбой за инновационное лидерство в высокотехнологичной индустрии. На этом фоне вне достаточного финансирования остаются насущные нарастающие экономико-экологические проблемы многовековой реальности естественной природной жизни, в которой тысячелетиями протекала хозяйственная активность человека. В данном направлении «провалы» глобального рынка очевидны, несмотря на то что на Всемирном экономическом форуме в Давосе в оценках мировой экономической и политической элиты удельный вес экологических рисков преобладает среди всех глобальных рисков [Global... 2020] (и эта тенденция наблюдается уже более десятилетия). Курс на построение зеленой экономики избран одним из приоритетных и воплощается в жизнь в 50 государствах. Тем не менее сравнение объемов финансирования биоэкономики по странам мира и показателей совокупного дохода только сотни крупнейших инновационных ТНК мира, направляющих инвестиции на расширение искусственных процессов, демонстрирует явный перевес последних: для стран Европы расходы на зеленую экономику – около 2 трлн евро (4,2 % ВВП) в год, в Китае – 1,5 трлн долларов (по прогнозам в 2020 г.) [Зеленая... 2019: 53], а доход сотни ТНК – 33,3 трлн долларов (2020) [Крупнейшие... 2020].

Действительно, наиболее остро стоят проблемы нарастающего разрушения естественной биофизической реальности – биосферы – вследствие технократизма хозяйственной деятельности, особенно ускорившиеся в последние пять десятилетий (1970–2020 гг.) научно-технического прогресса. За этот период вследствие

антропо-техногенной деятельности на Земле ушло в небытие в среднем две трети популяций живых организмов, в пресных водах – четыре пятых. И все эти обусловленные экспансией либерально-технократической экономики тенденции ускоряющейся деградации биоразнообразия происходят на фоне падения примерно наполовину (с 1990 г.) мировых запасов естественной природы в расчете на душу населения при одновременном двукратном росте произведенных товаров и услуг [Living... 2020].

Решение эколого-экономических проблем и модернизация экономики связываются с внедрением, в частности, в России (с 2019 г., по примеру ЕС) наилучших доступных технологий, позволяющих в перспективе сократить примерно наполовину объем используемого в индустрии природного капитала, снизить уровень загрязнений, а в итоге – примерно втрое повысить ВВП, что, по оценкам, будет способствовать росту качественных социально-экологических показателей жизни населения страны [Зеленая... 2019: 37–38]. В мировой экономике приходит понимание необходимости включения ценности увядающей естественной природы в цепи создания стоимости конечной продукции с целью создания инвестиций для восстановления и поддержания благоприятной для жизнедеятельности людей среды обитания [Фюкс 2016]. По оптимистичным прогнозам, для развития зеленой экономики необходимо инвестировать примерно 2 % мирового ВВП в год, что вполне может быть реализовано на фоне сокращения финансирования энергоемких хозяйственных процессов [UNEP 2010]. Но эти подсчеты могут быть занижены, а прогнозы реконструкции естественной природы не достигнуты.

Складывается впечатление, что продвигаемые рынком технологии и научные проекты могут остановить деградационные процессы в биосфере и вернуть либерально-экономическими методами техногенно развивающиеся общества на устойчивый путь социо-эколого-экономического развития. В то же время акцент в технократических социально-экономических теориях на социально-экономических закономерностях упускает из виду фактор техногенности изменений в обществе, его экономике и биосфере вследствие расширения городской техносферы. Технократизм как ключевая доктрина современной экономической политики определяет существенные трансформации в картине мира, эволюционной модели его развития, что налагает новые ограничения на программы формирования биоэкономики.

Методология

В качестве ключевой методологии выбираются два подхода – междисциплинарный и социоприродный. Первый сейчас получает все более весомую поддержку в научном сообществе. Тем не менее в данном исследовании речь идет о ведущей роли теории философии социально-техногенного развития мира как объединяющем звене при глубинном осмыслении тенденций разных наук [Dergachev, Trifankov 2019]. Согласно данной научно-философской концепции, восходящей к началу XXI в., техногенно развивающееся общество и его экономическая подсистема создают искусственную реальность жизни – техносферу, которая оказывает ответное воздействие на социальный организм, его хозяйство и на биосферу, что приводит к сопряженным социотехноприродным изменениям на планете.

Второй – социоприродный – подход применяется для анализа глобальных явлений взаимосвязанных процессов социальной (в том числе экономической) и природной жизни, обусловленных хозяйственной активностью человека. В его основе – идеи В. И. Вернадского (первой половины XX в.) [Вернадский 2001] и его последователей о биосфере и будущей разумной ноосфере, на основе чего приходит понимание опасных обусловленных деятельностью неконтролируемого рынка технократических изменений в системе биосферной жизни и ее перехода к постбиосферной системе и искусственной регуляции многих жизненных процессов. И все эти социотехноприродные процессы проходят на фоне возможной гибели биосферы как воспроизводящей исторически около 3,8 млрд лет естественную биологическую жизнь системы (из них около 0,5 млн лет существует человек разумный – неандерталец и кроманьонец), если человечество не научится их эффективно регулировать [Демиденко, Дергачева 2017].

Результаты и обсуждение

Технократические представления во взглядах исследователей на общественный прогресс формировались не одно столетие, поскольку история зарождения и развития индустриального общества и перерастания его в *сверхиндустриальное* (по терминологии О. Тоффлера), или постиндустриальное, информационное (по Д. Беллу), охватывает последние пять веков – от первых городских мануфактур (XV в.) как прототипов предприятий капиталистического типа и до крупных национальных промышленных комплексов (XVIII–XIX вв.), а теперь уже транснациональных высокотехнологичных концернов (второй половины XX – начала XXI в.). Однако первые теории, обосновывающие доминирующую роль науки, техники и технологий в развитии хозяйства сформировавшегося индустриального общества, затрагивают период начала XX в. и относятся к работам, написанным американскими экономистами и социологами Т. Вебленом в 1936 г. [Veblen 1936] и Дж. Бернхемом в 1941 г. [Burnham 1941]. В их размышлениях об индустрии приходит понимание эффективности применения в производстве научно-технических достижений, отсюда осознается необходимость формирования оптимальной структуры управления путем передачи властных полномочий от собственников к *технократам* – управленцам и инженерам, концентрирующим в себе идеи «технической рациональности».

Самые первые высказывания об определяющей роли распространителей технического знания относятся к работам А. Сен-Симона, который впервые столетием ранее ввел в научный оборот понятие «индустриальное общество». Впоследствии на волне достижений научно-технического прогресса в середине XX в. теоретическое обоснование в работах Ж. Фурастье, Р. Арона, Дж. Гэлбрейта и др. получает концепция индустриального общества, характеризующая капиталистические и социалистические экономические формации как проявления индустриализма, имеющие сходные параметры социального развития. В условиях усложняющихся экономических и технологических реалий на рубеже 60–70-х гг. прошлого века в науке начинается становление теории постиндустриального (и информационного) общества, основополагающие характеристики которого приводят

Д. Белл [Bell 1973] и его последователи. Основой постиндустриального общества являются наукоемкие высокотехнологичные производства, развивающиеся на платформе информационных технологий и вовлекающие в сферу связанных с их функционированием услуг наибольшее количество занятых в экономике. По данным на начало 2020 г., в США как флагмане современной рыночной экономики занятость в секторе услуг составляет 78,85 %, в Великобритании как первой стране, перешедшей к промышленному развитию, – 81,9 % (для сравнения в России – 67,3 %) [Страны...], при этом в сельском хозяйстве развитых стран сконцентрировано до 1–3 % занятых, около 20 % относится к индустрии (в Китае как стране индустриального развития – 40 %) [Рейтинг... 2020].

При разработке концепции Д. Белл ставил целью своей теории показать, что следующая за индустриализмом стадия развития преодолевает технократизм индустриального социума на основе перехода к доминированию сферы услуг. Но технократическая направленность присуща услугам (финансовым, медицинским, образовательным и т. д.) не меньше, чем производству, поскольку они насыщаются искусственными процессами, их функционирование поддерживается технологическими системами развивающейся городской среды жизни – техносферы, ее синтетическими веществами и электромагнитными полями мобильной связи. По этим и другим причинам технократическая доктрина Д. Белла подвергается критике как демонстрирующая тенденции индустриального общественного развития [Уэбстер 2004], поскольку в основе постиндустриализма лежит не отмена индустриальных технологий (то есть «пост», «после» технологий), а их дальнейшая техническая рационализация в форме разнообразных искусственных – информационных, цифровых, нано-, био-, постгеномных технологий, колоссально увеличивающих индивидуальную производительность труда и социально-экономическое неравенство.

Сглаживая критические взгляды на постиндустриализм, видный исследователь этой концепции экономист В. Л. Иноземцев относит характеристику «постиндустриальный» сугубо к структурным сдвигам в экономике [Иноземцев 2008]. Таким образом, постиндустриальная рыночная экономика становится одной из сфер усложняющегося индустриального общества. И тогда технократическая социально-экономическая теория постиндустриализма выступает социальной моделью, одной из стадий техногенного социального развития. Тенденции усложнения экономической динамики и ее цифровизации на инновационной платформе технологий «расширенного интеллекта» – искусственных нейросетей и роботов – формально подтверждают «технократические реалии» концепций постиндустриализма, поскольку не только промышленные технологии, но и наукоемкие услуги содержат в себе деструктивные интенции техники и всего искусственного, а их усложнение подчиняется совокупному влиянию рыночных *технократических факторов* (см. рис. 1). Одним из значимых факторов является рыночная техногенная рациональность как симбиоз рациональностей экономики, науки и техники, обоснованный ранее в работах автора. Рыночный интерес определяет направленность развития технологий и приоритеты в науке, итог совокупного взаимодей-

ствия рациональностей – максимизация эффективности хозяйственных процессов [Дергачева 2016].

Рис. 1. Технократические факторы экономики периода техногенных обществ

Источник: составлено по: [Дергачева 2016].

В теориях технократизма социально-экономические процессы трактуются как развивающиеся обособленно от природно-биологических изменений, их основа – социальные закономерности, поэтому эти концепции вряд ли могут всесторонне прогнозировать и объяснять особенности формирования зеленой экономики. В итоге упускаются из виду взаимосвязанные с экономической активностью процессы трансформаций в биосфере и человеке, которые глубоко изменяются на основе технократических факторов. Ведь даже если в контексте решения задач устойчивого развития полностью остановить выбросы всех парниковых газов в атмосферу, то есть декарбонизировать экономику, то только лишь через два десятка лет прекратится рост накопления этих газов в атмосфере [Порфирьев 2020: 22], но вряд ли мы остановим весь комплекс нарастающих деградационных процессов в биосфере. Если человек как биосоциальный организм и неотъемлемый субъект производственных отношений все же постепенно включается в осмысле-

ние экономических процессов [Человек... 2019], поскольку ставится вопрос о необходимости преодоления высокой смертности населения ввиду выбросов загрязняющих веществ в атмосферу (в Европе – до 800 тыс. человек в год, в Китае – свыше 1 млн [Порфирьев 2020: 24]) и его скорейшей адаптации к климатическим изменениям, то глобальная система биосферы остается для экономики не до конца изученной. Речь должна идти об изучении формирующихся интегративных *социотехноприродных закономерностей развития* вследствие экспансии рыночной технократической экономики и социально-техногенного развития мира. Эти закономерности составляют содержательные стороны явления социотехноприродной глобализации, проанализированного автором [Дергачева 2016].

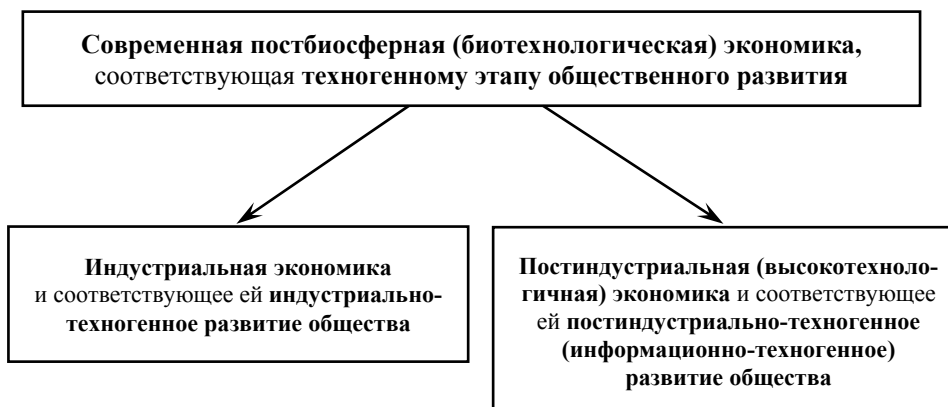

Рис. 2. Исторические этапы экономики периода техногенных обществ

Источник: составлено по: [Дергачева 2020].

Обобщенно в историческом процессе социально-техногенного восхождения мира мы выделяем две крупные эпохи и присущие им экономики – *биосферную* и *постбиосферную*. В условиях биосферной эпохи формируются две экономики – присваивающая и первый тип производящей – земледельческая. И если первая была связана с собирательством, то есть существованием в биосферной системе жизни подобно биоорганизмам, то вторая уже привлекает естественные производительные силы и технологии биосферы (земледельческие), формируя цикл простого натурального воспроизводства при относительном постоянстве биосферного биологического вещества – живого и биогенного [Демиденко и др. 2011: 57–59]. Последнее (вещество) существенно не трансформировалось, несмотря на возникающие элементы техносферы в виде ручной техники и ремесленных мастерских, поэтому процессы саморегуляции в биосфере не претерпевали изменений. Переход к техногенному общественному развитию качественно перестраивает фундаментальные основания устройства мира – на авансцену в эпоху промышленной революции (с конца XVIII в.) выходят мировые научно-технические производительные силы – машинная техника и небиосферные технологии, составляющие техносферу и знаменующие становление постбиосферной эпохи развития общества и экономики. Направленность совершенствования процессов социально создаваемой техносферы определяется интересами капиталистической технокра-

тической экономики и получения сверхприбылей за счет бесконечного внедрения инноваций (см. рис. 2).

Преодолевая односторонность понимания социально-экономического развития Д. Белла и его последователей, мы качественно расширяем осмысление современного общества и его экономики, дополняем их содержательные компоненты включением в круг рассматриваемых вопросов социотехноприродных эволюционных изменений. Научно-технологический способ производства в соединении с продуцируемыми экономикой искусственными химическими веществами приводит к существенным техногенным трансформациям биосферного биологического живого вещества, формированию совершенно новых генетических связей. Как следствие такой технократической социальной экспансии – формирование трансгенных, биотехнологических организмов, техногенного человека, техногенное изменение глобальных биогеохимических круговоротов веществ, а также, как один из симптомов изменения глобальных циклов, – климатические изменения, финал адаптации человека к которым очевиден – искусственное воссоздание атмосферы в городах. Так, с конца прошлого века, то есть момента введения в коммерческий оборот трансгенных растений, по настоящее время площадь их посевов в мире возросла стократно, достигнув 181,5 млн га (то есть 12,1 % используемых в мире земель из 1,5 млрд га) [Обзор... 2014: 6]. С учетом технократических факторов общества предстают в «объемном» видении как индустриально-техногенные и постиндустриально-техногенные со свойственной им экономикой, закрепляющей постбиосферный биотехнологический вектор развития жизни в городской техносфере [Дергачева 2020].

Сейчас очевидно, что без наращивания экономической активности невозможно решать экономико-экологические проблемы [Порфирьев 2020: 20–22]. Но становится очевидным также и то, что их невозможно решать, если рассматривать экономику, ее закономерности изолированно от трансформации техногенных природно-биологических процессов, определяющих смену направленности эволюции жизни от биосферно-биологической к постбиосферной, социотехнобиологической (по классификации профессора Э. С. Демиденко) и в целом картины мира [Демиденко, Дергачева 2017]. Флагманами такой экономики являются техногенно развитые страны мира, постепенно вовлекающие в свой единый глобальный хозяйственный механизм на основе технократических факторов менее развитые национальные сообщества и аграрные страны, находящиеся на разных стадиях интегрированности в социально-техногенное развитие.

Общество и его экономика формируют *техносферную оболочку жизни* в городах, в них к середине века будет проживать уже примерно 4/5 населения мира и производиться столько же мирового ВВП [Hales *et al.* 2016: 14]. Гигантские техносферные геополисы, связанные сетями товарно-транспортных потоков и информационно-коммуникационных магистралей, становятся новой *постбиосферной системой* биотехнологического воспроизводства социальной и природной жизни при стремительно теряющей свои функции биосфере, что подтверждают данные о катастрофическом снижении в начале XXI в. биоразнообразия не только в мире, но и в остатках биосферных почв – фундамента воспроизводства более 90 % биологических жизненных процессов. Последних, по прогнозам, осталось на

ближайшие два столетия [Демиденко, Дергачева 2017]. И хотя гибель биосферы идет в основном на суше, нужно иметь в виду, что биосфера суши дает 99,8 % живого вещества планеты, тогда как Мировой океан – всего 0,2 %. По оценкам ученых, представленным в журнале «Nature», в 2020 г. объем и масса техносферы, составляющая 1,1 Тт, впервые существенно превысила биомассу разрушаемой биосферы Земли (0,9 Тт, из них масса живых организмов – 4 Гт), причем предполагается, что искусственная среда возрастет трехкратно в течение двух ближайших десятилетий [Созданные... 2020].

Технократическая элита мира, экономисты и политики связывают надежды достижения целей устойчивого гармоничного социоприродного развития с переходом в рамках стратегии зеленой экономики к биоэкономике, основа которой – биотехнологические процессы [Зеленая... 2019: 159–200]. Но поскольку фундамент рыночной биоэкономике составляют технологии техногенного изменения биологических процессов биосферы, то это уже *постбиосферная (биотехнологическая) экономика*, требующая междисциплинарных исследований к своему прогнозированию и развитию.

Пока разрозненное огромным социально-экономическим неравенством (а не ассоциированное, то есть объединенное, по В. И. Вернадскому) человечество не может эффективно решить весь массив накопившихся социо-эколого-экономических проблем, поскольку ключевые игроки либеральной технократической экономики (ТНК в соединении с технократической бизнес- и политической элитой) приносят в жертву биосферу и человека ради ускорения получения рекордных прибылей. Достаточно весомыми аргументами, высказанными в 2020 г., звучат слова бывшего американского министра труда Р. Райча о современной сверхэксплуатации человека [цит. по: Stern 2020], а также лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглица, внесшего предложения бизнесу о необходимости «правильного измерения» экономики. На его предложения о важности разработки нового экономического показателя, альтернативы существующему ВВП – «зеленого» ВВП, учитывающего катастрофические потери ресурсов, ухудшение условий жизнедеятельности, промышленники отреагировали негативно, указав на прекращение финансирования исследовательских программ в случае их продолжения. И «зеленый» ВВП, к сожалению, пока не разработан [Стиглиц 2020: 48–51]. Все эти и многие другие рассуждения здравомыслящих политиков и ученых указывают на необходимость пересмотра характера технократического рыночно-экономического развития и поиска новых междисциплинарных объяснительных схем функционирования современной экономики [Бобылев 2020; Иванов 2020; Порфирьев 2020; Living... 2020], чего требует единая среда нашей жизни – биосфера.

По мнению специалистов, задача проведения межпредметных исследований и установления связей между разнокачественными показателями осложняется высокой стоимостью связанных с ними работ, что не под силу многим государствам, поэтому они игнорируются или сводятся к минимуму [Бобылев 2020: 76]. Тем не менее в теории устойчивого социо-эколого-экономического развития все же есть прогресс – переход от многолетних рассуждений и качественных оценок к количественному измерению 17 показателей, составляющих ориентиры деятель-

ности мирового сообщества до 2030 г. Хозяйствующее общество и его экономика должны взять на себя в будущем функции технологической регуляции биологических процессов в масштабах планеты. Именно с возможными (пока не реализуемыми технически) перспективами социально-технологического управления биосферой в масштабах геоинжиниринговой деятельности связывают развитие технологий четвертой промышленной революции участники и руководитель Всемирного Давосского экономического форума [Шваб, Девис 2019].

Заключение

В XXI в. мир человека и природы развивается преимущественно в социотехногенных условиях жизни. Это обуславливает необходимость расширенного подхода к хозяйственным процессам при планировании программ устойчивого социоприродного развития. Глобальная техносферизация планеты Земля, направляемая технократическим рыночным развитием, является важнейшей причиной и базис-фактором непрерывных изменений в биосфере. Современный наукоемкий инструментарий экономики направлен на развитие передовых инноваций – технологий виртуальной реальности. Последняя (как технократический фактор) рассматривается как инструментарий моделирования перспективных процессов современной экономики, что уже отчасти реализуется. Так, в последние два десятилетия набирает силу межстрановой проект «Цифровая Земля», основы которого были заложены в конце XX в. А. Гором [Manual... 2019]. Планируется, что технологии Цифровой Земли установят связи между сферами: социальной и биосферной, естественно-физической и искусственной, создаваемой социумом с использованием ряда важнейших наук. Это требует системного подхода к репрезентации как экономики, так и в целом эволюционирующего социально-природного мира в постоянно обновляемом цифровом пространстве всей планеты, дополнения существующих разработок ученых и других аналитиков осмыслением междисциплинарного изучения важнейших явлений и проблем социально-техногенного развития биосферной жизни и земного мира. Визуализация взаимосвязанных эволюционных процессов в технократической экономике, обществе, техносфере и биосфере представляет несомненный интерес для проекта «Цифровая Земля». Это важно для нас как с точки зрения воссоздания нового образа экономики в виртуальной среде цифрового облика мира, изучения современного социо-эколого-экономического развития в научно-образовательных, воспитательных, социально-деловых целях, так и с позиций реформирования экономики в интересах сохранения человека и биосферы, разработки всех перспективных программ устойчивого развития, моделирования сценариев такого развития, выбора безопасных из них в значительно трансформирующемся социально-техногенном мире.

Литература

Бобылев С. Н. Устойчивое развитие: новое видение будущего? // Вопросы политической экономики. 2020. № 1. С. 67–83.

Вернадский В. И. Биосфера: мысли и наброски: сб. науч. работ. М. : Ноосфера, 2001.

Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. От глобальной деградации биосферы к смене эволюции жизни: научный доклад. М. : Изд-во РАН, 2017.

Демиденко Э. С., Дергачева Е. А., Попкова Н. В. Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины. М. : Всемирная информационная энциклопедия; Брянск : Изд-во БГТУ, 2011.

Дергачева Е. А. Концепция социотехноприродной глобализации: междисциплинарный анализ. М. : ЛЕНАНД, 2016.

Дергачева Е. А. Биотехнологические перспективы развития рыночной экономики // Инновации. 2020. № 2. С. 22–31. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.260.6.003.

Дынкин А. А. Международная турбулентность и Россия // Вестник РАН. 2020. № 1. С. 208–291.

Зеленая экономика и цели устойчивого развития для России / под ред. С. Н. Бобылева, П. А. Кирюшина, О. В. Кудрявцевой. М. : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019.

Иванов В. В. Развитие фундаментальных институтов глобализации // Научные труды Вольного экономического общества. 2020. Т. 223. № 3. С. 123–134. DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-123-134.

Иноземцев В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. № 1. С. 31–44.

Крупнейшие компании мира – 2020 [Электронный ресурс] : IFinance. 2020. 23 августа. URL: <http://global-finances.ru/kрупнейshie-kompanii-mira-2020/> (дата обращения: 20.10.2020).

Обзор рынка биотехнологий в России и оценка перспектив его развития. М. : Frost & Sullivan, 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/e21/20141020_Russia_Biotechnology_Market_fin.pdf (дата обращения: 21.08.2020).

Порфирьев Б. Н. Климат, устойчивое развитие и экономический рост: приоритеты решений для России // Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении: материалы II конференции ИНП РАН и ИЭОПП СО РАН по межотраслевому и региональному анализу и прогнозированию. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2020. С. 19–31.

Рейтинг стран мира по объему промышленного производства 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://tyulyagin.ru/ratings/rejting-stran-mira-po-obemu-promyshlennogo-proizvodstva.html> (дата обращения: 17.02.2020).

Созданные человеком предметы уже перевешивают всю биомассу Земли [Электронный ресурс] : Harper's Bazaar. 2020. 10 декабря. URL: <https://bazaar.ru/lifestyle/news/sozdannye-chelovekom-predmety-uzhe-pereveshivayut-vsyu-biomassu-zemli/> (дата обращения: 10.12.2020).

Стиглиц Дж. Измерить то, что важно // В мире науки. Scientific American. 2020. № 10. С. 42–51.

Страны G20: Доля занятых в сфере услуг [Электронный ресурс] : Макроэкономика. URL: https://www.economicdata.ru/economics.php?menu=macroeconomics&data_type=economics&data_ticker=ServicesEmploy (дата обращения: 08.12.2020).

Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М. : Аспект Пресс, 2004.

- Фюкс Р. Зеленая революция: Экономический рост без ущерба для экологии. М. : Альпина нон-фикшн, 2016.
- Человек в мегаполисе: опыт междисциплинарного исследования / под ред. Б. А. Ревича, О. В. Кузнецовой. М. : Ленанд, 2019.
- Шваб К., Девис Н. Технологии четвертой промышленной революции. М. : Эксмо, 2019.
- Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York; Harmondsworth : Penguin, Peregrine, 1973.
- Burnham J. The Managerial Revolution. What is Happening in the World. New York : Day, 1941.
- Dergachev K. V., Trifankov Yu. T. Modern Philosophy in the Context of Interdisciplinary Studies of Human and Nature // Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects: Economy and Production. N. p. : Springer, 2019. Vol. 139. Pp. 228–233. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-18553-4_29.
- Global R & D Funding Forecast // R & D Magazine. 2019.
- Global Risk Report. 2020. Insight Report. 15th ed. N. p. : Marsh & McLennan, Zurich Insurance Group.
- Hales M., Peterson E., Mendoza Pena A. Global Cities [Электронный ресурс] : AT-Kearney. 2016. URL: https://seoulsolution.kr/sites/default/files/gettoknowus/ATKearney_Global%20Cities%20Index_2016.pdf (дата обращения: 10.08.2020).
- Living Planet Report 2020 – Bending the Curve of Biodiversity Loss / ed. by R. E. A. Almond, M. Grooten, T. Petersen. Gland : WWF.
- Manual of Digital Earth / ed. by G. Huadong, M.F. Goodchild, A. Annoni. N. p. : Springer, International Society for Digital Earth, 2019.
- Stern S. Will Autocratic Leadership Styles Spill over into Business? // Financial Times. 2020. January 06.
- UNEP. Green Economy Report: A Preview. 2010.
- Veblen T. The Engineers and the Price System. New York : The Viking Press, 1936.

References

- Bobylev S. N. Ustojchivoe razvitie: novoe videnie budushchego? [Sustainable Development: A New Vision for the Future?] // Voprosy politicheskoy ekonomii. 2020. No. 1. Pp. 67–83.
- Vernadskij V. I. Biosfera: mysli i nabroski [The Biosphere. Thoughts and Sketches]: collection of Scientific Works. Moscow : Noosphere, 2001.
- Demidenko E. S., Dergacheva E. A. Ot global'noj degradacii biosfery k smene evolyucii zhizni [From Global Degradation of the Biosphere to a Change in the Evolution of Life]: scientific paper. Moscow : RAN, 2017.
- Demidenko E. S., Dergacheva E. A., Popkova N. V. Filosofiya sotsial'no-tehnogenogo razvitiya mira: stat'i, ponyatiya, terminy [Philosophy of Social and Technogenic Development of the World: Articles, Concepts and Terms]. Bryansk : BGTU; Moscow : Vsemirnaya inform-entsiklopediya, 2011.

Dergacheva E. A. Kontseptsiya sotsiotekhnoprirodnoj globalizatsii: mezhdistsiplinarnyj analiz [The Concept of Sociotechnonatural Globalization: An Interdisciplinary Analysis]. Moscow : Lenand, 2016.

Dergacheva E. A. Biotehnologicheskie perspektivy razvitiya rynochnoj ekonomiki [Biotechnological Prospects of Market Economy Development] // *Innovatsii*. 2020. No. 6. Pp. 22–31. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.260.6.003.

Dynkin A. A. Mezhdunarodnaya turbulentnost' i Rossiya [International Turbulence and Russia] // *Vestnik RAN*. 2020. No. 1. Pp. 208–291.

Zelyonaya ekonomika i tseli ustojchivogo razvitiya dlya Rossii [Green Economy and Sustainable Development Goals for Russia] / ed. by S. N. Boblyov, P. A. Kiryushin, O. V. Kudryavceva. Moscow : Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova, 2019.

Ivanov V. V. Razvitie fundamental'nyh institutov globalizatsii [Development of Fundamental Institutions of Globalization] // *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*. 2020. Vol. 223. No. 3. Pp.123–134. DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-123-134.

Inozemtsev V. L. Sovremennaya globalizatsiya i ee vospriyatie v mire [Modern Globalization and its Perception in the World] // *Vek globalizatsii*. 2008. Vol. 1. Pp. 31–44.

Krupneyshie kompanii mira – 2020 [The Largest Companies in the World – 2020] // *IFinance*. 2020. August 23. URL: <http://global-finances.ru/krupneyshie-kompanii-mira-2020/> (accessed: 20.10.2020).

Obzor rynka biotekhnologiy v Rossii i otsenka perspektiv yego razvitiya [Overview of the Biotechnology Market in Russia and an Assessment of the Prospects for its Development]. Moscow : Frost & Sullivan, 2014. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/e21/20141020_Russia_Biotechnology_Market_fin.pdf (accessed: 21.08.2020).

Porfir'ev B. N. Klimat, ustojchivoe razvitie i ekonomicheskij rost: priority reshenij dlya Rossii [Climate, Sustainable Development and Economic Growth: Priorities of Solutions for Russia] // *Ekonomicheskaya politika Rossii v mezhotraslevom i prostranstvennom izmerenii. Materialy II konferentsii INP RAN i IEOPP SO RAN po mezhotraslevomu i regional'nomu analizu i prognozirovaniyu* [Economic Policy of Russia in the Intersectoral and Spatial Dimension. Materials of II Conference of IEOIP SB OF RAS and the Institute for Intersectoral and Regional Analysis and Forecasting of RAS]. Novosibirsk : IEOIP SB of RAN, 2020. Pp.19–31.

Reyting stran mira po obyemu promyshlennogo proizvodstva 2020 [World Ranking of Countries by Industrial Production in 2020]. URL: <https://tyulyagin.ru/ratings/rejting-stran-mira-po-obemu-promyshlennogo-proizvodstva.html> (accessed: 17.02.2020).

Sozdannyye chelovekom predmety uzhe pereveshivayut vsyu biomassu Zemli [Human-made Objects Already Outweigh the Entire Biomass of the Earth] // *Harper's Bazaar*. 2020. December 10. URL: <https://bazaar.ru/lifestyle/news/sozdannyye-chelovekom-predmety-uzhe-pereveshivayut-vsyu-biomassu-zemli/> (accessed: 10.12.2020).

Stiglitz J. Izmerit' to, chto vazhno [Measure What's Important] // *V mire nauki. Scientific American*. 2020. Vol. 10. Pp. 42–51.

Strany G20: Dolya zanyatykh v sfere uslug [G20 Countries: Share of Employed in Services] // Makroekonomika. URL: https://www.economicdata.ru/economics.php?menu=macroeconomics&data_type=economics&data_ticker=ServicesEmploy (accessed: 08.12.2020).

Webster F. Teorii informatsionnogo obshchestva [Theories of the Information Society]. Moscow : Aspekt Press, 2004.

Fücks R. Zelyonaya revolyutsiya: Ekonomicheskij rost bez ushcherba dlya ekologii [The Green Revolution: Economic Growth Without Harm to the Environment]. Moscow : Alpina Non-fiction, 2016.

Chelovek v megapolise: opyt mezhdisciplinarnogo issledovaniya [A Man in the Megalopolis: The Experience of Interdisciplinary Research] / ed. by B. A. Revich, O. V. Kuznetsova. Moscow : LENAND, 2019.

Schwab K., Davis N. Tehnologii chetvertoj promyshlennoj revolyutsii [Technologies of the Fourth Industrial Revolution]. Moscow : Eksmo, 2019.

Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York : Harmondsworth, Penguin, Peregrine, 1973.

Burnham J. The Managerial Revolution. What is Happening in the World. New York : Day, 1941.

Dergachev K. V., Trifankov Yu. T. Modern Philosophy in the Context of Interdisciplinary Studies of Human and Nature // Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects: Economy and Production. 2019. Vol. 139. Pp. 228–233. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-18553-4_29.

Global R&D Funding Forecast // R&D Magazine. 2019.

Global Risk Report. 2020. Insight Report. 15th ed. N. p. : Marsh & McLennan, Zurich Insurance Group.

Hales M., Peterson E., Mendoza Pena A. Global Cities // ATKearney. 2016. URL: https://seoulsolution.kr/sites/default/files/gettoknowus/ATKearney_Global%20Cities%20Index_2016.pdf (accessed: 10.08.2020).

Living Planet Report 2020 – Bending the Curve of Biodiversity Loss / ed. by R. E. A. Almond, M. Grooten, T. Petersen. Gland : WWF.

Manual of Digital Earth / ed. by G. Huadong, M. F. Goodchild, A. Annoni. N. p. : Springer, International Society for Digital Earth, 2019.

Stern S. Will Autocratic Leadership Styles Spill over into Business? // Financial Times. 2020. January 06.

UNEP. Green Economy Report: A Preview. 2010.

Veblen T. The Engineers and the Price System. New York : The Viking Press, 1936.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГРАНИ ФУНДАМЕНТАЛИЗМА*

Волобуев А. В.**

Статья посвящена анализу различных форм фундаментализма в контексте постглобализации. Современный этап развития глобализованного мира характеризуется определенным уровнем эрозии неолиберального проекта глобализации, а некоторые исследователи усматривают в нем дезинтеграцию глобальной финансово-политической системы с возвратом к протекционизму в торговле, поиску национальных и этнорелигиозных идентичностей в политике, демонтаж многих институтов социального государства. Создавшаяся ситуация предоставляет плодородную почву для процветания фундаменталистских контрнарративов в «серой зоне» проекта глобализации. В статье рассматриваются различные грани фундаментализма, такие как религиозный, этнорелигиозный и рыночный фундаментализм.

Ключевые слова: фундаментализм, глобализация, постглобализация, салафизм, социальная философия, философия религии.

The article is devoted to the analysis of various forms of fundamentalism in the context of post-globalization. The current stage of development of the globalized world is characterized by a certain level of erosion of the neoliberal project of globalization, while some researchers consider disintegration of the global financial and political system with a return to protectionism in trade, search for national and ethno-religious identities in politics, dismantling of many institutions of the social welfare state. The current situation provides fertile ground for prosperity of fundamentalist counter-narratives in the 'gray zone' of the globalization project. The article considers various facets of fundamentalism, such as religious, ethno-religious and market fundamentalism.

Keywords: fundamentalism, globalization, post-globalization, Salafism, social philosophy, philosophy of religion.

В своей статье «Будущее истории. Может ли либеральное общество пережить упадок среднего класса?» американский политолог Ф. Фукуяма, во многом полемизируя со своей собственной прогремевшей под занавес холодной войны концепцией конца истории, жалуется на отсутствие конкурирующего нарратива. «Отсутствие убедительного прогрессивного контрнарратива – опасно, поскольку

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет средств Научного фонда Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

** Волобуев Алексей Викторович – к. ф. н., доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: avvolobuev@fa.ru.

конкуренция оказывает на интеллектуальные дебаты столь же благоприятное воздействие, как и на экономическую деятельность. А серьезная интеллектуальная дискуссия совершенно необходима, поскольку нынешняя форма глобализованного капитализма разрушает социальную базу среднего класса, на котором держится либеральная демократия» [Фукуяма 2012]. Это было девять лет назад. В настоящее время контрнарратив сформировался и расцвел, и, как это часто бывает, совсем не тот, который ожидал американский политолог, рассматривая в качестве возможных альтернатив масштабные глобальные проекты. Вместо этого развивается целая россыпь различных движений, идеологием и течением, основанных преимущественно на локальных и региональных идентичностях, либо глобальных, но затрагивающих только некоторые аспекты бытия, например, только экономику. Нарратив глобальной либеральной демократии столкнулся не с равномошным проектом, как это было на протяжении почти трех четвертей XX в., а с сопротивлением пестрой мозаики контрнарративных и антиннарративных идеологием и альтернативных взглядов, которые вместе сформировали концепт постглобализма.

Термин «постглобализация», появившийся в начале XXI в. [Галинская 2006], постепенно закрепляется как в академических публикациях, так и в публицистике [Евстафьев 2019] для характеристики дезинтеграции глобальной финансово-политической системы и эрозии глобалистского проекта, но термин так и не получил устойчивого положительного содержания.

Одним из мозговых центров проекта глобализации был и остается Римский клуб. В 1974 г. американский математик Михайло Месарович, член Римского клуба, опубликовал программный доклад «Человечество на перепутье», в котором автор критикует концепцию неограниченного экономического роста, предлагая в качестве альтернативы «органическую теорию», своеобразно обосновывающую систему глобального разделения труда, в которой каждый регион имеет специализацию подобно специализации клеток в организме, которую автор называет «глобальной экономической системой» [Mesarovic 1975].

Становление подобной глобальной экономической системы привело к противоречивым результатам: с одной стороны, уровень бедности в мире кратно снизился [Ending...; Hasell, Roser 2019]. С другой стороны, неравномерность в развитии между постиндустриальными обществами, концентрирующими финансово-политическую мощь, «мировыми фабриками», а также сырьевыми придатками продолжает накапливаться, а неравномерность в доходах между финансово-политической элитой и основной массой населения – стремительно расти при отсутствии конструктивной стратегии купирования этого процесса.

«Дефицит перспективы будущего приводит к тому, что естественные общественно-политические стратегии, которые в ответ на появление социальных вызовов должны помогать “здоровому обществу”, говоря словами Эриха Фромма, мобилизовать всеобщие усилия по адаптации к переменам, замещаются “оборонными” административно-управленческими техниками удержания сложившегося статуса-кво» [Ерохов 2020]. Постепенный демонтаж системы социального государства приводит к вакууму легитимности власти и заставляет политический истеблишмент обращаться к дискуссиям о «великом прошлом», а различные формы

социального и духовного протеста накапливаются вокруг идей религиозной, цивилизационной или иной идентичности, направленной в прошлое. Этот запрос формирует питательную почву для произрастания фундаменталистских идеологем.

Пестрая палитра видов фундаментализма включает в себя широкий спектр различных движений и учений, начинающихся от евангелического фундаментализма в США, печально известного салафизма до рыночного фундаментализма. Все эти на первый взгляд совершенно несхожие между собой учения и движения объединяет твердое убеждение в том, что существуют некоторые абсолютные фундаментальные основания религии, общества или экономики, отход от которых приводит к острым общественным проблемам, единственный способ борьбы с которыми – возвращение к основам. Эти принципы берут на вооружение фундаменталистские группы.

Фундаментализм не следует путать с консерватизмом. По отношению к системе «традиция – инновации» фундаментализм оказывается вариантом ответа на вызовы модернизации. В отличие от консерваторов, фундаменталисты стремятся не просто сохранить уже существующий уклад жизни, а решить острые проблемы, являющиеся порождением модернизации, путем радикального преобразования общества в соответствии с идеалом, который они помещают в прошлое. Стремление к преобразованию общества и человека приводит фундаменталистов к политической активности.

Связь фундаментализма с модернизацией подчеркивает Э. Гидденс: «Фундаментализм – это продукт современности, поскольку он не просто защищает традицию, но акцентирует, упрощает ее, подавая в средствах массовой информации» [Гидденс 2003]. Фундаментализм неверно прямо противопоставлять модернизму, он является частью этого проекта. П. С. Гуревич объясняет это следующим образом: «Итак, культурная природа фундаментализма – в сопротивлении нарастающей сложности жизни и ее обновлению. С этой точки зрения не исключено, что фундаменталистские тенденции культуры постоянно инспирируются другой крайностью. Не будь в культуре неизбывной, отчаянной погони за инновациями, не проступал бы фундаментализм в его навязчиво директивных формах. В той же мере модернизм черпает свои силы в противостоянии всякой ортодоксии, охранительству, социальной статике» [Гуревич 1995: 155].

Религиозный фундаментализм был исторически первой формой фундаментализма. Термин «фундаментализм» в XIX в. применялся в экзегетике и маркировал буквалистский подход к толкованию священных текстов. Религиозный фундаментализм сформировался в среде американских евангелистов как противостояние либерализации и модернизации церкви и христианского вероучения.

В период с 1910 по 1915 г. сторонники этого движения издали 12 томов под названием «The Fundamentals» («Основы»), в которых были подробно изложены основные тезисы и критика оппонентов: «либеральной» теологии, католицизма, мормонов, спиритизма, атеистической философии, дарвинизма и многих других. Именно по названию этого труда приверженцев подобных взглядов стали называть фундаменталистами.

Фундаменталисты были горячими сторонниками буквального толкования священных текстов, включая библейские чудеса и Воскресение Христово во пло-

ти, непогрешимости и несомненной истинности Священного Писания, а также в значительной степени поддерживали мессианскую идеологию в политике США. Вскоре фундаменталисты оформились во Всемирную христианскую фундаменталистскую ассоциацию (ВХФА), объединившую евангелические организации. Из-за участия в так называемом «Обезьяньем процессе» в 1925 г. за фундаменталистами закрепилась репутация обскурантистов. В течение XX в. фундаментализм эволюционировал, от него отпочковался более умеренный евангелизм, оба этих движения адаптировались к изменяющейся социальной реальности, оставаясь верными своей мессианской базе. Фундаменталисты осваивали информационное пространство, СМИ, затем Интернет и в какой-то степени ответственны за формирование так называемого «Библейского пояса» в США – крупного региона на юго-востоке страны, где особенно сильно влияние религии и евангелических церквей.

Наибольшую известность получил исламский фундаментализм, и это связано в первую очередь с террористическими актами, организованными исламистскими экстремистами на Ближнем Востоке, в Европе и США.

В каком-то смысле исторически первой формой исламского фундаментализма можно назвать ваххабизм, сформировавшийся еще в XVIII в. вокруг идеи о том, что истинный ислам практиковался только «праведными предками» («саляф»), то есть тремя первыми поколениями последователей Пророка Мухаммеда.

Основатель ваххабизма, впрочем, считал свое движение религиозным, а не политическим, концентрируясь на борьбе с нежелательными нововведениями (бид'а) в области религиозного культа, например, паломничеством к могилам святых, на «очищении» ислама от поздних влияний (например, суфизма) и на строгом соблюдении таухида (единобожия). Тем не менее ваххабитская идеология действительно может быть характеризована как радикальная фундаменталистская, учитывая нетерпимость ваххабитов к тем иноверам и даже мусульманам, которые не разделяют их ригористского толкования норм «чистого ислама». Идеи исламского фундаментализма стали заполнять идеологический вакуум в мусульманском мире после неудач модернизации на либеральной и социалистической политической платформе, например в Египте и Иране. Ф. Фукуяма резюмирует: «Так же как в конце XIX в. европейский национализм был обусловлен перемещением населения из сельской местности в города, так и исламизм – это реакция на урбанизацию в современном обществе на Ближнем Востоке» [Фукуяма 2012]. Как ни странно, резкий подъем цен на нефть в 1973 г. и в начале XXI в. также можно признать значимым фактором подъема исламского фундаментализма. Так, Л. Е. Гринин пишет: «Во-первых, у нефтедобывающих стран ослабело желание осуществить модернизацию по западной схеме... имея деньги, теперь можно решить все проблемы. Во-вторых, это словно идеологически подкрепляло исламизм – именно Аллах мог подарить правоверным такую благодать» [Гринин 2019: 29]. То есть исламизм и исламский фундаментализм поддерживали физиократические тенденции.

В такой социально-политической ситуации фундаментализм является попыткой мусульманского сообщества найти собственные идеологические и политические решения, отстаивать собственную идентичность [Волобуев, Кузина 2017].

Иногда эти решения приводят к формированию террористической идеологии, как это было в случае с ваххабизмом и с печально известным «Исламским государством» (запрещенным в России). Более умеренные этнорелигиозные фундаменталистские проекты формируют идеологическую почву для политической экспансии государств – региональных лидеров на культурно-цивилизационной основе [Мамедзаде, Махаматов 2020], как, например, неоосманизм Эрдогана в Турции. Иногда этнорелигиозный фундаментализм может играть оборонительную роль, как движение «Боду Бала Сена» на Шри-Ланке. Следует подчеркнуть, что, несмотря на ярко выраженное противостояние либерализации и секуляризации, не всякий фундаментализм становится экстремистским [Orekhovskaya *et al.* 2019].

Палитра видов фундаментализма не исчерпывается религиозными течениями. Значительное влияние в условиях постглобализма сохраняет рыночный фундаментализм (“free market fundamentalism”). Несмотря на кажущееся принципиальное различие с религиозным фундаментализмом, рыночный фундаментализм также представляет собой систему верований. Она построена на основе абсолютизации (в некоторых случаях даже своего рода сакрализации) модели свободного рынка так, как она представлена в текстах основателей классической экономической теории. Сами тексты А. Смита и Д. Рикардо играют в рыночном фундаментализме роль, схожую со священными текстами для религиозного и этнорелигиозного фундаментализма.

Основные положения, лежащие в основе мировосприятия рыночных фундаменталистов, можно свести к следующим тезисам.

Во-первых, «свободный рынок является локусом человеческого совершенства» [Leicht 2016]. Он должен быть единственным регулятором любых экономических отношений (а для радикальных фундаменталистов – и социальных, и политических). Ни один эксперт, учреждение или орган государственного управления не могут сравниться с объективным рыночным механизмом по эффективности и скорости принятия решений.

Во-вторых, частная собственность и управление всегда эффективнее государственной собственности и управления.

В-третьих, снижение налогов, сборов и пошлин ведет к более эффективной экономике, поскольку частные собственники всегда тратят деньги более эффективно, чем государство.

В-четвертых, любые регуляторные меры (“red tape”), аттестации, лицензирование и проверки всегда приводят к снижению эффективности, поскольку создают дополнительные административные издержки там, где их могло бы не быть, а в худшем случае форсируют переход от свободного рынка к олигополии или даже монополии, губительной для экономического роста.

В-пятых, любые субсидии, протекционистские меры и господдержка приводят к негативным результатам для всех экономических агентов: это оборачивается вредом для субсидируемого бизнеса или человека, поскольку он не может далее обходиться без господдержки и оказывается полностью зависим от своего патрона; это является вредом для государства, поскольку оно тратит деньги на субсидии; наконец, это вредно для потребителей товара или услуги, поскольку они оплачивают субсидии как своими налогами, так и, зачастую, ценами, в кото-

рые заложены бюрократические издержки, неизбежные в случае господдержки и субсидирования.

В текстах радикальных фундаменталистов мы можем встретить еще несколько положений.

В-шестых, никакие этические кодексы, регуляции и комитеты не нужны. Объективный свободный рынок сам будет поощрять тех экономических агентов, которые способны предложить товары и услуги с наилучшим соотношением цены и качества. Именно клиенты будут определять, каковы критерии этичности или неэтичности и какие фирмы ведут себя этично или неэтично по отношению к клиентам. Первые зарабатывают положительную репутацию, используя ее как актив для продвижения на рынке, а последние будут испытывать проблемы с бизнесом из-за низкого уровня доверия клиентов и будут вытеснены с рынка.

В-седьмых, конкуренция является оптимальным инструментом снижения издержек и заработных плат. Чем более конкурентен рынок, тем эффективнее многочисленные специалисты занимают все ниши на рынке, тем ниже издержки и зарплата. Последнее фундаменталисты почитают за благо.

Как и любая другая форма фундаментализма, рыночный фундаментализм был реакцией на кризисы, именно поэтому взлет популярности его идей приходится на время после финансовых кризисов 1987 и 2008 гг. Одним из политических последствий этих идей были разработка и частичное внедрение в государственное управление многих стран мира (например, Великобритании, США и России) концепции нового государственного управления ("New Public Management").

Ключевые положения радикальной реформы системы государственного управления можно свести к следующим пунктам [Dunleavy *et al.* 2005]. Большие, неспособные реагировать на изменения иерархические системы бюрократического управления необходимо заменить сетью небольших с большей скоростью реакции и системой отрицательных обратных связей. Важным фактором, по мнению фундаменталистов, является свойство традиционных забюрократизированных иерархических систем управления абсорбировать все попытки их реформировать и эффективно отстаивать свои собственные интересы вместо интересов государства. Далее, новое государственное управление требует разделить поставщиков услуг и их покупателей, а также допустить частные компании к оказанию максимально широкого спектра услуг. Это усилит конкуренцию и повысит эффективность государственного управления, делая услуги лучше, доступнее и «вымывая» не пользующиеся спросом. Хрестоматийным примером реализации подобной стратегии являются частные тюрьмы в США, которые выигрывают тендеры на содержание заключенных. Также важной является смена системы стимулирования работников. По мнению рыночных фундаменталистов, классические иерархические бюрократические государственные структуры демотивируют работников становиться эффективнее, поскольку мотивация носит почти исключительно негативный характер, так как работники не имеют положительных стимулов, а боязнь совершить ошибку подстегивает к перекладыванию ответственности и подавляет инициативу. Вместо этого рыночные фундаменталисты предлагали ввести стандартную для финансового менеджмента систему личной

ответственности и поощрений за невыполнение или выполнение ключевых показателей эффективности. Система показателей КРІ (Key performance indicators) вводится для каждой должности. Необходимым для КРІ является измеримость успешности той или иной деятельности в количественных показателях. Если какая-то деятельность не поддается количественному измерению (например, «музыкальность»), она не попадает в список критериев оценки и естественным образом «вымывается» из работы государственной структуры. Эффективные сотрудники поощряются и награждаются лично, неэффективные не проходят конкурсные процедуры. Система коллективной ответственности, делающая бюрократические иерархические системы косными и неспособными к изменениям, разрушается новым государственным управлением по замыслу сторонников этой идеи.

Новое государственное управление является ярким, но не единственным практическим применением рыночного фундаментализма. Дж. Стиглиц называл эту идеологию религией, потому что она не была основана на экономической науке или исторических свидетельствах: «...с исторической точки зрения, именно рыночный фундаментализм был превалирующей религией Запада на протяжении четверти века» [Stiglitz 2009]. Например, рыночный фундаментализм абсолютизировал модель «невидимой руки рынка» Адама Смита, которая является аргументом в пользу того, что фирмы, преследующие собственные интересы и максимизирующие прибыль, будут вести к общественному благополучию. Дж. Стиглиц отмечает, что существует распространенное предположение, будто сам Адам Смит хорошо осознавал ограниченность этого аргумента и фактически четко предупреждал об опасностях свободного рынка.

Какое место занимал фундаментализм в глобализованном мире и какое место эти многочисленные фундаменталистские течения и движения будут занимать в постглобалистскую эпоху? Фундаментализм в глобализованном мире оказывался как бы обратной стороной процесса глобализации, аккумулируя в себе социально-политический, социально-психологический и даже экзистенциальный протест, основанный на резком неприятии и отторжении перемен. В постглобалистскую эпоху «серая зона» становится больше. Причем эта зона постоянно существует в каждой конкретной социально-политической системе из-за столкновения нескольких противоположно направленных тенденций: центростремительных глобалистских и центробежных тенденций, основанных на местной идентичности.

Например, произошедшая в ходе серии поддерживавшихся западными политическими институтами революций в арабском мире, получивших название «арабская весна», революция в Египте 2011 г., в ходе которой был свергнут президент Хосни Мубарак, находившийся у власти 30 лет, привела вовсе не к демократизации и вестернизации страны, как это предполагал тот же Фукуяма в процитированной выше статье [Фукуяма 2012]. В ходе нее образовался вакуум власти, который позволил прийти к власти исламистской организации «Братья мусульмане». Таким образом, исламским фундаменталистам удалось канализировать социально-политический протест и недовольство трудностями модернизации под лозунгом «Ислам – вот решение!». Но в дальнейшем фундаменталисты, ставшие партией власти, должны были восстановить экономику и политическую систему страны, и новый президент М. Мурси предложил политическую програм-

му «Возрождение», направленную на развитие Египта на основе исламских принципов, как их понимали «Братья-мусульмане». Те пункты программы, которые были связаны с аккумуляцией социально-политического протеста, часто вступали в противоречие с интересами экономического развития страны, например, изменение законодательства, включавшее в себя запрет на спиртные напитки, ударило по развитой туристической отрасли страны. Выйдя из «серой зоны», фундаменталисты столкнулись с такими вызовами, на которые они не могли ответить в силу недостатков социально-экономического конструктива в своей программе, что закончилось уже в 2013 г. военным переворотом и возвращением страны к дореволюционной политической системе. Война с исламскими фундаменталистами на Синае с переменным успехом продолжается до сих пор. Такие «политические качели» представляют, на наш взгляд, достаточно типичный сценарий для фундаменталистов на политической арене постглобализации. Дезагрегация и дезинтеграция, пусть и ограниченная, глобального порядка, будет оставлять все больше «серых зон» на границе глобальных и локальных сил, но, в силу принципиальных недостатков конструктивной части их программ, будут достаточно быстро проигрывать политическую борьбу.

Некоторые исследователи возлагают значительные надежды на постглобализацию как преодоление кризисных тенденций: «Формирование многополярного постглобализационного мира создает перспективы для выхода из глобального кризиса, порожденного неолиберальной системой транснационального корпоративного капитализма. Новая постглобализационная парадигма предполагает отказ от глобализации как теоретического конструкта, задающего механизмы практической деятельности» [Скородумова 2016: 161]. С этим трудно согласиться, поскольку эта позиция похожа на такую: «Отказ от тушения дома позволит остановить распространение пожара, поскольку дом уже сгорит». Проводя исторические аналогии, можно сказать, что кризис феодализма был преодолен не отказом от насильственного объединения на основе религиозной идеологии (например, Контрреформации), а формированием устойчиво развивающегося капитализма, буржуазного общества с национализмом в качестве идеологической основы. Переход к постглобалистской модели означает, скорее, то, что процесс глобализации либо находится «на паузе», требуя новых сил и технологий, либо пределы глобализации на данном историческом этапе достигнуты, а для дальнейшего движения вперед истории нужен принципиально новый драйвер. Но мозаика контрнарративов не может служить полноценной заменой нарративу.

В целом можно характеризовать контуры постглобалистского мира как «новый мировой беспорядок», и в этом беспорядке множество «серых зон», в которых так буйно произрастают различные виды фундаментализма, а хаотичность и многочисленные дисбалансы глобальной финансово-политической системы будут генерировать в общественном сознании переменный ток ситуативной тревожности, которая служит прекрасной социально-психологической опорой фундаментализма. Отдельным вопросом является роль государства в новом мировом беспорядке. Многие теоретики глобализации считали, что государствам придется уступить часть своего суверенитета, как это и произошло, например, с ЕС. «Резко снизилась роль национальных государств в принятии политических и геополити-

ческих решений. Чаще всего они осуществляются вне публичного обсуждения в интересах крупных транснациональных корпораций» [Скородумова 2016: 161], но скептики утверждают, что «национальные государства никуда не делись, а правила либерализации рынков принимаются национальными правительствами, которые все еще в полной мере контролируют экономическую деятельность» [Левецкий 2020: 99].

Феномен постглобализации оставляет нам еще один любопытный вопрос. Постглобализация – реальность настоящего, а неолиберальная глобализация – страница прошлого, но существуют политические силы, которые включают в свою политическую программу возвращение к этому прошлому. В связи с этим возникает любопытная возможность: формирование глобалистского фундаментализма. Одной из возможных идеологических платформ может оказаться идея «Великой перезагрузки» (“The Great Reset”), выдвинутая в разгар пандемии COVID-19 директором ВЭФ Клаусом Швабом и принцем Великобритании Чарльзом. Таким образом, глобализм и фундаментализм могут оказаться вместе.

Означает ли переход к постглобализации отказ от глобалистского нарратива вообще? На это есть три «нет». Во-первых, нет, потому что сам термин «постглобализм» по своей конструкции имплицитно предполагает преодоление или новую форму проекта глобализации, от которого он отталкивается. Во-вторых, нет, так как в силу своей негативной природы постглобализация расширяет своего рода «серую зону» и не может развернуть течение «объективных естественно-исторических процессов вспять» [Чумаков 2020: 6]. В-третьих, нет, потому что глобалисты предлагают варианты модификации и адаптации проекта глобализации, такие как, например, развитие концепции глокализации Р. Робертсона. Постглобализация – скорее очередная форма глобализации, и даже «черные лебеди» вроде пандемии COVID-19 не в силах расцепить взаимно переплетенную комплексную паутину глобальных экономических, политических и культурных связей.

Литература

Волобуев А. В., Кузина Е. С. Исламский фундаментализм как фактор формирования идентичности современных мусульман // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 4. С. 51–54.

Галинская И. Л. Глобализация и постглобализация (обзор) // Культурология. 2006. № 4(39). С. 73–76.

Гидденс Э. Что завтра: фундаментализм или солидарность [Электронный ресурс] : Отечественные записки. 2003. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003_01_05.html (дата обращения: 03.01.2021).

Гринин Л. Е. Исламизм и глобализация // Век глобализации. 2019. № 1(29). С. 18–34.

Гуревич П. С. Фундаментализм и модернизм как культурные ориентации [Электронный ресурс] : Общественные науки и современность. 1995. № 4. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/790/112/1218/018G_urevich.pdf (дата обращения: 27.01.2021).

Евстафьев Д. Постглобализация и пространственное развитие России. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/expert/2019/14/postglobalizatsiya-i-prostranstvennoe-razvitie-rossii/> (дата обращения: 01.02.2021).

Ерохов И. А. Постглобализация и политическая архаизация в России [Электронный ресурс] : Мировая политика. 2020. № 2. С. 1–25. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33335 (дата обращения: 28.01.2021).

Левицкий В. С. От универсального модерна к плюрализму глобализации // Век глобализации. 2020. № 4(36). С. 97–111.

Мамедзаде И. Р., Махаматов Т. М. От религиозно-этнической цивилизации к глобальной: цивилизация тюрко-мусульманского мира // Век глобализации. 2020. № 4(36). С. 36–46.

Скородумова О. Б. Постглобализация как новая модель формирования многополярного мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4(66). Ч. 1. С. 158–162.

Скородумова О. Б. Постглобализация как социальный феномен современного общества // Социальная политика и социология. 2016. № 4(66). Ч. 1. С. 205–212.

Фукуяма Ф. Будущее истории. Может ли либеральное общество пережить упадок среднего класса? // Россия в глобальной политике. 2012. № 1. Январь/февраль [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/budushhee-istorii/>.

Чумаков А. Н. Глобалистика в контексте современности: испытание пандемией // Век глобализации. 2020. № 3(35). С. 3–14.

Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. New Public Management is Dead – Long Live Digital-Era Governance // Journal of Public Administration Research and Theory. 2005. No. 16. Pp. 467–494.

Ending Poverty [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/en/sections/issues-depth/poverty/> (дата обращения: 03.02.2021).

Hasell J., Roser M. How do We Know the History of Extreme Poverty? 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://ourworldindata.org/extreme-history-methods> (дата обращения: 04.02.2021).

Leicht K. T. Market Fundamentalism, Cultural Fragmentation, Post-modern Skepticism, and the Future of Professional Work // Journal of Professions and Organization. 2016. No. 3. Pp. 103–117.

Mesarovic M. D., Pestel E. Mankind at the Turning Point: The Second Report to the Club of Rome. Dutton, 1974.

Orekhovskaya N. A., Volobuev A. V., Kosarenko N. N., Zakharova V. L., Sheshtak V. A., Sushkova Y. N. Religious Fundamentalism Salvation or a Threat to the Modern World? // European Journal of Science and Theology. 2019. Vol. 15. Issue 4. August. Pp. 61–70.

Stiglitz J. E. Moving beyond Market Fundamentalism to a More Balanced Economy // Annals of Public and Cooperative Economics. 2009. Vol. 80(3). Pp. 345–360.

References

Volobuev A. V., Kuzina E. S. Islamskij fundamentalizm kak faktor formirovaniya identichnosti sovremennyh musul'man [Islamic Fundamentalism as a Factor in the Formation of the Identity of Modern Muslims] // Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. 2017. No. 4. Pp. 51–54.

Galinskaya I. L. Globalizatsiya i postglobalizatsiya (obzor) [Globalization and Post-globalization (overview)] // *Kul'turologiya*. 2006. No. 4(39). Pp. 73–76.

Giddens E. Chto Zavtra: Fundamentalizm ili Solidarnost' [As to Tomorrow: Fundamentalism or Solidarity] // *Otechestvennye zapiski*. 2003. No. 1. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003_01_05.html (accessed: 03.01.2021).

Grinin L. E. Islamizm i globalizatsiya [Islamism and Globalization] // *Vek globalizatsii*. 2019. No. 1(29). Pp. 18–34.

Gurevich P. S. Fundamentalizm i modernizm kak kul'turnye orientatsii [Fundamentalism and Modernism as Cultural Orientations] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1995. No. 4. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/790/112/1218/018G_urevich.pdf (accessed: 27.01.2021).

Yevstaf'ev D. Postglobalizatsiya i prostranstvennoe razvitie Rossii. 2019 [Postglobalization and Spatial Development of Russia]. URL: <https://expert.ru/expert/2019/14/postglobalizatsiya-i-prostranstvennoe-razvitie-rossii/> (accessed: 01.02.2021).

Erohov I. A. Postglobalizatsiya i politicheskaya arhaizatsiya v Rossii [Postglobalization and Political Archaization in Russia] // *Mirovaya politika*. 2020. No. 2. Pp. 1–25. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33335 (accessed: 28.01.2021).

Levitskij V. S. Ot universal'nogo moderna k plyuralizmu globalizatsii [From Universal Modernism to the Pluralism of Globalization] // *Vek globalizatsii*. 2020. No. 4(36). Pp. 97–111.

Mamedzade I. R., Mahamatov T. M. Ot religiozno-etnicheskoj tsivilizatsii k global'noj: tsivilizatsiya tyurko-musul'manskogo mira [From Religious-Ethnic Civilization to Global Civilization: Civilization of the Turkic-Muslim World] // *Vek globalizatsii*. 2020. No. 4(36). Pp. 36–46.

Skorodumova O. B. Postglobalizatsiya kak novaya model' formirovaniya mnogopolyarnogo mira [Postglobalization as a New Model for the Formation of a Multipolar World] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2016. No. 4(66). Part 1. Pp. 158–162.

Skorodumova O. B. Postglobalizatsiya kak sotsial'nyj fenomen sovremennogo obshchestva [Postglobalization as a Social Phenomenon of the Modern Society] // *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 2016. No. 4(66). Part. 1. Pp. 205–212.

Fukuyama F. Budushchee istorii. Mozhet li liberal'noe obshchestvo perezhit' upadok srednego klassa? [The Future of History. Can a Liberal Society Survive the Decline of the Middle Class?] // *Rossiya v global'noy politike*. 2012. No. 1. January/February [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/budushhee-istorii/>.

Chumakov A. N. Globalistika v kontekste sovremennosti: ispytanie pandemiej [Globalism in the Context of Modernity: Pandemic Testing] // *Vek globalizatsii*. 2020. No. 3(35). Pp. 3–14.

Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. New Public Management is Dead – Long Live Digital-Era Governance // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2005. No. 16. Pp. 467–494.

Ending Poverty [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/en/sections/issues-depth/poverty/> (accessed: 03.02.2021).

Hasell J., Roser M. How do We Know the History of Extreme Poverty? 2019. URL: <https://ourworldindata.org/extreme-history-methods> (accessed: 04.02.2021).

Leicht K. T. Market Fundamentalism, Cultural Fragmentation, Post-modern Skepticism, and the Future of Professional Work // *Journal of Professions and Organization*. 2016. No. 3. Pp. 103–117.

Mesarovic M. D., Pestel E. *Mankind at the Turning Point: The Second Report to the Club of Rome*. Dutton, 1974.

Orekhovskaya N. A., Volobuev A. V., Kosarenko N. N., Zakharova V. L., Sheshtak V. A., Sushkova Y. N. Religious Fundamentalism Salvation or a Threat to the Modern World? // *European Journal of Science and Theology*. 2019. Vol. 15. Issue 4. August. Pp. 61–70.

Stiglitz J. E. Moving beyond Market Fundamentalism to a More Balanced Economy // *Annals of Public and Cooperative Economics*. 2009. Vol. 80, Issue 3. Pp. 345–360.

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ (К истокам глобалистики)

Лось В. А.*

В статье проводится анализ становления и динамики исследований глобальных проблем в советской науке в период «золотой декады» (1980–1990), в рамках которой закладывались основания постсоветской глобалистики. Вскрываются теоретические основания и методология изучения глобальных проблем, их адаптация к тогдашним политическим реалиям. Выделяются основные направления изучения феномена глобальных проблем. Рассматривается организационная структура их исследования.

Ключевые слова: глобальные проблемы, интернационализация, глобализация деятельности, глобальное мышление, новое политическое мышление, организационные структуры, глобалистика.

The article analyzes the formation and dynamics of research on global problems in Soviet science during the 'golden decade' (1980–1990), within the framework of which the foundations of post-Soviet globalistics were laid. The theoretical foundations and methodology of studying global problems as well as their adaptation to the political realities of that time are revealed. The main directions of studying the phenomenon of global problems are highlighted. The organizational structure of their research is considered.

Keywords: global problems, internationalization, globalization of activity, global thinking, new political thinking, organizational structures, globalistics.

Эпоха феномена глобальных проблем началась в советской науке с публикации классических монографий В. В. Загладина и И. Т. Фролова [1981] и коллективной монографии под редакцией Н. Н. Иноземцева [Глобальные... 1981], а условно закончилась с выходом в свет фундаментального труда под редакцией И. Т. Фролова [Социализм... 1987]. Очевидно, что в советской реальности любая инновационная система знаний должна была быть увязана с доминирующей идеологией.

Марксистские основания исследования глобальных проблем

Марксизм заложил основания исследований процессов общечеловеческого характера, связав их с интернационализацией. Она трактуется как форма развития капитала, обуславливающая активный процесс преодоления национальной замкнутости как материального, так и духовного производства.

Основоположники марксизма связывали «великое цивилизаторское влияние» капитала с тем, что плоды деятельности отдельных наций становятся «общим до-

* Лось Виктор Александрович – д. ф. н., профессор, действительный член Российской экологической академии. E-mail: Victor943@icloud.com.

стоянием»; разрушаются национальные предрассудки и ограничения; снимаются традиционное, «самодовольно замкнутое» в определенных границах удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство «старого образа жизни». Более того, разделение труда между отдельными нациями, странами и государствами, делающее невозможным их обособленное производственно-хозяйственное и социокультурное функционирование, преодолевает «первоначальную замкнутость» отдельных социумов – история превращается в «мировую историю».

Конструктивное стремление капитала к интернационализации экономических, социальных и культурных процессов наталкивается, однако, согласно марксистской доктрине, на имманентные препятствия, обусловленные его сущностью. А именно: экспансия капитала ведет к дальнейшему «отчуждению человека», то есть результаты его труда превращаются в универсальное средство «закабаления» индивидуума.

Выявляется парадоксальная ситуация. С одной стороны, усиливается процесс интернационализации всех, в сущности, сторон и сфер человеческой деятельности и существования – осуществляется всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. С другой стороны, динамизм социума в условиях рыночных отношений оборачивается против личности, ибо человеческая жизнь низводится до уровня «простой» материальной силы.

Развитие и расширение процессов интернационализации с неизбежностью ведет, в соответствии с марксистской доктриной, к логическому (и историческому) «снятию» капиталистических отношений. Если основоположники марксизма уже в формах европейской интернационализации усматривали «призрак коммунизма», то на рубеже XIX–XX вв., в условиях «зрелого капитализма», В. И. Ленин подмечал признаки будущего «социалистического единства мира»; формирование «общих экономических всемирных отношений»; реализацию тенденции создания единого «всемирного хозяйства как целого».

При этом марксизм обращал внимание и на социально-природный контекст развития. Выявляется диалектический характер взаимосвязи «истории природы» и «истории людей». Иными словами, речь шла о том, что «природные основания» изменяются в процессе исторической динамики, а характер и направления исторического процесса обуславливаются природными условиями. Во все эпохи феномен воспроизводства рассматривается как результат взаимодействия деятельности социума и «производительной силы природы». Именно в процессе труда осуществляется «обмен веществ» в системе «человек – социум – биосфера». Специфичность этого «обмена» определяется не столько непосредственно биологической активностью индивидуума, сколько способом материального (и духовного) производства, то есть обуславливается установками социума – его структурой, типом организации, социокультурными стереотипами и т. п. Всякое производство есть, с одной стороны, присвоение индивидуумом «предметов природы» согласно определенной «общественной форме»; а с другой стороны, в процессе производства индивидуум действует так, как «сама природа».

И тем не менее марксистский анализ динамики системы «человек – социум – природа» исходит из того, что в процессе естественно-исторического развития

усиливаются противоречия между элементами системы. Обострение противоречий между человеком (социумом) и природой трактуется, однако, не как результат труда вообще, но – «отчужденного труда», в основе которого лежит экономическое отчуждение. Продукт труда противостоит производителю как чуждая сила, ибо принадлежит не ему, а собственнику. При этом культурно-поведенческие стереотипы рыночных отношений (масштабы деятельности, рост социальных потребностей и др.) ведут в условиях капитализма, в соответствии с марксистской доктриной, к опасному обострению социально-природных противоречий.

Напротив, теория «научного социализма» исходит из того, что «ассоциированные производители» выйдут на уровень взаимоотношений с природой в «адекватной ей форме». Иначе говоря, преодоление антагонистических противоречий в системе «человек – социум – природа» связывается, в теории марксизма, с переходом от капитализма к социализму (коммунизму), где, в соответствии с теорией, должен быть реализован принцип рационального взаимоотношения всех элементов социоприродной системы.

Особенно это касается интерпретации феномена человека. Более того, марксизм, стремясь приблизиться к пониманию сущности человека, предложил жестко «социализированный» подход к «освобождению личности».

Определение сущности человека связывается с осуществлением его трудовой функции, при реализации которой и развиваются специфические человеческие качества. При этом труд рассматривается не только как условие «обмена» между человеком и природой, как средство жизни, но и как форма самоутверждения личности. Иначе говоря, труд выступает как общественное отношение к природе, а общественный характер человека необходимо включается в понимание его сущности. Более того, выявление и обоснование биосоциальной сущности человека прежде всего выражается, согласно марксизму, в прогрессе способов деятельности. Способ производства рассматривается не только с точки зрения воспроизводства «физического существования индивидов»; в еще большей мере это определенный вид их жизнедеятельности. В таком контексте эволюция производства трактуется как «раскрытая книга человеческих сущностных сил» [Маркс, Энгельс 1955].

Человек предстает как «постоянная предпосылка истории», ее «продукт и результат». Многообразие человеческой природы – процесс развития личности в результате материальной и духовной деятельности: общения, обучения, образования, воспитания и т. п. Следовательно, человек – итог процесса освоения и воспроизведения предшествующего социокультурного опыта человечества. И если цель капитализма (по К. Марксу) – «производство ради производства», то целевая установка социализма (и коммунизма) – развитие человека. Классики марксизма утверждали в «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.): в обществе будущего каждый индивидум получит возможность развивать свою «человеческую природу», а «свободное развитие каждого» станет условием «свободного развития всех».

Однако объективные исследования уже в XX в., особенно в его второй половине, реально показывали, что социально-философская доктрина марксизма, отражая реалии XIX в., утрачивает свою адекватность современным мировым трен-

дам. Это в полной мере касается интерпретации всего «блока вопросов» (о них речь шла выше), составляющих «ядро» марксистской интерпретации системы глобальных проблем, а именно: интернационализация производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности, острота взаимоотношений общества и среды его обитания, феномен человека как интегрирующий фактор динамики развития цивилизации.

Контурсы «нового политического мышления»

Марксизм отчетливо вскрыл причины «отчуждения» природы в условиях динамично развивающихся рыночных отношений, утверждая при этом, что «феномен отчуждения» не позволит в рамках капитализма выйти на уровень рационализации системы «человек – социум – природа». В действительности же рационализация элементов социально-экологической системы как необходимое условие преодоления биосферной напряженности стала осуществляться в рыночных условиях. Именно «развитый капитализм» создал экономическую основу для реальной «экологизации» рыночных отношений, действительного повышения «качества жизни» и выхода на уровень конструктивного человеческого развития.

Практика «реального социализма» привела, к сожалению, к догматизации марксистской доктрины, «разрыву» между ее теоретическими положениями, сформулированными для середины XIX в., и реалиями, характерными для XX в. Очевидно, однако, что марксизм, занимая свое место в пантеоне истории и не претендуя на абсолютизацию интерпретации тенденций современного мирового развития, тем не менее сыграл существенную роль в генезисе советских исследований глобальных проблем.

Опираясь на марксистские традиции и развивая их в новых международно-политических условиях, XXVII съезд КПСС (1986 г.) провозгласил глобальные проблемы как значимую социально-политическую реальность. Позднее этот тезис был положен в основание представлений о «новом политическом мышлении» [Горбачев 1987]. В его рамках преодолевались традиционные идеологические стереотипы, базирующиеся на конфронтационной идеологии о «двух системах» (и «двух мирах»). С этих позиций вся ответственность за обострение противоречий глобального масштаба, в том числе за гонку вооружений, бедственное экономическое положение стран третьего мира, мировой продовольственный дефицит и др., возлагалась на западные страны. С другой стороны, утверждалось, что использование «преимуществ социализма» с его плановой организацией деятельности и гуманистическим мировоззрением является реальной предпосылкой преодоления противоречий национально-регионального и глобального масштабов. Более того, позитивные перспективы мировой цивилизации связывались с продвижением человечества к коммунистическому будущему, где в полной мере должен раскрыться потенциал человеческой личности.

В условиях эрозии идеологического догматизма формирующееся «новое политическое мышление», пытаясь дать ответы на глобальные вызовы цивилизации, балансирует на грани марксистских стереотипов и идеологических инноваций. Отметим некоторые из его элементов.

Во-первых, признание общечеловеческих ценностей (при этом классовый подход отнюдь не отвергается) при анализе динамики исторического развития.

Во-вторых, трактовка международных отношений на основе баланса интересов, учитывая зависимость и во многом «целостность мира». В-третьих, опора на политику мирного сосуществования государств с различным общественным строем как приоритетная стратегия, обеспечивающая перспективное выживание цивилизации и ее конструктивную историческую динамику.

В рамках концепции «нового политического мышления» разрабатывалась стратегия выхода на уровень социализма с «человеческим лицом» для решения проблем общечеловеческого характера, новых форм взаимоотношений государств с различным политическим устройством. Несмотря на сохранение противоречий современного мирового развития и существенные различия (политические, экономические, социокультурные и др.) между государствами, во все большей мере внимание акцентируется не на дифференциальных, а на интегративных тенденциях. Проблема выживания человечества рассматривается как приоритетная, а политика мирного сосуществования государств с различным общественным строем – как единственно возможный путь, обеспечивающий международную безопасность.

Для идеологической респектабельности феномена глобальных проблем используется не только теоретическая база марксизма. Для подкрепления статуса политического мышления нового типа из ранних ленинских работ было извлечено забытое прежде положение об известном «доминировании» интересов «общественного развития» над «интересами пролетариата». «Общечеловеческий подход», присутствующий в работах раннего Маркса, отнюдь не составляет основания зрелого марксистского понимания динамики всемирно-исторического развития, где действуют доминирующие «классовые силы». «Общечеловеческий» потенциал марксизма, нивелированный в прошлом, оказался востребованным в условиях, когда под воздействием усиливающихся кризисных социально-экономических процессов возникла необходимость трансформации «реального социализма».

Идея «нового политического мышления» прежде всего стала реализовываться в военно-политической сфере. Публиковались данные, из которых следовало, что использование лишь незначительной части уже накопленного мирового ядерного потенциала ставит цивилизацию на грань катастрофы. Более того, ядерная конфронтация между двумя «сверхдержавами» (СССР и США) оборачивалась непосильным для мировой экономики, особенно для экономического потенциала «развитого социализма», бременем расходов. Ориентиры политического мышления нового типа формулировались следующим образом: если человечество не сумеет найти механизмы управления гонкой вооружений, то есть предотвратить неизбежность ядерной войны, то не только будет разрушена материальная (и культурная) основа современной цивилизации, но и станет реальностью тотальная экологическая катастрофа, ведущая к деградации и гибели всего живого, в том числе и человека.

Впервые, видимо, в современной истории выводы науки принимались во внимание в процессе принятия политических стратегических решений. Так, для их обоснования был использован утраченный прежде Манифест Рассела – Эйн-

штейна (1955), под которым свои подписи поставили крупнейшие мировые ученые (Ф. Жолио-Кюри, Л. Полинг и др.) В нем зафиксированы мысли, не потерявшие, к сожалению, и поныне своей актуальности.

Во-первых, подчеркивается возможность «всеобщей гибели» человечества в результате применения термоядерного оружия. Во-вторых, обращается внимание на то, что разногласия в тогдашнем мире (между Западом и Востоком, коммунизмом и антикоммунизмом, «белыми» и «черными» и др.) необходимо пытаться разрешить не «силой оружия», а «мирными средствами». Спустя тридцать лет эти же положения доказывались с опорой на выводы модели «ядерной зимы», в рамках которой обмен термоядерными ударами между сверхдержавами приводит к глобальной экологической (и социальной) катастрофе.

И если в середине 50-х гг. гонка холодной войны еще только набирала обороты, то к концу 80-х гг. ее негативные последствия для цивилизации в целом и ее составных частей выявлялись все более отчетливо.

В условиях перестройки идея мирного сосуществования государств с различным устройством становится фактором реальной политики. Это привело к поддержке мировым сообществом радикальных изменений, происходящих в условиях «реального социализма».

Основные направления исследований глобальных проблем

С середины 70-х гг. XX в. в ведущих партийных и общественно-политических изданиях (газета «Правда», журналы «Коммунист», «Проблемы мира и социализма» и др.), публикации в которых носили, как правило, директивный характер, была представлена целая серия материалов, дающих марксистскую интерпретацию глобальной проблематики, в частности, выявляющих взаимосвязь общечеловеческих и классовых подходов в оценке исторического развития. Ведущий философский журнал «Вопросы философии» опубликовал материалы ряда круглых столов, посвященных обсуждению как отдельных глобальных проблем (например, экологических), так и их системы в целом. В начале 80-х гг. вышли в свет первые монографические исследования, авторы которых (В. В. Загладин и И. Т. Фролов) входили в рабочие группы по подготовке соответствующих разделов XXVII съезда КПСС, определявших в значительной мере до начала 90-х гг. основные направления исследований в области глобальных проблем в нашей стране.

В этот период активно действовали научные коллективы и отдельные специалисты, разрабатывающие различные аспекты глобальных проблем, исследования которых приобретали вместе с тем отчетливую комплексную направленность. Условно выделим несколько доминирующих направлений исследований.

Философско-методологическое направление. Разработка общетеоретических аспектов глобальной проблематики.

Фундаментальный характер приобрела классическая классификация глобальных проблем, предложенная на рубеже 70–80-х гг., сохранившая и поныне свой статус. При этом прошедшие десятилетия представили свои дополнения. К примеру, неизмеримо повысился масштаб социальных сетей, которые оказывают ра-

дикальное воздействие на индивидуальное (и общественное) сознание. Разрабатывались методы (системный подход, глобальное моделирование и др.), которые можно было бы применять для адекватного анализа имманентно комплексной (интегральной) проблематики. В этом контексте рассматривалась тенденция к интеграции современного научного знания как одного из определяющих факторов, обеспечивающих адекватный анализ проблем подобного уровня системной сложности.

Военно-стратегическое направление. Анализ глобальных последствий гонки вооружений и реальной угрозы мировой термоядерной катастрофы.

Потенциальная возможность обмена термоядерными ударами между сверхдержавами и реальность соответствующих негативных последствий, ставящих под угрозу само существование и даже выживание цивилизации, до недавнего времени трактовалась как «глобальная проблема номер один». Более того, результаты глобального моделирования потенциальной термоядерной катастрофы (модель «ядерная зима») стали одним из важных факторов, усиливающих реализацию стратегии мирного сосуществования государств различных (и даже противоположных) систем.

Социально-экологическое направление. Наиболее разрабатываемая (после военно-стратегического направления) сфера глобальных исследований.

С конца 60-х – начала 70-х гг. мировая социально-экологическая ситуация стала рассматриваться как острейшая глобальная проблема современности. При этом масштабы и характер человеческой деятельности оценивались в качестве определяющего фактора опасной для человека (и биосферы) деградации окружающей среды. С одной стороны, анализируются причины обострения мировой биосферной напряженности, ассоциируемые с типом техногенной цивилизации, демографическими процессами, ростом общественных потребностей и др. С другой стороны, предлагаются механизмы снятия остроты социально-экологических противоречий (повышение «степени замкнутости» деятельности, «экологизация» мышления индивида и т. п.).

Научно-техническое направление. Динамика научно-технического развития рассматривается в контексте глобальной проблематики.

Выявляется диалектика взаимосвязи элементов системы «наука – техника – производство». Исторически сложившаяся ориентация научно-технического прогресса (масштабность деятельности социума, преувеличение статуса технократизма и др.) трактуется как существенный фактор (помимо положительных моментов прогресса), усугубляющий остроту противоречий современной цивилизации. С другой стороны, именно конструктивная направленность современных исследований и разработок, выход их на новый уровень (биотехнология, информатизация и т. п.) рассматриваются как возможность научно-практического разрешения и отдельных глобальных проблем, и их системы в целом.

Социально-экономическое направление. Оценивается специфика проявления глобальных противоречий в различных региональных условиях, их особенности в развитых и развивающихся странах. При этом акцент ставился в советских (идеологических) условиях на по крайней мере трех тезисах.

Во-первых, утверждалось, что острота и масштабность обострения современной системы глобальных проблем с несравненно большей, чем в предшествующие исторические периоды, силой вскрывают социально-экономическую ограниченность капиталистических принципов развития. Во-вторых, доказывалось (и это в известной степени соответствовало действительности), что именно капиталистические формы хозяйствования, и в особенности колониализм (и неоколониализм), несут всю полноту ответственности за остроту региональных противоречий глобального масштаба (нищета, голод, неграмотность населения и др.). И, в-третьих, постулировалось (позднее это положение существенно корректировалось), что только в условиях «реального социализма» создаются объективные предпосылки (экономические, социальные, политические и т. п.) для позитивного разрешения всей системы глобальных проблем, преодоления существенных «ножниц» в уровнях развития между странами «третьего мира» и промышленными государствами.

Прогностическое направление. Экстраполяция и оценка футурологических трендов современных мировых процессов. Выделим две группы соответствующих исследований.

В рамках одной из них на основе рассмотрения западных представлений о контурах будущего, в том числе и тех, которые излагались в докладах Римскому клубу, давался критический анализ возможностей капитализма адекватно преодолеть глобальные исторические противоречия. Западная футурология критиковалась за абстрактность и утопичность, социальную ограниченность, «технократический оптимизм», «экологический пессимизм» и др. Впрочем, постепенно западные модели глобального будущего получали более адекватную (объективную, отнюдь не идеологическую) интерпретацию.

Вторая группа исследований связана с разработкой позитивных перспектив социализма, экстраполяцией современных глобальных трендов в контексте возможного социалистического будущего человечества. И если в начале 80-х гг. прогностические перспективы цивилизации связывались с реализацией социалистического сценария, то к началу 90-х гг. соответствующие глобальные построения не носили (как прежде) безусловного характера.

Подчеркнем специфические особенности советских разработок в области глобальных проблем. Во-первых, стремление оценить мировые процессы в контексте их соответствия (или противоречия) марксистским стереотипам; во-вторых, преимущественно критический анализ результатов исследований, полученных западными специалистами; в-третьих, абсолютизация достижений «реального социализма», его исторических перспектив, что ограничивало возможности объективных разработок, в том числе и в области глобальных проблем.

И тем не менее за десятилетие (80–90-е гг.) советские исследователи сделали немало:

– сформировалось новое направление (позднее названное глобалистикой) отечественной науки в процессе взаимодействия (интеграции) социально-гуманитарного, естественно-научного и технико-технологического знания;

- разработаны научные методы (системный подход, глобальное моделирование и др.), эффективно применяемые для анализа сложных систем различной степени и масштаба интеграционного статуса;
- представлены сценарии динамики не только отдельных глобальных проблем, но и их системы в целом как в российском, так и в мировом измерении;
- результаты глобальных исследований (в частности, модель «ядерная зима»), воспринятые лицами, принимающими решения, оказали существенное влияние на мировой и национальный политический климат (политика мирного сосуществования, новое политическое мышление).

Глобальные исследования: организационно-управленческие механизмы

В течение 80-х гг. XX в. инициативы исследований в сфере глобальных проблем и их координация в значительной степени были связаны с деятельностью Научного совета при Президиуме АН СССР по философским и социальным проблемам науки и техники (И. Т. Фролов) и его секции «Глобальные проблемы» (В. В. Загладин). Отметим основные направления их деятельности.

Организация и проведение обсуждений на базе ведущих научных учреждений Академии наук. Структура обсуждений подобного рода выглядела примерно следующим образом. Сначала руководитель учреждения, где проводилось заседание, его ведущие научные сотрудники выступают с докладами и сообщениями, в которых рассматривались результаты исследований, связанных с изучением различных аспектов глобальных проблем (в контексте интересов данного научного учреждения); формулировались стратегические направления и ориентиры возможных перспективных глобальных исследований. В рамках проводившейся далее дискуссии отмечались спорные вопросы, намечались перспективы совместных разработок и т. п. Материалы дискуссии, как правило, готовились к публикациям как в специализированных, так и в общетеоретических изданиях.

Институт мировой экономики и международных отношений. Являлся одним из лидеров исследования глобальных проблем в нашей стране.

Руководитель проекта глобальных разработок ИМЭиМО М. М. Максимова акцентировала внимание на теоретико-методологических сторонах изучения глобальных проблем, их взаимосвязи как с отдельными проблемами глобального масштаба, так и с их системой [Максимова 1986]. Специалисты института представили ее комплексный анализ, а именно: рассмотрение международных и национальных механизмов предотвращения термоядерной войны; конкретно оценивали перспективы мировой демографической ситуации, специфику продовольственной сырьевой базы в различных регионах мира, существенное внимание уделяли рассмотрению мировой социально-экологической ситуации и др. В заключении был предложен мировой сценарий развития цивилизации к началу XXI в.

Институт географии. Особенное внимание уделяется изучению взаимоотношений человека (социума) и среды его обитания.

Директор института академик И. П. Герасимов сделал доклад о фундаментальном значении географии («конструктивная география») в системе современ-

ного научного знания, ее прогностическом лидирующем статусе [Герасимов 1976]. Ведущие сотрудники института (А. Г. Доскач и др.) подчеркивали значение обострения мировой экологической ситуации в общей системе глобальных проблем. Много внимания уделялось дискуссии о возможных мировых трендах, связанных с радикальными изменениями климата в планетарных масштабах. Был сделан прогноз динамики мировой и региональных социально-экологических ситуаций.

Институт научной информации по общественным наукам. Сбор и анализ обширных публикаций по глобальной проблематике.

В докладе директора института академика В. А. Виноградова обращалось внимание на то, что в современном мире информатизация приобретает планетарный характер, являясь базисным элементом динамики науки и социальной практики. Информатизация и глобализация выступают единым компонентом развития социума, способствуя повышению статуса интегративных тенденций в динамике цивилизации [Виноградов 1986]. Участники круглого стола знакомились и обсуждали те материалы по глобальной проблематике, которые готовились сотрудниками института.

Круглый стол в МГУ им. М. В. Ломоносова. Знакомство студентов с феноменом глобальных проблем.

В основе дискуссии была лекция профессора Д. Медоуза [1991], который рассказал не только об особенностях проекта «Пределы роста» (элементы которого уже были известны многим студентам), но и о перспективных направлениях глобальных исследований. В своем выступлении Медоуз подтвердил выводы модельных построений, в соответствии с которыми человечество, если не изменить тренды развития, реально приближается к состоянию коллапса.

Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований. Разработка под руководством директора института Д. М. Гвишиани системы моделирования глобальных процессов [Гвишиани 1977].

Обсуждение открыл один из руководителей проекта В. А. Геловани, который ознакомил участников круглого стола с разработанной человеко-машинной системой моделирования глобальных процессов как взаимосвязью формализованных и неформализованных элементов. С использованием мирового опыта (работы Дж. Форрестера и др.) была построена модель глобальной системы на основе взаимодействия методов имитационного моделирования и сценарных построений [Геловани, Юрченко 1990].

Глобальная (мировая) система трактовалась докладчиком как совокупность региональных и национальных подсистем, которые определялись на основе следующих параметров: народонаселение (масштабы, темпы роста, структура и др.); продовольствие (динамика производства, распределения, потребления); экономика (особенности производства, потребления, распределения и накопления); природные ресурсы (региональное распределение и др.); среда обитания (характеристики атмосферы, климата, животного мира и др.); научно-технический прогресс (новые технологии); механизмы регулирования собственности (принципы собственности, типы социального регулирования). Моделируемая система носит

столь сложный характер, заметил докладчик, что для ее эффективного описания и принятия адекватных управленческих решений недостаточно использовать только формальные методы. Речь идет о сочетании машинного подхода и сценарного описания.

Докладчик представил предварительные результаты исследовательского проекта, начатого в середине 80-х гг., под названием «На пороге третьего тысячелетия (Глобальные проблемы в процессе развития СССР)». На основе человеко-машинного метода моделирования мирового и национально-регионального развития намечались контуры динамики мира и нашей страны до 2000 г.

Конечно, реальные изменения мировой социально-политической ситуации (например, распад стран социалистического содружества, развал СССР) не могли быть учтены на данном этапе проекта. И это, очевидно, снизило его влияние на национальное общественное мнение, политическое сознание общества. И тем не менее представленный метод человеко-машинного моделирования глобальных систем, опирающийся на фундаментальную теорию социально-экономического развития современного социума, является одним из важнейших способов познания динамики социального развития сложных объектов. Адекватное его применение – один из элементов выхода на уровень эффективных управленческих решений на национально-региональном и глобальном уровнях.

Вычислительный центр Академии наук. Одно из базовых научных учреждений по разработкам компьютерного моделирования глобальных процессов в биосфере.

Острота мировой социально-экологической ситуации актуализировала разработку моделирования процессов в экосистеме глобального масштаба. Под руководством академика Н. Н. Моисеева была предложена система моделей, в рамках которой описывается естественная циркуляция вещества, а именно: геохимические циклы, климат и человеческая активность. Это и стало основой его выступления на круглом столе [Моисеев и др. 1985].

В рамках блока «Биота» была представлена модель системы геохимических циклов (азот, кислород и вода) с учетом биотического круговорота; наиболее подробно, уточнил докладчик, представлен круговорот углерода. В блоке «Климат» анализировались гидродинамические процессы взаимодействия атмосферы и Мирового океана, возможные изменения атмосферных температурных показателей. Блок «Человеческая активность», пояснил Н. Н. Моисеев, разработан пока в наименьшей степени; в его рамках предполагается учет возможного воздействия основных социально-экономических факторов (производство, аграрная система, трудовые ресурсы) на динамику биосферных процессов. Речь идет, заключил докладчик, пока лишь об учебной модели биосферы, в которой акцент сделан на более углубленном учете социально-экологических факторов.

Сотрудники центра подробно говорили о разработанной модели «Ядерная зима», уже представленной научному сообществу. Коллектив советских специалистов (Н. Н. Моисеев, В. В. Александров и др.) совместно с западными учеными (К. Саган и др.) дали оценку возможных глобальных климатических изменений в результате обмена термоядерными ударами между потенциальными противниками – сверхдержавами (СССР и США).

Суть модели, как поясняли специалисты, состоит в следующем. Анализируются изменения атмосферного температурного режима в процессе сгорания – в результате потенциального термоядерного удара – различных объектов биосферы, как природных (лесные массивы), так и социокультурных (хранилища топлива, промышленные центры, жилища и др.). В соответствии с расчетами, в результате аэрозольного эффекта прогнозируется существенное и длительное похолодание атмосферы Земли (соответствующие конкретные цифры зависят от масштабов ядерного удара, характера сгорающих объектов и т. п.), что приведет к значительному ухудшению естественной среды обитания всего живого, в том числе и человека.

Проведение крупных научных форумов. Отметим два из них. А именно: Всесоюзный симпозиум «Марксизм-ленинизм и глобальные проблемы современности» (Москва, июнь 1983 г.) и Всесоюзная конференция «Социальные и методологические проблемы научно-технического прогресса» (Москва, ноябрь 1984 г.).

Если на симпозиуме рассматривалась, в сущности, вся система глобальных проблем в их взаимосвязи (и взаимозависимости) с современными и прогностическими трендами, то на конференции особое внимание было сконцентрировано на выявлении роли науки и техники в разрешении противоречий глобального масштаба, возникающих перед современной цивилизацией, приближающейся к XXI в. В научных дискуссиях как на симпозиуме, так и на конференции приняли участие крупнейшие отечественные ученые, в том числе академики Н. Г. Басов, М. И. Будыко, В. А. Кириллин, М. А. Стырикович, В. А. Энгельгардт и др. Обсуждение различных аспектов глобальных проблем, выявление роли научно-технического прогресса в их разрешении сочетались с разработкой соответствующих рекомендаций.

Отметим и участие в международных форумах. Выделим конференции «Социализм и глобальные проблемы» (Прага, июнь 1985 г.) и «Экология и мир» (Варна, август 1986 г.). В них участвовали специалисты из различных стран, которые подчеркивали, в частности, необходимость укрепления международного сотрудничества в решении проблем глобального масштаба. Особенно активно обсуждались проблемы предотвращения мировой термоядерной катастрофы и преодоления кризисных явлений в глобальной системе «человек – социум – биосфера».

Научно-исследовательская деятельность. Выделим два ее направления: издание материалов соответствующих научных собраний и подготовка коллективных монографических исследований.

Практически каждое крупное научное мероприятие получало комплексную информационную поддержку. Покажем это на примере организации симпозиума «Марксизм-ленинизм и глобальные проблемы современности».

Во-первых, материалы, предварявшие проведение симпозиума, были изданы в типографии ИМЭиМО АН (в двух выпусках). Во-вторых, в журнале «Вопросы философии» (1983 г., № 12) был представлен подробный отчет об основных идеях симпозиума. И, в-третьих, было подготовлено фундаментальное научное издание материалов симпозиума (1985 г.).

Назовем некоторые монографические исследования, подготовленные при поддержке Совета (и секции): том «Глобальные проблемы» – заключительная книга 20-томной серии «Земля и человечество. Страны и народы» (Мысль, 1985 г.), где ведущие отечественные специалисты анализируют все систему современных процессов глобального масштаба; книга «Горизонты экологического знания» (Наука, 1986 г.) – коллективная монография, посвященная оценке современного состояния и динамики системы «человек – социум – биосфера» в исторической перспективе; издание «Социализм и прогресс человечества. Глобальные проблемы цивилизации» (Политиздат, 1987) – монографическая работа крупнейших отечественных ученых, где подводится определенный итог исследований в области глобальных проблем.

Информационно-пропагандистская работа. Распространение научных знаний в сфере глобалистики.

Эта работа велась в сотрудничестве с Всесоюзным обществом «Знание». Отметим несколько ее направлений.

Во-первых, проведение в Центральном лектории общества в течение двух сезонов (1985–1987 гг.) цикла лекций, в рамках которых обсуждалась вся современная система глобальных проблем, перспективы их развития. В качестве лекторов выступали крупнейшие отечественные ученые и специалисты.

Во-вторых, этот опыт распространялся в масштабах страны. Соответствующие лекционные циклы проводились в столицах ряда союзных республик (в Алма-Ате, Ашхабаде и др.).

В-третьих, деятельность секции глобальных проблем освещалась в публикациях ведущих научных изданиях – «Вопросы философии», «Общественные науки», «Философские науки», в материалах Агентства печати «Новости» и др.

Заключение

Распад «советской империи» непосредственным образом сказался на статусе глобальной проблематики. К числу причин относительного снижения интереса к глобальным исследованиям следует отнести: теоретический вакуум, возникший после отказа от доминанты марксистской идеологии; доминирование российского подхода по отношению к мировым явлениям при глобальных построениях; организационно-финансовые трудности, обусловленные определенным снижением статуса науки, и др.

Однако на рубеже XX–XXI вв. возрождается несколько снизившийся к началу 90-х гг. интерес к глобальной проблематике [Глобалистика... 2003; 2006 и др.]. Поток соответствующих публикаций соответствует законам геометрической прогрессии.

К началу XXI в. глобальные проблемы, рассматриваемые в динамике исторического развития (глобализация), становятся объектом изучения активно формирующейся интегральной системы современного научного знания (глобалистика). Глобалистика в своих методологических принципах опирается и на позитивный опыт глобальных исследований советского периода.

Литература

- Виноградов В. А. *Общественные науки и информатизация*. М. : Наука, 1986.
- Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М., СПб. Нью-Йорк : Элима, Питер, 2006
- Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Диалог, 2003.
- Глобальные проблемы современности / под ред. Н. Н. Иноземцева. М. : Мысль, 1981.
- Горбачев М. С. *Перестройка и новое мышление*. М. : Политиздат, 1987.
- Загладин В. В., Фролов И. Т. *Глобальные проблемы современности: научный и социальные аспекты*. М. : Международные отношения, 1981.
- Геловани В. А., Юрченко В. В. *Проблемы компьютерного моделирования*. М. : МНИИПУ, 1990.
- Герасимов И. П. *Советская конструктивная география*. М. : Наука, 1976.
- Гвишиани Д. М. *Методологические проблемы моделирования глобального развития*. М., 1977.
- Максимова М. М. *Европейское сообщество: регулирование интеграционных процессов*. М. : Наука, 1986.
- Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 55 т. 2-е изд. Т. 3. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 7–544.
- Медоуз Д. *Пределы роста*. М. : Изд-во МГУ, 1991.
- Моисеев Н. Н., Александров В. А., Тарко А. М. *Человек и биосфера: Опыт системного анализа и эксперименты с моделями*. М. : Наука, 1985.
- Социализм и прогресс человечества. *Глобальные проблемы цивилизации* / под общ. ред. И. Т. Фролова. М. : Политиздат, 1987.

References

- Vinogradov V. A. *Obschestvennie nauki i informatizatsiya* [Social Sciences and Informatization]. Moscow : Nauka, 1986.
- Globalistika: Mezhdunarodnyj mezhdistsiplinarnyj entsiklopedicheskij slovar' [Globalistics: International Interdisciplinary Encyclopedic Dictionary]. Moscow, St. Petersburg, New York : Elima, Piter, 2006.
- Globalistika: Entsiklopediya [Globalistics: Encyclopedic Dictionary] / ed. by I. I. Mazur, A. N. Chumakov. Moscow : Dialog, 2003.
- Globalnye problemy sovremennosti [Global Problems of our Time] / ed. by N. N. Inozemtsev. Moscow : Mysl', 1981.
- Gorbachev M. S. *Perestrojka i novoe myshleniye* [Restructuring and New Thinking]. Moscow : Politizdat, 1987.
- Zagladin V. V., Frolov I. T. *Globalnye problemy sovremennosti: nauchnye i sotsialnye aspekty* [Global Problems of our Time: Scientific and Social Aspects]. Moscow : Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1981.
- Gelovani V. A. *Problemy komp'yuternogo modelirovaniya* [Problems of Computer Modeling]. Moscow : MNIIPU, 1978.

Gerasimov I. P. Sovetskaya konstruktivnaya geografiya [Soviet Constructive Geography]. Moscow : Nauka, 1976.

Gvishiani D. M. Metodologicheskie problemy modelirovaniya globalnogo razvitiya [Methodological Problems of Global Development Modeling]. Moscow, 1977.

Maksimova M. M. Evropejskoe soobshchestvo: regulirovanie integratsionnykh protsessov [European Community: Regulation of Integration Processes]. Moscow : Nauka, 1986.

Marx K., Engels F. Nemetskaya ideologiya [German Ideology] / K. Marx, F. Engels // Sochineniya [Compositions]: in 55 vols. 2nd ed. Vol. 3. Moscow : Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1955. Pp. 7–544.

Medouz D. Predely rosta [Growth Limits]. Moscow : MSU Press, 1991.

Moiseev N. N., Aleksandrov V. A., Tarko A. M. Chelovek i biosfera: Opyt sistemnogo analiza i eksperimenty s modelyami [Human and Biosphere: Experiences of Systems Analysis and Experiments with Models]. Moscow : Nauka. 1985.

Sotsializm i progress chelovechestva. Globalnye problemy tsivilizatsii [Socialism and Human Progress. Global Problems of Civilization]. Moscow : Politizdat, 1987.

Sotsializm i progress chelovechestva. Global'nyye problemy tsivilizatsii [Socialism and Human Progress. Global Problems of Civilization] / ed. by I. T. Frolov. Moscow : Politizdat, 1987.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

АГРОЭКОЛОГИЯ: ОТ РАЗНОГЛАСИЙ ПО СУЩНОСТИ К ЕДИНСТВУ ДЕЙСТВИЙ ПО СУЩЕСТВУ

Думнов А. Д., Демин А. П., Рыбальский Н. Г.*

В статье приводится краткий анализ подходов к определению сущности, сферы охвата и структуры агроэкологии (то есть совокупности агро-экологических мероприятий), а также связанных с этим основных понятий и определений, принятых в ряде профильных международных организаций, национальных ведомств и научных органов отдельных стран. На этой основе авторами статьи сформулирована собственная концепция сущности агро-экологии, подкрепленная набором учетно-статистических показателей. Особое внимание уделено проблемным и достаточно спорным вопросам, связанным с агроэкологией и характеризующим производство органической продукции и биотоплива, борьбу с инвазивными видами, классификационные построения, отражающие природоохранную и природосберегающую деятельность, формирование экосистемного учета в рамках системы национальных счетов (СНС) и т. п.

Ключевые слова: агроэкология, международные рекомендации, национальные позиции и формулировки, статистические показатели, органическая продукция, биотопливо, экосистемный учет, СНС.

The article provides a brief analysis of approaches to the definition of the essence, scope and structure of agroecology (i.e., a set of agro-ecological measures), as well as related basic concepts and definitions adopted in a number of relevant international organizations, national departments and scientific bodies of certain countries. On this basis, the authors of the article formulated their own concept of the essence of agroecology, supported by a set of accounting and statistical indicators. Special attention is paid to problematic and rather controversial issues related to agroecology such as organic production and biofuels, invasive species control, classifications reflecting environmental and ecological activities, the formation of ecosystem accounting in the framework of the System of National Accounts (SNA), etc.

Keywords: agroecology, international recommendations, national positions and formulations, statistical indicators, organic production, biofuels, ecosystem accounting, SNA.

* Думнов Александр Дмитриевич – д. э. н., г. н. с. Национального информационного агентства «Природные ресурсы» (НИА-Природа). E-mail: nia_priroda@mail.ru.

Демин Александр Павлович – д. г. н., ведущий научный сотрудник Института водных проблем РАН. E-mail: deminar@mail.ru.

Рыбальский Николай Григорьевич – д. б. н., профессор, директор НИА-Природа, первый вице-президент Российской экологической академии. E-mail: rng@priroda.ru.

Проблемы, связанные с концептуальным содержанием и, соответственно, с общей идеологией формирования агроэкологической деятельности (с ее отражением по конкретным учетно-статистическим индикаторам), сравнительно недавно стали предметом изучения как на международном, так и на национальном уровне. В частности, определенная работа по уточнению исходных категорий, понятий и дефиниций, а также по разработке необходимых показателей была проведена в рамках Межгосударственного статистического комитета СНГ в 2019 г. В этой работе приняли участие авторы настоящей статьи.

В ходе указанного исследования были выделен, проанализирован и использован весьма широкий круг международных методологических и организационно-технических материалов. Кроме того, были изучены позиции ряда национальных сельскохозяйственных и природоохранных ведомств, научных, отраслевых и общественных структур.

Трактовка понятия «агроэкология»

Проделанный анализ, во-первых, однозначно показал, что вопросы агроэкологии в целом и агроэкологической статистики в частности и/или близкие и сопряженные проблемы считаются весьма актуальными как на международном, так и на национальном уровне.

Во-вторых, результаты анализа свидетельствуют, что конкретное определение (точнее, ограничение) сферы интересов агроэкологии остается пока не до конца сформулированным и согласованным. Иначе говоря, сколько-нибудь унитарного определения сущности и структуры понятия «агроэкология» на международном уровне пока не выработано. Более того, имеющиеся и вновь предлагаемые понятийные подходы порой ощутимо расходятся даже внутри государств, в зависимости от тех или иных ведомств или организаций, которые формулируют соответствующие определения (дефиниции), не говоря уже о мнениях конкретных исследователей.

В частности, ФАО подчеркивает, что существует *множество* трактовок термина «агроэкология». Учитывая многогранность таких трактовок, ФАО создала *базу данных определений этого термина*. В ней присутствуют множественные формулировки и трактовки, как содержащиеся в законодательных и нормативно-правовых документах отдельных стран, так и встречающиеся в публикациях ученых, представителей предпринимательской сферы, гражданского общества и т. д. При этом ФАО пока не отдает приоритета ни одному из указанных определений, то есть, по сути, во многом предлагает государствам право собственного выбора [FAO 2019a].

Одна из агроэкологических понятийных моделей, упоминаемых ФАО, носит расширенный характер. Она включает комплексный охват весьма широкого круга вопросов, предусматривающий, в свою очередь, совместное использование природоохранных и социальных концепций и принципов применительно к управлению агропродовольственными системами. Если говорить более конкретно, то такой модельный подход охватывает 10 блоков и строится на «сочетании биофизических и социально-экономических элементов, связанных с тремя основами устойчивого развития – социальной, экономической и экологической» [FAO 2019b]. Состав этих десяти блоков имеет следующий вид:

- 1) общечеловеческие и социальные ценности;
- 2) культурные и пищевые традиции;
- 3) эффективность;
- 4) разнообразие;
- 5) совместное накопление знаний;
- 6) утилизация и переработка (рециркуляция);
- 7) синергетические связи;
- 8) циркулярная и солидарная экономика;
- 9) управление земельными угодьями и природными ресурсами;
- 10) устойчивость к внешним воздействиям.

В частности, по блоку *«Общечеловеческие и социальные ценности»* отмечается, что сюда входят «достоинство, равенство, инклюзивность и справедливость»; все они способствуют улучшению условий жизни людей в рамках достижения Целей в области устойчивого развития (ЦУР), одобренных Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 г. [ООН 2015]. *«За счет повышения самостоятельности и адаптационного потенциала людей и общин, позволяющего им рачительно управлять своими агроэкосистемами, агроэкологические подходы дают возможность преодолеть нищету, голод и неполноценное питание, реализовать права человека [здесь и ниже курсив наш. – Авт.]. Агроэкология ориентирована на устранение гендерного неравенства путем создания необходимых возможностей для женщин. Агроэкология может помочь сельским женщинам, занятым в семейных фермерских хозяйствах, повысить уровень своей самостоятельности за счет приобретения необходимых знаний, участия в коллективных действиях и создания возможностей для коммерциализации своего труда. Во многих регионах мира сельская молодежь сталкивается с кризисом занятости. Агроэкология может стать перспективным решением этой проблемы, будучи источником создания достойных рабочих мест»* [FAO 2019b].

По блоку *«Культурные и пищевые традиции»* отмечается, что «сельское хозяйство и продовольствие относятся к основным компонентам наследия человечества. Поэтому культурным и пищевым традициям принадлежит одна из главных ролей в жизни общества и в формировании поведения людей. Однако современные продовольственные системы во многих случаях приводят к разрыву между пищевыми предпочтениями и культурными традициями... Почти 800 млн человек в мире страдают от хронического голода, а 2 млрд – от дефицита микроэлементов. При этом стремительно растут показатели распространенности ожирения и заболеваний, связанных с неправильным питанием... Агроэкология играет важную роль в восстановлении баланса и гармонии между традициями и современными пищевыми пристрастиями, что способствует производству и потреблению полезных для здоровья продуктов питания и поддерживает право на достаточное питание. В этом смысле агроэкология ориентирована на формирование правильного отношения к еде» [Ibid.].

Такого рода развернутые, то есть весьма широкие, если не глобальные, трактовки наблюдаются и по большинству остальных блоков в вышеприведенной группировке ФАО. Однако ФАО, наравне с указанным расширенным подходом, отнюдь не отрицает возможность оперирования также суженным принципом отражения агроэкологической деятельности и, соответственно, использования до-

статочного ограниченного набора статистических индикаторов. При этом в состав соответствующих показателей включаются лишь индикаторы, отражающие земле- и водопользование, характеристики загрязнения и охраны почвенных, земельных и водных ресурсов, отдельные аспекты сельскохозяйственной деятельности в части применения удобрений и пестицидов, ряд особенностей животноводства, отраслевого энергопотребления, негативного воздействия на атмосферный воздух и на изменение климата и т. п. [FAO 2019a; 2019b].

Другими словами, в состав агроэкологических показателей в этом случае включаются лишь те индикаторы, которые обеспечивают возможность описания и оценки состояния и тенденций в области охраны окружающей природной среды (далее также ОПС) и уровня рационального природопользования в сельском хозяйстве. Считается, что указанный суженный подход, в принципе, дает возможность лицам, принимающим управленческие решения, исследователям, представителям общественных организаций, рядовым гражданам получать полезные сведения о состоянии окружающей природной среды, о реальном выполнении различных планов и программ, а также об эффективности использования бюджетных средств с точки зрения конечных результатов для природных ресурсов, природопользования, состояния и охраны ОПС («экологических» последствий).

Характерно также, что другие международные организации, отличные от ФАО, так же как и профильные ведомства и учреждения отдельных стран, придерживаются как расширенного принципа, так и суженного подхода к трактовке понятия «агроэкология» и построению соответствующей системы показателей.

В частности, *ОЭСР* трактует рассматриваемое понятие очень коротко и весьма узко, как то: «Агроэкология представляет собой исследование взаимосвязей между выращиванием сельскохозяйственных культур и окружающей природной средой» [Agro-Ecology 2003]. Очевидно, что социально-экономические характеристики типа гендерно-возрастных показателей занятости в сельском хозяйстве или уровня жизни населения, проживающего в сельской местности, при таком подходе отсутствуют (или могут присутствовать в весьма ограниченном или косвенном виде).

В свою очередь, *Министерство сельского хозяйства и продовольствия Франции* полагает, что «агроэкология – это комплексное использование природных ресурсов и различных инструментов (механизмов) в целях сельскохозяйственного производства. Агроэкология объединяет природоохранные/природовосстановительные (“экологические”) экономические и социальные аспекты; ее функционирование имеет целью более эффективное использование взаимодействия и взаимосвязей растений, животных, людей и окружающей природной среды». Характерно также, что, по мнению Министерства, «агроэкологические показатели либо отражают состояние ресурсов окружающей природной среды, используемых или затрагиваемых в ходе сельскохозяйственных работ, либо измеряют характеристики самой сельскохозяйственной деятельности, которые влияют на состояние указанных ресурсов» [Le Ministere... 2015]. Очевидно, что в данном случае имеет место явное корреспондирование с суженной трактовкой агроэкологии и, соответственно, суженным учетом и статистикой.

По мнению специалистов *Министерства (Департамента) сельского хозяйства США*, «агроэкологию можно определить как в широком, так и в узком

плане. Агроэкология зачастую включает положения и требования к более экологически и социально чувствительным подходам к сельскому хозяйству. Они фокусируют внимание не только на производстве в отрасли как таковом, но и на экологической устойчивости соответствующей производственной системы. Это определение предполагает ряд особенностей самого общества в целом и сельхозпроизводства в частности...» [USDA... 2007]. Иначе говоря, в Минсельхозе США, как и в ФАО, отсутствует однозначное и четко определенное мнение о сущности и внутреннем содержании агроэкологии.

В составе документов, определяющих основные положения *Национальной политики в области технической помощи и развития сельских районов, принятой в Бразилии*, отмечается, что «агроэкология понимается как научно обоснованная совокупность инструментов, используемых для поддержки перехода от текущих моделей развития сельских районов и сельского хозяйства, традиционных методов и стилей работы к устойчивому развитию сельских районов и сельского хозяйства. <...> Агроэкология отражает общетеоретические и практические (конкретные методические) подходы из нескольких научных дисциплин, требующих изучения землепользования с точки зрения экологии». С другой стороны, в Бразилии существует также точка зрения, что показатели агроэкологии «могут отражать весьма широкий круг не только экономических, социальных и экологических проблем, но также характеризовать вопросы культуры, политики и этики устойчивого развития» [FAO 2019a]. Другими словами, в этой стране в принципе не исключается вышеупомянутая двойная (суженная и расширенная) трактовка рассматриваемого понятия.

Итоги анализа, проведенного по России и отдельным странам СНГ, свидетельствуют, что термин «агроэкология» достаточно часто используется в научной сфере и в области высшего образования.

В частности, в 2016 г. в системе РАН было образовано два Федеральных научных центра по агроэкологии – ФНЦ агроэкологии, комплексных мелиораций и защитного лесоразведения РАН (ФНЦ агроэкологии РАН), а также ФНЦ кормопроизводства и агроэкологии им. В. Р. Вильямса. В качестве примера можно также указать на присутствие не только учебных курсов по агроэкологии, но и кафедр агроэкологии в высших учебных заведениях Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан и ряда других государств. Так, в 1996 г. на базе Красноармейского аграрного колледжа создан Институт агроэкологии – филиал Челябинского государственного агроинженерного университета, а факультет почвоведения, агрохимии и агроэкологии – на базе Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. Факультет агроэкологии функционирует и на базе Дагестанского государственного аграрного университета им. М. М. Джембулатова. В Великолукской государственной сельскохозяйственной академии в 2011 г. был создан факультет технологии животноводства и агроэкологии.

Имеется более десятка кафедр агроэкологии в вузах России: кафедра земледелия и агроэкологии МГУ имени М. В. Ломоносова; кафедра агроэкологии и лесомелиорации ландшафтов Волгоградского ГАУ; кафедра агроэкологии и охраны окружающей среды Орловского ГАУ им. Н. В. Парахина; кафедра химии, почвоведения и агроэкологии Уральского ГАУ; кафедра агрохимии, почвоведения и агроэкологии Воронежского ГАУ и др.

В учебнике «Агроэкология» [Черникова и др. 2000], написанном коллективом ученых и преподавателей ведущих вузов и институтов страны, еще в 2000 г. впервые была предпринята попытка систематизировать вопросы агроэкологии. В этом учебнике, рецензентом которого выступил академик РАН Г. В. Добровольский, дается следующее определение: «Агроэкология – комплексная научная дисциплина, изучающая взаимодействие человека с окружающей средой в процессе сельскохозяйственного производства, влияние сельского хозяйства на природные комплексы и их компоненты, взаимодействие между компонентами агроэкосистем и специфику круговорота в них веществ, перенос энергии, характер функционирования агроэкосистем в условиях техногенных нагрузок».

Таким образом, агроэкология в основном трактуется как часть комплекса агрономических исследований (наравне с агротехническими приемами обработки почвы, агрохимией и т. п.), которые могут использовать различные статистические инструменты, например, статистически корректную выборку исследуемых явлений и процессов, их дисперсию, выявление корреляционных связей и т. д.

В качестве общего результирующего вывода анализа понятийного аппарата целесообразно отметить следующее. Расширенный подход к определению сущности и структуры агроэкологии, на наш взгляд, представляется весьма «рыхлым», разновекторным и слабо упорядоченным. Он не позволяет сколько-нибудь четко определить и обоснованно ограничить круг главных вопросов, которые подлежат обязательному включению в состав агроэкологических статпоказателей. При подобном подходе вообще сложно говорить о какой-либо целевой системности этих показателей, а следовательно, и о возможности их сколько-нибудь упорядоченного анализа. Может иметь место лишь некий эклектичный набор достаточно разнородных индикаторов – от собственно показателей сельскохозяйственного производства и индикаторов, отражающих состояние и охрану ОПС применительно к данной отрасли, до огромного круга социально-экономических и близких им характеристик, в том числе отражающих условия проживания населения в сельской местности, гендерно-возрастной состав этого населения и уровень жизни отдельных социальных групп, занятость (в том числе женский и детский труд), охрану труда, внутреннюю и внешнюю миграцию населения, элементы культуры и традиций, потребление продуктов питания и многое иное.

С другой стороны, вряд ли целесообразно излишне сужать и примитивизировать трактовку агроэкологии, сводя ее только к теоретической дисциплине и практическим мероприятиям, дополняющим почвоведение (включая охрану почв), агрономию, агрохимию, земледелие и другие подобные традиционные научные дисциплины, а также проводимые на их основе работы в области землепользования в целом и в сельском хозяйстве в частности.

В этой связи, по нашему мнению, представляется логичным рассматривать *агроэкологию* как нечто среднее между расширенной и суженной трактовками, то есть в первую очередь как *сельскохозяйственную деятельность и использование сельских территорий, осуществляемые в самой тесной увязке с комплексными требованиями охраны окружающей природной среды (включая рационализацию природопользования) в рамках самой сельхозотрасли, с учетом некоторых смежных («пограничных») аспектов и на основе профильных статистических стандартов, рекомендаций и классификаций, разработанных соответствующи-*

ми международными органами и/или специалистами некоторых стран. К указанным смежным аспектам в первую очередь относится производство органической сельскохозяйственной продукции и биотоплива. Однако при этом должно соблюдаться базовое условие: минимальное негативное воздействие на ОПС и устранение нерациональности в природопользовании в ходе указанного производства.

При этом в принципе не исключается рассмотрение отдельных вопросов и соответствующих показателей более широкого, социально-экономического порядка, напрямую связанных с вышеназванными аспектами. Однако данное расширение обязано иметь четко обоснованный, упорядоченный и строго ограниченный характер.

Таким образом, агроэкологическая статистика должна охватывать как определенные элементы статистики сельского хозяйства, так и конкретные аспекты статистики природопользования и охраны ОПС, то есть отражать результаты агроэкологических мероприятий. Эта статистика хотя и имеет по определению комплексно-интегрированный характер, но может включать лишь отдельные сводные индикаторы, отражающие социально-экономические условия жизнедеятельности населения в сельской местности.

Интегральная таблица агроэкологических показателей

Одним из практических результатов исследования, инициированного и организованного Статкомитетом СНГ, стало формирование *Интегральной таблицы агроэкологических показателей* (с краткими организационно-методологическими пояснениями). Ее построение базировалось, во-первых, на предложенном определении агроэкологии и, во-вторых, на идеях, наработках и рекомендациях международных и национальных органов, специализирующихся в области сельского хозяйства, экономической статистики, охраны ОПС и рационального природопользования, а также биологии, почвоведения, гидрологии и иных дисциплин.

Всего в Интегральную таблицу были включены 255 показателей, скомпонованных в 18 разделов. Состав этих разделов приведен ниже.

- I. Общие вопросы.
- II. Затраты на агроэкологическую деятельность.
- III. Макростатистические относительные индикаторы.
- IV. Земельные ресурсы.
- V. Почвенные ресурсы.
- VI. Сельхозпроизводство с позиций агроэкологии.
- VII. Удобрения, пестициды и ветпрепараты.
- VIII. Генетически модифицированные организмы (ГМО).
- IX. Погодно-климатические характеристики.
- X. Антропогенное воздействие на атмосферный воздух.
- XI. Водные ресурсы, их охрана и рациональное использование.
- XII. Обращение с отходами.
- XIII. ООПТ, биогенетическое разнообразие, инвазивные виды и т. п.
- XIV. Энергопотребление.
- XV. Выращивание сельхозкультур для получения биотоплива.
- XVI. Заболеваемость работников АПК и сельских жителей.

XVII. Чрезвычайные ситуации (ЧС) и стихийные бедствия/катастрофы.

XVIII. Производство органической сельскохозяйственной продукции.

Естественно, предлагаемая структура Интегральной таблицы, так же как система предлагаемых показателей и методология их расчета, должны апробироваться на практике и на этой основе уточняться, совершенствоваться и актуализироваться. При этом в ходе дальнейшей работы целесообразно учитывать ряд специфических вопросов, связанных с отражением биоразнообразия, охраны животного и растительного мира и экосистемами в увязке с сельскохозяйственной деятельностью и/или сельскими территориями.

В частности, при возможной организации получения сведений о ландшафтной ценности и привлекательности соответствующих сельскохозяйственных/сельских территорий было бы целесообразно проведение опросов населения и/или осуществление экспертных оценок профильными специалистами по конкретным регионам или даже районам. В результате должны быть получены укрупненные характеристики в баллах или в виде упрощенных ответов типа «территория с высокой ландшафтной ценностью», «территория с низкой ландшафтной ценностью» и т. п.

Определенные проблемы могут возникнуть при выявлении, учете и статотражении карантинных участков (зон), на которых произрастают или обитают инвазивные и иные нежелательные виды флоры и фауны. В настоящее время целесообразно проводить соответствующие учетно-статистические мероприятия только внутри достаточно ограниченных районов и территорий. Для начала было бы желательно получить хотя бы самую общую информацию: а) о динамике количества видов флоры и фауны, внесенных в реестры органов, осуществляющих надзор в области сельскохозяйственной и близкой к ней деятельности; б) расширении, стабилизации или уменьшении площади соответствующих участков и о такой же динамике численности соответствующих представителей животного и/или растительного мира.

Весьма интересным, но несколько спорным аспектом агроэкологической статистики являются вопросы учета и статотражения охотпользования диких животных, включая охотничьих птиц, в том числе с позиций сохранения биоразнообразия. С одной стороны, охотничьи угодья зачастую располагаются на землях сельхозназначения или даже напрямую – на сельхозугодьях. С другой стороны, охотничьи животные могут негативно влиять на непосредственное ведение агропроизводства в форме потравы сельхозкультур, распространения болезней (например, африканской чумы свиней через диких кабанов), нападения на людей и домашний скот и т. д. Если считать охотничью деятельность на соответствующих территориях входящей в сферу агроэкологической статистики, то к показателям, представленным в разделе XIII «ООПТ, биогенетическое разнообразие, инвазивные виды и т. д.» Интегральной таблицы, целесообразно добавить ограниченное число индикаторов, в частности:

- площадь охотхозяйств на сельхозземлях/сельхозугодьях – га;
- данные ежегодных учетов численности охотничьих видов животных в охотхозяйствах на сельхозземлях/сельхозугодьях – гол., по конкретным видам охотничьих животных, включая птиц;

– количество добытых (отстрелянных, отловленных) животных в охотхозяйствах на сельхозземлях/сельхозугодьях – гол., по конкретным видам охотничьих животных, включая птиц;

– биотехнические мероприятия в охотхозяйствах на сельхозземлях/сельхозугодьях (в форме подкормки, включая целенаправленное выращивание определенных сельхозкультур и/или создание площадок с веточным кормом, корнеплодами, сеном, солонцами, а также содействия в гнездовании птиц и т. д.) – ед. нац. валюты.

Проблема статистического отражения производства органической сельскохозяйственной продукции

В 2018 г. в нашей стране был принят Федеральный закон «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», при подготовке которого был во многом использован опыт соответствующих правовых наработок, имеющих в различных странах и международных органах [ФЗ... 2018]. В соответствии с указанным Законом к *органической продукции* относятся экологически чистые сельскохозяйственная продукция, сырье и продовольствие, производство которых соответствует требованиям, установленным этим законом. Данный закон обеспечивает в целом неплохую платформу для организации учета и адекватных статнаблюдений. Тем не менее он содержит некоторые неясности, которые препятствуют однозначному включению соответствующих аспектов в состав агроэкологической статистики.

Во-первых, не вполне понятны отличия органической сельхозпродукции от продукции сельского хозяйства и пищевой промышленности, соответствующей действующим санитарным нормам и требованиям. Иначе говоря, органические продукты, полученные в сельхозпроизводстве, при их дальнейшей и неудовлетворительной с точки зрения санитарно-технологических норм промышленной переработке, не говоря уже о хранении и реализации в торговой сети, могут частично лишаться профильных качеств. В этой связи при практическом внедрении учета и статнаблюдений «органики», возможно, потребуются более четкие указания в форме дополнительной субклассификации и уточняющих пояснений.

Во-вторых, уравнивание производства органической продукции в отрасли с вопросами неистощительного природопользования (то есть с максимально рациональным и возобновимым потреблением природных ресурсов и иных естественных элементов в отрасли) представляется не всегда верным. Дело, в частности, в том, что при органическом производстве с минимальным использованием минеральных удобрений и тем более полным отказе от них неизбежно произойдет истощение почвенного слоя с необходимыми питательными веществами с последующим перманентным падением урожайности. Судя по всему, соответствующая подкормка растений так или иначе, но должна проводиться, правда, совсем в другом, точечном и отличном от типового виде и/или в иных, строго дозированных и упорядоченных формах. Это также потребует уточняющих инструктивных указаний в учетно-отчетном плане. Иначе говоря, в рамках природоохранной деятельности в сельском хозяйстве и на сельских территориях (то есть агроэкологии) при формировании агроэкологической статистики потребуются делать акценты не только на количественных и качественных органохарактеристиках получаемых

продуктов, но и на проблемах минимизации всех видов негативного воздействия на окружающую природную среду. При этом необходимо будет статистически учитывать и отражать конкретные характеристики поддержания плодородия почв, отвечающих как нормам агропроизводства, так и обязательной природно-ресурсной неистощительности рассматриваемой деятельности.

В-третьих, предстоит учитывать и по возможности избегать появления параллельных, перекрестных и достаточно противоречивых законодательных норм, а также случаев малооправданного «умножения сущностей». Примером этого, в частности, служит подготовленный Минсельхозом России в 2019 г. проект Федерального закона «Об экологически чистой сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии» [Проект ФЗ... 2019]. Этот документ так или иначе, в большей или меньшей степени, но дополнительно и весьма ощутимо запутывает проблемы учетно-статистического отражения агропроизводства.

Целесообразно также иметь в виду, что в настоящее время маркировка сельскохозяйственной продукции в качестве полученной на органической основе на практике является зачастую чисто маркетинговым ходом, рассчитанным на привлечение потребителей и повышение цен. В связи с этим организацию статучета «органической» продукции необходимо осуществлять тем более осторожно.

Показатели, связанные с корректной классификацией природоохранной деятельности

В ходе выполнения вышеописанной работы были определены и рассмотрены основные гносеологические и методологические трудности, связанные с более или менее определенным формированием круга видов, форм и направлений охраны ОПС – то есть с очерчиванием комплексной системы конкретных природоохранных (в том числе природоулучшающих, природосберегающих и/или природовосстанавливающих) мероприятий в странах – членах СНГ – при проведении сельскохозяйственных работ и в сельской местности. В их составе были выделены следующие главные проблемы.

Во-первых, официальное отнесение или неотнесение многих работ и мероприятий в сельхозпроизводстве к природоохранной деятельности во многих странах с течением времени претерпевало кардинальные изменения. В качестве примера в данном случае можно привести: мелиорацию (причем как в виде орошения, так и в форме осушения); внесение минеральных и органических удобрений; элементы севооборота, направленные на восстановление плодородия пашни; искусственное разведение новых для данной территории видов растений или животных (в том числе в форме внедрения инвазивных видов) и др. Сюда же в определенной степени можно отнести: работы по снегозадержанию на пашне, а также агротехнически упорядоченной вспашке (в том числе с применением безотвальной обработки почвы); различные способы регулирования пастбы домашнего скота в целях избежания перевыпаса, выбивания пастбищ, их закочкаривания и т. п. Другими словами, вышеперечисленные мероприятия и действия в различных странах иногда входили в состав природоохранной деятельности (точнее, природопользования с благоприятным для человека воздействием на ОПС), а затем исключались из этой сферы деятельности и/или наоборот. Все это требовало и продолжает требовать общего анализа существующих классификационных принципов

пов и аргументированных обоснований их построения, что зачастую отсутствовало как в теории, так и на практике.

Во-вторых, в принятом в 2012 г. Классификаторе природоохранной и природосберегающей деятельности (Classification of Environmental Activities, CEA-2012) [SEEA 2014], представляющем собой расширенную и улучшенную версию ранее действовавшего международного стандарта в виде Классификатора видов деятельности и затрат на охрану окружающей природной среды (2000 г.), (Classification of Environmental Protection Activities and Expenditure 2000, CEPA 2000), некоторые аспекты, к сожалению, пока не получили должного уточнения и четкой классификационной трактовки носят пока *временный* характер. Это касается как идентификации охраны природных ресурсов от загрязнения и деградации плюс рационального и бережного (экономного) потребления, перманентного восстановления полезных свойств и т. д. данных ресурсов в целом, так и идентификации соответствующих мероприятий и действий применительно к сельхозпроизводству и сельской местности в частности. Указанные классификационные неясности представляют весьма ощутимую проблему для корректного и обоснованного отражения различных видов и подвидов деятельности, конкретных мероприятий и отдельных действий при отнесении их к природоохранной сфере.

К сожалению, по имеющимся сведениям проблема уточнения приведенных классификаций и их привязки к российским реалиям в крайне слабой степени интересует как работников Минприроды России и Минсельхоза России, так и подведомственных им агентств и служб. И это притом что в соответствии с действующими законодательными нормами предприятия, организации и компании – то есть хозяйственные объекты, работающие в том числе в сельском хозяйстве и/или сельской местности, – могут получать ощутимые льготы по платежам за негативное воздействие на ОПС при осуществлении ими значительных по объему затрат (инвестиций) на природоохранные и природосберегающие мероприятия. В этой связи остается непонятным, как именно реализуется порядок получения данных льгот при отсутствии актуализированной и внятной классификации, четко определяющей круг деятельности и мероприятий, связанных с охраной окружающей природной среды и/или более рациональным природопользованием, и насколько существенен здесь чисто субъективный фактор. По данным Федерального казначейства, величина рассматриваемых платежей по всем видам экономической деятельности, поступивших в консолидированный бюджет страны, по вышеназванной причине и из-за некоторых других факторов сократилась с 20,7 млрд руб. в 2010 г. до 13,1 млрд руб. в 2018 г., или на треть.

Вопросы экосистемного учета и агроэкология

Ограниченные рамки настоящей статьи не позволяют сколько-нибудь подробно осветить некоторые проблемы, напрямую связанные с агроэкологией, а также соответствующими учетом и статистикой. Можно лишь упомянуть, что одной из них является макростатистическое отражение многих агроэкологических операций-транзектов в рамках так называемого экосистемного учета, являющегося продолжением и развитием положений Системы природно-экономического учета (СПЭУ), который, в свою очередь, представляет набор счетов, вспо-

могательных (сателлитных) к типовой системе национальных счетов (СНС) [Думнов, Рыбальский 2015].

Суть экосистемного учета, то есть соответствующего статистического отражения, состоит в характеристике экосистемных операций путем учета запасов экосистемных активов и их изменений в динамике; потоков экосистемных услуг; экосистемных выгод (бенифиций, доходов) и т. п. Без учета экосистемных составляющих расчеты в рамках не только типовой СНС, но и в СПЭУ могут приводить к весьма неоднозначным выводам. В частности, может оказаться, что такие уникальные природные образования, каковыми являются огромные территории российской тундры, горных местностей, так называемых резервных лесов и т. п., будут иметь практически нулевую стоимостную оценку, хотя они представляют весьма высокую ценность в экосистемном, а также, возможно, и в агроэкологическом плане.

Собственно говоря, данные противоречия и приводят к необходимости оценок ресурсов окружающей природной среды с экосистемных позиций. Однако для соответствующих расчетов, особенно с учетом требований агроэкологии, предстоит решить массу задач, имеющих отнюдь не только учетно-статистический характер, но и затрагивающих общие концептуальные проблемы изменения круга экономической деятельности как таковой, отражаемой в национальном счетоводстве. То есть предстоит не только определить место и роль экосистемных активов при оценке естественных богатств в виде земельных, почвенных и иных природных ресурсов, необходимо будет ответить на вопросы типа: кто, кому и в каких натурально-стоимостных величинах предоставляет экосистемные услуги в процессе опыления растений и одновременного получения «продукции» в виде перги: пчелы сельхозкультурам или сельхозкультуры (их соцветия) пчелам? Оказывает ли человек экосистемные услуги в виде изготовления и развешивания скворечников на садово-огородных участках для гнездования птиц или здесь имеет место обычная экономическая деятельность, которая отражается в типовых СНС? При этом если методика расчета добавленной стоимости при изготовлении данных скворечников относительно понятна, то абсолютно не ясно, как корректно рассчитывать добавленную стоимость, полученную в ходе уничтожения птицами насекомых-вредителей, то есть на какое именно промежуточное потребление в этом случае отличается выпуск от добавленной стоимости? Тем более не ясно, как следует оценивать получаемые при этом выгоды-бенефиции (доходы и т. п.) с учетом наличия так называемых антиэкосистемных услуг, выражающихся, например, в попутном уничтожении птицами ягод в садах.

Очевидно, что все вышеперечисленные вопросы и проблемы весьма сложны и требуют продолжения масштабных теоретических исследований как на международном уровне, так и внутри государств.

Литература

Думнов А. Д., Рыбальский Н. Г. Макроэкономические оценки на основе экосистемного учета как важнейшая международная задача // Век глобализации. 2015. № 2. С. 73–89.

ООН: Цели в области устойчивого развития. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>.

Проект ФЗ. Проект Федерального закона «Об экологически чистой сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии» от 16.08.2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=185433#09599214226473123>.

ФЗ № 280. Федеральный закон «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 280-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304017/.

Черникова В. А., Алексахин Р. М., Голубев В. А. и др. Агроэкология: учебник для вузов. М. : Колос, 2000 [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000671168/.

Agro-Ecology // OECD: Glossary of Statistical Terms. 2003 [Электронный ресурс]. URL: <https://stats.oecd.org/glossary/detail.asp?ID=81>.

FAO: Agroecology Knowledge Hub. Agroecology Definitions (In Russ.). 2019a [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/agroecology/knowledge/definition/ru/>.

FAO: Agroecology Knowledge Hub. The 10 Elements of Agroecology (In Russ.). 2019b [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/agroecology/knowledge/10-elements/ru/>.

Le Ministère de l'Agriculture et de l'Alimentation (France) – Les fondamentaux de l'agro-écologie. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://agriculture.gouv.fr/infographies-les-fondamentaux-de-lagro-ecologie>; а также <http://www.fao.org/agroecology/database/detail/ru/c/893016/>.

SEEA. System of Environmental-Economic Accounting 2012 – Central Framework. NY : United Nations, European Commission, FAO, International Monetary Fund, Organization for Economic Cooperation and Development, World Bank, 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://seea.un.org/sites/seea.un.org/files/seea_cf_final_en.pdf.

USDA Agroecology. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nal.usda.gov/afsic/sustainable-agriculture-definitions-and-terms-related-terms#term1>.

References

Dumnov A. D., Rybal'skiy N. G. Makroekonomicheskiye otsenki na osnove ekosistemnogo ucheta kak vazhneyshaya mezhdunarodnaya zadacha [Macroeconomic Assessments Based on Ecosystem Accounting as a Major International Issue] // Vek globalizatsii. 2015. No. 2. Pp. 73–89.

OON: Tseli v oblasti ustoychivogo razvitiya [UN: Goals in the Area of Sustainable Development]. 2015. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>.

Proyekt FZ. Proyekt Federal'nogo zakona “Ob ekologicheskoy chistoy sel'skokhozyaystvennoy produktsii, syr'ye i prodovol'stvii” ot 16.08.2019 [Draft Federal Law. Draft Federal Law “On Ecologically Clean Agricultural Products, Raw Materials and Food” dated 16.08.2019]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=185433#09599214226473123>.

FZ No. 280. Federal'nyy zakon “Ob organicheskoy produktsii i o vnesenii izmeneniy v otдель'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii” ot 03.08.2018 No. 280-FZ [FL No. 280. Federal Law “On Organic Products and on Amendments to Certain Legislative Acts of

the Russian Federation” dated 03.08.2018 No. 280-FL]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304017/.

Chernikova V. A., Aleksakhin R. M., Golubev V. A. et. al. Agroekologiya [Agroecology]: university textbook. Moscow : Kolos, 2000. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000671168/.

Agro-Ecology // OECD: Glossary of Statistical Terms. 2003. URL: <https://stats.oecd.org/glossary/detail.asp?ID=81>.

FAO: Agroecology Knowledge Hub. Agroecology Definitions (In Russ.). 2019a. URL: <http://www.fao.org/agroecology/knowledge/definition/ru/>.

FAO: Agroecology Knowledge Hub. The 10 Elements of Agroecology (In Russ.). 2019b. URL: <http://www.fao.org/agroecology/knowledge/10-elements/ru/>.

Le Ministère de l’Agriculture et de l’Alimentation (France) – Les fondamentaux de l’agro-écologie. 2015. URL: <https://agriculture.gouv.fr/infographie-les-fondamentaux-de-lagro-ecologie>; <http://www.fao.org/agroecology/database/detail/ru/c/893016/>.

SEEA. System of Environmental-Economic Accounting 2012 – Central Framework. NY : United Nations, European Commission, FAO, International Monetary Fund, Organization for Economic Cooperation and Development, World Bank, 2014. URL: https://seea.un.org/sites/seea.un.org/files/seea_cf_final_en.pdf.

USDA Agroecology. 2007. URL: <https://www.nal.usda.gov/afsic/sustainable-agriculture-definitions-and-terms-related-terms#term1>.

ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: НА ГРАНИ РЕАЛЬНОГО И ВИРТУАЛЬНОГО*

Мамедова Н. М.**

Позиция человека в цифровом обществе отражает парадоксальность его существования на грани реального и виртуального. В статье предпринята попытка концептуализации проблемы человека в условиях глобальной цифровизации и кризиса антропоцентризма. Осмыслены перспективы конституирования субъектности агентов социального действия и коммуникации. Неоднозначный характер воздействия цифровых технологий на человека представлен многоуровневой моделью, в которой отражены основные направления модификации человека, его статуса, деятельности, когнитивных и идентификационных процессов. Такой ракурс рассмотрения позволяет прогнозировать также и магистральные тенденции развития социальности, которая создается измененным субъектом в виртуально-дигитальных интеракциях. Сдвиги в когнитивных и дискурсивных практиках и процессах идентификации обуславливают возрастание значимости нарративных компонентов в преобразованной концепции идентичности. Показано, что характеристики сетевой идентичности позволяют прогнозировать перспективы и проблемные зоны модификации личности цифровой эпохи, что является необходимым условием обеспечения устойчивого развития человеческой цивилизации.

Ключевые слова: цифровизация, деятельность, коммуникация, когнитивные процессы, идентичность, нарративность, дискурсивные процессы.

The position of a human in a digital society reflects the paradoxical feature of his existence on the verge of real and virtual. The article attempts to conceptualize the problem of human in the context of global digitalization and the crisis of anthropocentrism. The perspectives of constituting the subjectivity of agents of social action and communication are considered. The ambiguous nature of the impact of digital technologies on a human is represented by a multilevel model, which reflects the main directions of human modification, his status, activity, cognitive and identification processes. Such a perspective of consideration also makes it possible to predict the main trends in the development of sociality, which is created by a changed subject in virtual-digital interactions. The shifts in cognitive and discursive practices and identification processes lead to an increase in the importance of narrative components in the transformed concept of identity. It is shown that the characteristics of network identity make it possible to predict the prospects and

* Исследование является продолжением проекта № 17-01-2039, выполненного при финансовой поддержке РФФИ («Социальная антропология: интеграция наук»). Руководитель – Н. М. Мамедова.

** Мамедова Наталья Михайловна – д. ф. н., профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. E-mail: natmam_5@mail.ru.

problem areas of personality modification in the digital era, which is a necessary condition for ensuring the sustainable development of human civilization.

Keywords: *digitalization, activity, communication, cognitive processes, identity, narrativeness, discursive processes.*

Цифровизация как глобальный процесс затрагивает все сферы существования общества. Это означает, что цифровые технологии приобретают онтологический статус, вытесняют традиционные коммуникативные практики и отношения, преобразуют социальное бытие и его атрибуты. Происходит разрыв пространства и времени, связь между которыми больше не опосредуется конкретным местом осуществления социального действия и коммуникации. Экспансия искусственного интеллекта угрожает самой основе человеческой цивилизации, вытесняя человека из созданного им самим мира. Гуманистическая ориентация культуры, основанная на идее антропоцентризма, меняется на IT-центристскую ориентацию. Проблематизируется реальность существования «Я» как самостоятельного феномена. Поэтому осмысление культурных и гуманитарных аспектов глобализации приобретает особую значимость [Чумаков 2011]. Стремительный рост цифровых технологий преобразует как социум, так и человека, что порождает потребность прогнозирования перспектив человека и их концептуального осмысления. Концептуализация проблемы человека цифрового информационного общества предполагает некоторые априорные допущения, так как само общество находится в стадии формирования. Априорный образ человека информационного – это идеальный конструкт, который отражает его изменяющееся положение в цифровом обществе и возможные трансформации его природы и соответственно природы общества. Идеальный априорный образ информационного человека, подобно идеальным типам М. Вебера, является средством познания как феномена человека, так и сущности изменяющегося общества. Образ – это выражение в субъективной форме объективного содержания. Он отражает как особенности самого субъекта, так и реалии социума, его пространства, времени, динамики. Как справедливо полагает Е. Масуда, информатизация изменяет природу человека, превращая его из *Homo sapiens* в *Homo intelligens*, который вызовет к жизни и новую цивилизацию. Этот переход свершится посредством горизонтальной социальной трансформации человеческого материала и общества, а не путем социальной революции [см.: Масуда 1981; Масуда 1998].

Позиция человека в цифровом обществе отражает парадоксы его существования на грани реального и виртуального. Экспоненциальный рост информации вследствие развития информационных цифровых технологий радикально меняет социальный и экзистенциальный статус человека, идентификационные процессы, которые определяются конвергенцией реальных и виртуальных коммуникативных практик. Реальные отношения вытесняются отношениями, опосредуемыми сложными технологическими системами. Сама коммуникация изменяется, она определяется технологическим объектом, который превращается в онтологический объект с особыми пространственно-временными свойствами. Воздействие информационно-коммуникативных технологий порождает **новые противоречия** и ограничения.

Во-первых, специфика информационного человека состоит в том, что он является не только субъектом виртуальной реальности, но и ее оцифрованным элементом. В результате он попадает в зависимость от сети, диктующей свои правила и нормы, происходит замещение реальных социальных отношений симулятивными практиками [Mamedova *et al.* 2018]. Человек включается информационной системой в ее пространство взаимодействий, которые преобразуют его способ жизнедеятельности также и в реальных формах социальности. С одной стороны, у него появляется практически неограниченный спектр возможностей самовыражения, самоопределения. С другой, – возникают риски утраты индивидуальности, связей с реальной социокультурной средой. Социальная сеть, предоставляя пользователю площадку для конструирования идентичности, не дает ему полной свободы в этом процессе, задает набор шаблонов. «Так, к примеру, указывая свои интересы, вы можете выбрать их из списка уже существующих, равно как и свое место учебы и работы» [Ефимов 2014: 73]. Свобода оказывается иллюзорной, проявлением несвободы и новых видов зависимости и подчинения.

Во-вторых, редукция личности человека к оцифрованной единице ограничена социокультурным наследием, воплощенном в артефактах реального социального пространства и реальных социальных практиках.

В-третьих, человек погружен в природу вследствие своей биологической сущности. Поэтому возникает противоречие между его физическим и виртуальным измерениями в процессе цифровой самопрезентации.

В-четвертых, стирается грань между публичным и частным вектором существования личности, что порождает экзистенциальную неустойчивость, неопределенность.

Способ жизнедеятельности человека радикально изменяется под влиянием киберсреды. «Человек общественный» превращается в «человека информационного». Информационный способ существования модифицирует его бытие и в реальном социальном пространстве. Осмысление перспектив конституирования субъектности агентов социального действия и коммуникации позволяет как обозначить направления трансформации человека, так и выявить тенденции развития общества. В таком ракурсе рассмотрения проявляется общая траектория развития социальности, которая создается в процессе новых коммуникативных практик измененного субъекта.

Проблема трансформации способов конституирования субъектности в пространстве социально-сетевых коммуникаций, интегрируемых в структуру информационного общества, рассматривается в литературе в рамках междисциплинарных программ (философско-культурологических, социологических, психологических [Гофман 2000; Giddens 1991; Хабермас 1992; Бурдье 1998]). Большая часть работ, которые прогнозируют будущее, остро проблематизирует в контексте технологических инноваций место, роль, идентичность и способы выживания человека в новой реальности. Эти темы в связи с развитием современных технологий обсуждались в материалах ряда круглых столов, опубликованных в журналах «Вопросы философии» и «Философские науки». Одной из самых дискуссионных оказалась проблема продолжения эволюции человека и ее сценариев в ракурсе инфо- и технологических инноваций цивилизации, особенно в связи с идеями формирования постчеловека [Лекторский и др. 2015; Petrunin 2018; Krizan 2019].

Другой аспект проблемы статуса человека в цифровом обществе, который активно обсуждается в литературе – это вызовы и угрозы, порождаемые современными технологиями [Ефимов 2013; Конева 2018]. Ю. Хабермас, описывая метаморфозы индивидуальной идентичности, пишет о «децентрированной субъективности, освобожденной от всех ограничений когнитивного процесса и утилитарной деятельности, от всяческих императивов труда и полезности...» [Хабермас 1992: 43]. Д. И. Дубровский считает, что «конвергентное развитие НБИК (нанотехнологий, биотехнологий, информационных и когнитивных технологий) создает чрезвычайно мощные, небывалые средства для преобразования человека и социума, но вместе с тем и столь же масштабные риски, и угрозы будущему человечества» [Лекторский и др. 2012]. В антропологическом измерении в условиях возрастающей неопределенности, как полагает В. В. Чеклецов, перед человеком стоит проблема сохранения идентичности [Аршинов и др. 2017].

Отправной точкой в исследовании идентификационных процессов в значительной степени служат теории И. Гофмана о «самовыражении», «управлении впечатлениями», Ф. Джеймсона – о «дрейфующих» идентичностях и «расплющенном субъекте», по которому «дрейфуют» идентичности, Э. Гидденса – о конструировании идентичности [Гофман 2000; Джеймсон 2019; Giddens 1991]. Для прояснения направлений трансформации идентификационных процессов эвристическим потенциалом обладает нарративный подход к идентичности [Dennett 1992; Schechtman 2005; Atkins 2010; Волков 2016; Dennett 2017; Брокмейер, Харре 2000]. Ученые-психологи из Университета Неймегена (Нидерланды) исследовали проблему нарративной идентичности как своеобразной линзы для оценки влияния цифровых медиа на подростков. Они рассматривают проблему в контексте взаимодействия между цифровым и офлайн-опытом [см.: Granic *et al.* 2020: 195–223]. Российские исследователи провели сравнительный анализ сетевой и реальной идентичности на материале шкалы «Аспекты идентичности» (Дж. Чик и др.) и глубинного интервью у активных пользователей социальных сетей [Войскунский и др. 2013].

Представляется, что релевантное понимание статуса и перспектив развития человека возможно на основе транспарадигмального синтеза подходов. Ядро «такого синтеза может составить социальная антропология, которая рассматривает человека как системный феномен, проявляющий себя в структуре разнообразных социальных практик, социальных коммуникаций, социальных групп, социальных процессов, социализации личности в контексте ценностных универсалий» [см.: Социальная... 2017: 9]. Синергетический метод позволяет рассматривать современное общество как сложную саморазвивающуюся систему, отличающуюся нелинейностью, вариативностью, бифуркационными процессами, осмыслить роль спонтанности в социокультурной динамике. На основании принципа автопойезиса субъективная идентичность предстает как самопорождаемая и самонаблюдаемая сущность в пространстве интерактивно-коммуникативного континуума. Герменевтика и феноменология предоставляют методологию выявления смысловых оснований социального поведения субъекта, механизмов конструирования собственного «Я», интерсубъективности.

Эвристически перспективным представляется исследование того, как многообразные формы реальной и виртуальной саморепрезентации, коммуникации и

ассоциации, актуализируемые в рамках интерактивной социально-сетевой среды, трансформируют деятельность, когнитивные и идентификационные процессы, культурно-символические коды, отражающие культурные инварианты. В конечном счете проблема состоит в определении направлений модификации природы человека, центром которых оказывается вопрос сохранения самоидентичности личности. Нелинейный характер воздействия информационно-коммуникативных систем на человека может быть представлен многоуровневой моделью, включающей социокультурные и биопсихологические измерения. Прежде всего, под влиянием новых технологий **видоизменяется характер деятельности**. Объектом деятельности становится информация. Диалоговая природа виртуальных практик, опосредуемая символическими образами, обостряет проблему интерпретации, понимания. Информационные потоки, наполняющие социальную реальность, превращают интерпретацию и трансляцию смыслов в главную форму социальной деятельности. Информационные коммуникации порождают специфические герменевтические практики, а также создают новую семиосферу. Поиск и обработка информации становятся основой новых видов деятельности. Социальная успешность определяется способностью к инновациям, переобучению, овладению новыми технологиями и соответствующими профессиями. Изменяется структура производственной деятельности, возникают новые конфигурации производственных отношений, отражающие невиданные прежде способы производства товаров и услуг, связанные с цифровыми технологиями. Коммуникации превращаются в основное средство производства. Эти изменения стремительно интегрируются в ткань общества, преобразуя саму природу как социальности, так и субъективности. Сам процесс организации сетевых сообществ превращается в разновидность социальной практики. Она задает как тезаурус (определенный код, язык общения), так и габитус (повторяющиеся модели взаимодействий в повторяющихся условиях), «систему прочных приобретенных предрасположенностей», принцип порождения и организации практики [Бурдье 2007].

Метаморфозы происходят также в когнитивной сфере. **Изменения ментальных процессов** могут быть осмыслены с точки зрения различных видов рациональности. Особенности современной коммуникативной модели, релевантной цифровому обществу, связаны с инверсией когнитивной деятельности, которая привела к расширению смыслового пространства понятия «рациональность». Рациональность предполагает два обязательных условия: рефлексивный самоконтроль и учет требований реальности. Классическая рациональность ориентирована на наличное бытие, она отражает практический разум, констатацию ситуации автономным субъектом. Специфика современной рациональности состоит в том, что рациональное мышление характеризуется как проективно-конструктивное ментальное действие, отражающее интерактивные процессы, которые опосредуются знаково-символическими системами. Реальностью с этой точки зрения является не статичное бытие, а становление, изменение, зависимое от символических интеракций. Впервые приобрела актуальность проблема выбора, различения мотивов и цели. «Тем самым, – как пишет Н. Луман, – благодаря различению расколослась не только непрерывность рациональности природы, но и непрерывность рациональности субъекта, а именно, в силу различения мотива и цели...» [Луман 2004: 190]. Мотив, по мнению Лумана, в отличие от целей характеризуется не-

прозрачностью. Это приводит к разложению рациональности на подвиды: ценностную рациональность и рациональность взаимопонимания, коммуникативную (упорядочиваемую благодаря дискурсу).

В настоящее время во многом под влиянием теории коммуникации формируется ослабленный вариант рациональности или «открытая» рациональность в отличие от «закрытой» классической рациональности [Швырев 2003; Лекторский 2012]. Немецкий философ Г. Абель ставит вопрос о приписывающем подходе к рациональности. Во-первых, приписывающий подход допускает «предположение о некотором виде неопределенности рациональности», а во-вторых, «недоопределенность рациональности». Такой подход делает возможным распознать оба эти ограничения (неопределенность, недоопределенность) как неустранимые. Приписывающий подход позволяет включить в область рациональности «всю систему коммуникации, в которой должны интерпретироваться знаки, например, высказывания, тексты и действия других людей». Принципы интерпретации «могут рассматриваться как принципы рациональности» [см.: Абель 2012: 66–70].

Диалогическая деятельность, направленная на достижение согласия, становится основой коммуникативной рациональности, которая формирует и специфический дискурс [Хабермас 2001]. Классическая коммуникация основана на прагматизированном рациональном дискурсе. Он отражает коммуникационные схемы: (Я – объект), (Я – Другой). Депрагматизация дискурса связана с ориентацией коммуникации с внешних объектов на внутреннее «Я». Новая коммуникационная схема возникает вследствие переживания, а не осмысления своего «Я», она экстерioriрует внутреннюю речь. Главной чертой символического дискурса современной культуры становится отказ от логоцентрического рационализма, от всякой нормативности. В коммуникационной схеме цифровой культуры проблема понимания и социальной перцепции выдвигается на первый план. Интеракция также опосредуется символическими образами. Межгрупповое и межличностное восприятие происходит без непосредственного взаимодействия субъектов коммуникации, которое заменяется симулятивными знаково-символическими интеракциями. В фокусе этих преобразований находится **персональная идентичность**, которая является средством адаптации к новой социальной реальности, сохранения целостности и уникальности личности. Она отражает перемены социально-психологического, экзистенциального статуса человека в цифровом обществе. Радикальные изменения в деятельности, способах обработки информации неизбежно формируют новую систему ценностей, новое мироощущение, новое самоопределение человека эпохи тотальной цифровизации. Перенос социальных практик в виртуальную реальность приучает человека решать нестандартные задачи в необычных условиях, он овладевает в процессе их решения и общения в новой коммуникативной среде множеством новых функций и социальных ролей. Поэтому проблема личной и социальной идентификации приобретает особую актуальность. Как в профессиональной публичной деятельности, так и в приватной сфере современный человек все более зависим от цифровых технологий, которые образуют параллельную реальность. Традиционные идентификационные механизмы утрачивают свою значимость. Идентичность в значительной степени определяется различными символическими системами, которые заменяют однозначную определенность традиции. «Современный человек лишен вертикальных кор-

ней, уходящих в родную почву; у нас нет привязки к какой-либо территории, наши корни расходятся в горизонтальном направлении, они повторяют маршруты распространения символов и знаний, которые мы способны воспринять. Производство символов повсюду опережает производство товаров и услуг, и из этой пестрой мозаики создается прообраз новых культурных горизонтов и общностей» [Мамедова 2012: 22]. Идентичность определяется количеством информации, которую человек способен воспринять, и принадлежностью к виртуальным сообществам в большей степени, чем к реальным, поскольку информационно-коммуникативное пространство превращается в значимую среду существования.

Происходит сдвиг в источниках влияния от институтов к сетям, от вертикальных структур к горизонтальным системам, от локального пространства к бесконечному виртуальному киберпространству. В реальном мире персональные и групповые идентичности являются продуктом социального конструирования, определяются разнообразными институциями. Виртуальное пространство образует широкую горизонтальную перспективу, которая обеспечивает возможности персонального формирования идентичностей и позиционирования себя в качестве субъекта. С. А. Кравченко отметил, что эти изменения порождают «центробежные тенденции», которые «травмируют» сознание и поведение молодых людей [Kravchenko 2019]. Создаются предпосылки для мультипликации, пролиферации как идентификационных процессов, так и форм субъектности. Возникают условия для множественной фрагментарной идентичности, которая ведет к дезинтеграции личности. Совершенно очевидно, что нынешнее поколение молодых людей растет в цифровой экосистеме, беспрецедентной по своей сложности и глобальности. Гораздо менее очевидны последствия для психического здоровья, риски и преимущества этого нового цифрового мира.

Изменения в дискурсивных практиках одновременно отражают и продуцируют трансформации социокультурной идентичности. Депрагматизированный дискурс коммуникативной рациональности соответствует символическим механизмам идентификации, релевантным современным трансформациям идентичности. Эти сдвиги в процессах идентификации, когнитивных и дискурсивных практиках приводят к возрастанию значимости нарративных компонентов в преобразованной концепции идентичности. Как отмечает исследователь аналитической философии Д. Б. Волков, в концепции личности как центра нарративной гравитации Д. Деннета [Dennett 1992] главной способностью личности являются рассказы о себе – нарративы. Он видит достоинство нарративного подхода в возможности представить личность с точки зрения характеристики, а не реидентификации, то есть ей приписываются какие-то свойства. Это позволяет заменить проблему тождества личности во времени проблемой связности прошлого и настоящего опыта личности [Волков 2016].

Коммуникативные практики сетевой реальности демонстрируют амбивалентность идентичности, конвергенцию реальной и виртуальной идентичности. Нарративный подход, в частности, проясняет, каким образом конструируется сетевая идентичность. Генезис сетевой идентичности – искусственный процесс без корней и биографии. Нарратив (приписывание себе определенных черт) вместе с медийной саморепрезентацией создает возможность управлять впечатлениями о самом себе. Свойства феномена сетевой идентичности с определенной долей веро-

ятности позволяют проследить основные векторы изменения идентификационных процессов в условиях цифровизации в целом. Это такие свойства, как нарративность, неустойчивость, возможность альтернативных идентичностей, изменчивость, множественность идентичностей, непредсказуемость их последующих трансформаций, разрыв с реальным социальным пространством.

Итак, различные формы реальной и виртуальной саморепрезентации, коммуникации и ассоциаций, которые происходят в условиях транзитивного цифрового общества, трансформируют деятельность, когнитивные и идентификационные процессы, культурно-символические коды, определяющие сущность человека как субъекта общения и деятельности. Социальные сети, интегрированные в киберпространство, обладают потенциалом автономного развития и служат формой воплощения альтернативных типов социальности и субъектности. Традиционные формы социальных связей и институционализированных практик вытесняются и замещаются экспериментальными формами идентификации и консолидации индивидов, формирующих собственную идентичность на границе реального и виртуального существования. Свойства сетевой идентичности высвечивают проблемные зоны и риски идентификационных процессов эпохи цифровизации. Прогнозирование этих рисков имеет прагматическую ценность. Эти прогнозы могут стать основой создания коррекционных гуманитарных программ, минимизирующих экзистенциальные и социальные риски радикальных социокультурных трансформаций. Выявление направлений модификации природы человека, изменения его социального и экзистенциального статуса – необходимое условие разработки проектов устойчивого развития общества.

Литература

Абель Г. Переосмысление рациональности: использование знаков и рациональность интерпретаций // Рациональность и ее границы: Материалы международной научной конференции в рамках заседания Международного института философии в Москве (15–18 сентября 2011 г.). М. : ИФРАН, 2012. С. 66–70.

Аршинов В. И., Асеева И. А., Буданов В. Г. и др. Круглый стол «Социально-гуманитарные аспекты прогнозирования и управления развитием конвергентных технологий». Институт философии РАН, май 2017 г. Конвергентные технологии и антропосфера: pro et contra // Философские науки. 2017. № 12. С. 134–141.

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.

Бурдые П. Структура, габитус, практика [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. Т. I. 1998. № 2. URL: <http://old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html>.

Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной психологии; СПб. : Алетейя, 2007.

Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121.

Волков Д. Б. Нарративный подход как решение проблемы тождества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. № 4. С. 21–32.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : Канон-пресс-Ц, 2000.

Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019.

Ефимов Е. Г. Идентичность в социальных Интернет-сетях (теоретические аспекты) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12. Ч. 2. С. 72–75.

Конева А. В. «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2018. № 1. С. 50–61.

Лекторский В. А. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 26–34.

Лекторский В. А., Пружинин Б. И., Алексеева И. Ю. и др. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 3–23.

Луман Н. Общество как социальная система. М. : Логос, 2004.

Мамедова Н. М. Пространство как контекст идентификации // Вестник МГСУ. 2012. № 5. С. 17–22.

Масуда Е. Компьютопия. М. : Идея-Пресс, 1998.

Наука. Технологии. Человек (материалы «круглого стола»). Лекторский В. А., Пружинин Б. И., Автономова Н. С., Дубровский Д. И., Катунин А. В., Пирожкова С. В., Труфанова Е. О., Черткова Е. Л., Яковлева А. Ф. // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 5–39.

Социальная антропология: интеграция наук. Сборник научных статей по итогам Международной научной конференции. М. : Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2017.

Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–51.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2001.

Чумаков А. Н. Культура и вызовы глобализации: новые подходы // Век глобализации. 2011. № 2(8). С. 174–180.

Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиции и современность. М. : Прогресс-Традиция, 2003.

Atkins K. Narrative Identity and Moral Identity. A Practical Perspective. Oxford : Routledge, 2010.

Dennett D. The Self as a Center of Narrative Gravity. Self and Consciousness: Multiple Perspectives / ed. by F. Kessel, P. Cole, D. Johnson. Hillsdale, NJ : Erlbaum Associates, 1992.

Dennett D. From Bacteria to Bach and Back. The Evolution of Minds. New York : Norton and Company, 2017.

Giddens A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge : Polity Press, 1991.

Granic I., Morita H., Scholten H. *Beyond Screen Time: Identity Development in the Digital Age // Psychological Inquiry*. 2020. Vol. 31. No. 3. Pp. 195–223 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1080/1047840X.2020.1820214>eist05.2020.

Kravchenko S. A. *Digital Risks, Metamorphoses and Centrifugal Tendencies in the Youth Environment // Sociological Research*. 2019. No. 10. Pp. 48–57.

Kriman A. I. *The Idea of the Posthuman: A Comparative Analysis of Transhumanism and Posthumanism // Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2019. No. 62(4). Pp. 132–147.

Mamedova N. M., Gavrish V. D., Skatershchikova A. V., Fomina A. S. *Sport in Social Practice Universe of Modern Civilization // Theory and Practice of Physical Culture*. 2018. No. 1. Pp. 16–18.

Masuda Y. *The Information Society as Post-Industrial Society*. 1981 [Электронный ресурс]. URL: <http://books.google.ru/books?id=ynkmlxF1G3AC&printsec=frontcover&dq=Masuda,+Yoneji.+The+Information+Society:+as+Post-Industrial+Society>.

Petrinin Yu. *Artificial Intelligence: Is It the Clue to the Future? [Электронный ресурс] : Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2018. No. 4. Pp. 96–113. URL: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-4-96-113>.

Schechtman M. *Experience, Agency, and Personal Identity // Social Philosophy and Policy*. 2005. Vol. 22(2). Pp. 1–24.

References

Abel G. *Pereosmysleniye ratsional'nosti: ispol'zovaniye znakov i ratsional'nost' interpretatsiy [Rethinking Rationality: The Using of Signs and the Rationality of Interpretations] // Ratsional'nost' i yeye granitsy: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii v ramkakh zasedaniya Mezhdunarodnogo instituta filosofii v Moskve (15–18 sentyabrya 2011 g.) [Rationality and its Boundaries: Proceedings of the International Scientific Conference at the International Institute of Philosophy in Moscow (September 15–18, 2011)]*. Moscow : IFRANS, 2012. Pp. 66–70.

Arshinov V. I., Aseyeva I. A., Budanov V. G. et al. *Kruglyy stol “Sotsial'nogumanitarnyye aspekty prognozirovaniya i upravleniya razvitiyem konvergentnykh tekhnologiy”*. Institut filosofii RAN, may 2017 g. *Konvergentnyye tekhnologii i antroposfera: pro et contra [Roundtable “Social and Humanitarian Aspects of Forecasting and Managing the Development of Convergent Technologies”*. Institute of Philosophy RAS, May 2017. *Convergent Technologies and the Anthroposphere: pro et contra] // Filosofskiye nauki*. 2017. No. 12. Pp. 134–141.

Brockmeyer J., Harré R. *Povestvovaniye: problemy i perspektivy odnoy al'ternativnoy paradigmy [Narrative: the Problems and Promises of One Alternative Paradigm] // Voprosy filosofii*. 2000. No. 3. Pp. 29–42.

Bourdieu P. *Struktura, privychka, praktika [Structure, Habitus, Practice] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 1998. Vol. I. No. 2. URL: <http://old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html>.

Bourdieu P. *Sotsial'noye prostranstvo i simvolicheskaya vlast' [Social Space and Symbolic Power] // Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva*. Moscow : Institute of Experimental Psychology; St. Petersburg : Aleteya, 2007.

Voyskunskiy A. Ye., Yevdokimenko A. S., Fedunina N. Yu. Set' i nastoyashchaya identichnost': sravnitel'noye issledovaniye [Network and Real Identity: Comparative Research] // Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2013. Vol. 10. No. 2. Pp. 98–121.

Volkov D. B. Narrativnyy podkhod kak resheniye problemy identichnosti [The Narrative Approach as a Solution to the Problem of Sameness] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedeniye. 2016. No. 4. Pp. 21–32.

Gofman I. Znakomstvo s drugimi v povsednevnoy zhizni [Introducing Oneself to Others in Everyday Life]. Moscow : Kanon-press-TS, 2000.

Jameson F. Postmodernizm, ili kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism]. Moscow : ID Gaydara, 2019.

Yefimov E. Identichnost' v sotsial'nykh setyakh Internet (teoreticheskiye aspekty) [Identity in Social Internet Networks (Theoretical Aspects)] // Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i istoriya iskusstva. Voprosy teorii i praktiki. 2013. No. 12. Part 2. Pp. 72–75.

Koneva A. V. “Tsifrovaya identichnost'”: protsessy identifikatsii i predstavleniya v setevoy kommunikatsii [“Digital Identity”: Identity and Representation Processes in Online Communication] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. No. 1. Pp. 50–61.

Lektorskiy V. A. Ratsional'nost' kak kul'turnaya tsennost' [Rationality as a Cultural Value] // Voprosy filosofii. 2012. No. 5. Pp. 26–34.

Lektorskiy V. A., Pruzhinin B. I., Alekseyeva I. Yu. et al. Konvergentsiya biologicheskikh, informatsionnykh, nano- i kognitivnykh tekhnologiy: vyzov filosofii (materialy “kruglogo stola”) [The Convergence of Biological, Informational, Nano- and Cognitive Technologies: A Philosophical Challenge (Roundtable Proceedings)] // Voprosy filosofii. 2012. No. 12. Pp. 3–23.

Lumann N. Obshchestvo kak sotsial'naya sistema [Society as a Social System]. Moscow : Logos, 2004.

Mamedova N. M. Prostranstvo kak kontekst identifikatsii [Space as a Context of Identity] // Vestnik MGSU. 2012. No. 5. Pp. 17–22.

Masuda E. Komp'yutopiya [Computopia]. Moscow : Ideya-Press, 1998.

Nauka. Tehnologii. Chelovek. (materialy “kruglogo stola”) [Science. Technology. Human. (Materials of the Roundtable)]. Lektorskiy V. A., Pruzhinin B. I., Avtonomova N. S., Dubrovskiy D. I., Katunin A. V., Pirozhkova S. V., Trufanova Ye. O., Chertkova Ye. L., Yakovleva A. F. // Voprosy filosofii. 2015. No. 9. Pp. 5–39.

Sotsial'naya antropologiya: integratsiya nauk. Sbornik nauchnykh statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Social Anthropology: Integration of Sciences. Selected Scientific Works from the International Scientific Conference]. Moscow : Plekhanov Russian University of Economy, 2017.

Habermas J. Modern – nezavershenyy proyekt [Modern as an Unfinished Project] // Voprosy filosofii. 1992. No. 4. Pp. 40–51.

Habermas J. Moral'noye soznaniye i kommunikativnoye deystviye [Moral Consciousness and Communicative Action]. St. Petersburg : Nauka, 2001.

Chumakov A. N. Kul'tura i vyzovy globalizatsii: novyye podkhody [Culture and the Challenges of Globalisation: New Approaches] // *Vek globalizatsii*. 2011. No. 2(8). Pp. 174–180.

Shvyrev V. S. Ratsional'nost' kak kul'turnaya tsennost'. Traditsii i sovremennost' [Rationality as a Cultural Value. Tradition and Modernity]. Moscow : Progress-Traditsiya, 2003.

Atkins K. Narrative Identity and Moral Identity. A Practical Perspective. Oxford : Routledge, 2010.

Dennett D. The Self as a Center of Narrative Gravity. Self and Consciousness: Multiple Perspectives / ed. by F. Kessel, P. Cole, D. Johnson. Hillsdale, NJ : Erlbaum Associates, 1992.

Dennett D. From Bacteria to Bach and Back. The Evolution of Minds. New York : Norton and Company, 2017.

Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge : Polity Press, 1991.

Granic I, Morita H., Scholten H. Beyond Screen Time: Identity Development in the Digital Age // *Psychological Inquiry*. 2020. Vol. 31. Issue 3. Pp. 195–223. URL: <https://doi.org/10.1080/1047840X.2020.1820214>eist05.2020.

Kravchenko S. A. Digital Risks, Metamorphoses and Centrifugal Tendencies in the Youth Environment // *Sociological Research*. 2019. No. 10. Pp. 48–57.

Kriman A. I. The Idea of the Posthuman: A Comparative Analysis of Transhumanism and Posthumanism // *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2019. No. 62(4). Pp. 132–147.

Mamedova N. M., Gavrish V. D., Skatershchikova, A. V., Fomina, A. S. Sport in Social Practice Universe of Modern Civilization // *Theory and Practice of Physical Culture*. 2018. No. 1. Pp. 16–18.

Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. 1981. URL: [http://books.google.ru/books?id=ynkmIxFIG3AC&printsec=frontcover&dq=Masuda,+Yon eji.+The+Information+Society:+as+Post-Industrial+Society](http://books.google.ru/books?id=ynkmIxFIG3AC&printsec=frontcover&dq=Masuda,+Yon+eji.+The+Information+Society:+as+Post-Industrial+Society).

Petrinin Yu. Artificial Intelligence: Is It the Clue to the Future? // *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2018. No. 4. Pp. 96–113. URL: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-4-96-113>.

Schechtman M. Experience, Agency, and Personal Identity // *Social Philosophy and Policy*. 2005. Vol. 22(2). Pp. 1–24.

КОНЦЕПЦИЯ ЭВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕХОДА К ЧЕЛОВЕКООРИЕНТИРОВАННОМУ ГЛОБАЛЬНОМУ УПРАВЛЕНИЮ

Бурьянов С. А., Бурьянов М. С.*

Статья посвящена исследованию перспектив преодоления глобальных вызовов и эволюционного системного перехода к глобальной человекоориентированной цифровой системе управления глобальными процессами в целях устойчивого развития через развитие глобального сотрудничества в сфере права и юридического образования. Рассмотрены современные глобальные процессы и вызовы 4.0 и определены основные направления формирования концепции человекоориентированного глобального управления в целях устойчивого развития. Авторы делают вывод о необходимости создания глобальной системы международного сотрудничества в сфере права и юридического образования. Права человека определены в качестве основы современного правовопонимания, а также формирующихся глобальных права и управления. Обосновывается необходимость правового закрепления и реализации нового поколения глобальных цифровых прав человека.

Ключевые слова: глобальные процессы, глобальные вызовы, цифровая глобализация, устойчивое развитие, глобальное управление, глобальное право, глобальное юридическое образование, права человека.

The article is devoted to the study of the prospects for overcoming global challenges and the evolutionary systemic transition to a global human-oriented digital system for managing global processes for sustainable development through the development of global cooperation in the field of law and legal education. The modern global processes and 4.0 challenges are considered. The main directions of formation of the concept of human-oriented global governance for sustainable development are identified. The authors conclude that it is necessary to create a global system of international cooperation in the field of law and legal education. Human rights are identified as the basis of modern legal thinking, as well as emerging global law and governance. The necessity of legal consolidation and implementation of a new generation of global digital human rights is substantiated.

Keywords: global processes, global challenges, digital globalization, sustainable development, global governance, global law, global legal education, human rights.

* Бурьянов Сергей Анатольевич – к. ю. н., доцент Московского городского педагогического университета. E-mail: burianov-msk@yandex.ru.

Бурьянов Максим Сергеевич – юрист, эксперт Global Shapers Community Moscow, координатор Global Law Forum, эксперт молодежной группы стран СНГ МСЭ ООН (ITU UN). E-mail: maksim.burianov@yandex.ru.

На современном этапе развитие планетарных общественных, а также связанных с ними природных, техногенных и космических взаимодействий существенно ускорилося. Но при этом обусловленная неравномерностью развития разбалансированность в развитии общественно-техноприродных взаимодействий привела не только к обострению старых угроз международной безопасности, но и к появлению новых глобальных вызовов, многие из которых связаны с новыми цифровыми технологиями [Бурьянов М. С., Бурьянов С. А. 2020]. В условиях динамичного изменения современных общественно-техноприродных (и космических) взаимодействий, с одной стороны, направленных на рост технологического прогресса и формирование единой глобальной системы, а с другой, – несущих нестабильность международных отношений и новые глобальные угрозы безопасности [Farkhutdinov 2020], представляется актуальным исследование перспектив международного сотрудничества для формирования глобального управления в целях устойчивого развития.

Устойчивое развитие считается позитивной альтернативой глобальным вызовам. Этот термин нашел отражение в трудах ученых и деятельности международных организаций (Римского клуба, Международного союза охраны природы и природных ресурсов, Международной комиссии по окружающей среде и развитию и др.). Под устойчивым развитием нами понимается «управляемый интегрированный сбалансированный и урегулированный процесс реализации жизненно важных интересов человечества (включая будущие поколения), в гармонии с природой» [Бурьянов 2019].

В начале 2021 г. генеральный секретарь Организации Объединенных Наций А. Гуттериш в ходе своего выступления на заседании Генеральной Ассамблеи ООН обозначил основные вызовы и приоритеты работы по их преодолению: победа над глобальной вирусной пандемией; восстановление экономики с акцентом на возобновляемых источниках энергии; «установление мира с природой» на основе сдерживания изменений климата, сокращения глобальных выбросов и сохранения биоразнообразия; борьба с «пандемией нищеты и неравенства» с опорой на образование и цифровые технологии; противодействие нарушениям прав человека; борьба с гендерным неравенством; «преодоление геополитических расколов и поиск точек соприкосновения», включая «глобальное прекращение огня» и необходимость существенного повышения эффективности миротворческих операций; «обращение вспять процесса эрозии режима ядерного разоружения и нераспространения» в контексте взаимоотношений ядерных держав; необходимость защиты от угроз, связанных с внедрением новых цифровых технологий, включая необходимость запрета боевых автономных систем, а также преодоление цифрового неравенства; «перезагрузки в XXI веке». Также А. Гуттериш подчеркнул необходимость эффективного глобального управления.

В указанном контексте также следует согласиться с А. Н. Чумаковым, который говорит об актуальности «глобальной цивилизационной революции, которая стала бы мощным импульсом формирования глобального гражданского общества, а в международных отношениях запустила бы процесс перехода от права силы к силе права» в качестве условия построения нового устойчивого безопасного мирового порядка. Исследователь также отмечает необходимость выработки механизмов реализации проектов глобального переустройства мира (мирного сосуществования, устойчивого развития, ноосферы и др.) [Чумаков 2018].

Э. Г. Кочетов предложил «парадигму мирового преобразования как несущую конструкцию нового мыслительного поля – гуманитарную космологию – антропокосмологическую модель бытия» [Кочетов 2017]. Данный автор констатирует необходимость фундаментального пересмотра сложившейся системы международных отношений на основе парадигмальной связки «геоэкономика – глобалистика – гуманитарная космология», отметив приоритет человека и его свободы [Кочетов 2019].

Также в качестве отправной точки данного исследования можно указать ряд статей журнала «Век глобализации», посвященных концепции глобального управления [Бурьянов 2019; Вебер 2009; Гринин 2016; Дробот 2011; Ильин, Каверин 2014; Ильин, Леонова 2015; Урсул 2014; Чумаков 2010; 2012 и др.].

В целом «среди наиболее известных подходов к формированию концепции управления глобальными процессами – мировое государство (правительство), глобальная управленческая система на основе ООН и межправительственных организаций, а также ее варианты с участием транснациональных корпораций и неправительственных организаций» [Бурьянов 2019]. При этом концепция сетевого децентрализованного управления с усилением роли негосударственных акторов с условным названием «управление без правительства» («governance without government») менее известна [Rosenau 1992; Slaughter 2004].

Обобщив многообразие подходов, «можно определить глобальное управление (Global Governance) как планетарную систему принципов (основополагающих начал), норм (правил поведения) и институтов, приемов и методов, направленных на преодоление глобальных вызовов и достижение устойчивого человекоориентированного развития цивилизации» [Бурьянов 2019].

Современные исследователи рассматривают глобализацию как совокупность в основном объективных макромасштабных процессов, направленных на формирование единой интегрированной планетарной системы [Чумаков 2011; 2018]. Около двадцати лет назад начался новый этап глобализации, сулящий небывалые возможности, вытекающие из внедрения новых технологий 4.0 (большие данные, искусственный интеллект, роботизация, Интернет вещей, трехмерная печать, нанотехнологии, биотехнологии, материаловедение, накопление и хранение энергии, квантовые вычисления) [Schwab 2018]. Уточним, что «концепция “Индустрия 4.0” предполагает эволюционный переход от простой цифровизации (третья промышленная революция) к гибридным, конвергентным технологиям (четвертая промышленная революция), характеризующимся трансформацией в цифровое производство» [Лепеш 2020].

Глобальные процессы 4.0 – качественно новый этап развития общества – совокупность процессов, направленных на формирование единой общественной системы, а также техносферы, сил природы и космоса, основанных на инновационных цифровых технологиях. Глобальные вызовы 4.0 – новые глобальные негативные последствия планетарного масштаба в сфере общественно-техноприродных (и космических) взаимодействий, связанные с внедрением инновационных цифровых технологий. По крайней мере некоторые из них чреваты прекращением существования человеческой цивилизации и требуют соответствующих совместных объединенных усилий человечества.

Новые глобальные вызовы 4.0 устойчивому развитию в последние годы проявляют себя все сильнее. Появляется все больше фактов, позволяющих утвер-

ждать, что развитие и внедрение новых технологий может привести к существенным неправовым ограничениям прав человека. В частности, весьма неоднозначные и фактически не урегулированные правом системы тотальной слежки внедряются в ряде государств.

Разработка боевых роботизированных систем уже не является фантастикой. Современные исследователи указывают на усиление роли цифровых технологий в качестве составляющих военно-политического потенциала государств, попутно отмечая возрастание соответствующих вызовов [Ромашкина и др. 2020]. О проблемах цифровой милитаризации, включая ее влияние на ядерное оружие, пишет ряд зарубежных авторов [Harris 2014; Futter 2018]. Крайне серьезные цифровые угрозы современные исследователи видят в сверхсильном искусственном интеллекте, который может быть создан в будущем [Bostrom 2014].

В докладе ООН UNDESA World Social Report 2020 отмечается, что глобальные технологии 4.0 несут не только преимущества и улучшение жизни людей, но и могут усилить социальное неравенство и обострить глобальные вызовы [UNDESA... 2020]. Различные аспекты кибербезопасности, начиная с кибератак и заканчивая фрагментацией киберпространства, способны существенно обострить геополитическую напряженность [Wild...].

Реализация весьма спорных концепций «цифрового государственного суверенитета», «цифровых национальных интересов» и «цифровой национальной безопасности» (за которыми стоят узкие интересы элит) чревата усилением и без того чрезмерного неравенства и обострением проблем глобальной безопасности.

В указанном контексте для преодоления современных глобальных вызовов необходимо постепенное эволюционное формирование новой системы управления глобальными процессами 4.0. Представляется, что опираться необходимо на концепцию «управления без правительства», предполагающую уменьшение централизации, отказ от применения силы в международных отношениях, верховенство права, приоритет прав человека и социальной справедливости, мировоззренческий нейтралитет государств, толерантность и противодействие нетерпимости [Бурьянов 2002; 2009]. В современных реалиях только такая человекоориентированная система глобального управления будет способствовать достижению устойчивого развития цивилизации и отдельных государств, включая Россию. В свою очередь, для этого необходимо опережающее формирование глобального права и интегрированного с наукой юридического образования.

Идея глобального права нашла отражение в трудах современных исследователей [Коршунов 2010; Курчеев и др. 2008; Урсул 2012; Фархутдинов 2004; Чумаков 2012; Шумилов 2003]. Тенденциям формирования глобальных юридических науки и образования также посвящен ряд современных исследований [Бурьянов 2017; Лиферов 1997; Марченко 2009; Урсул 2019; Чумаков 2019].

Развитие глобального права (как науки, нормативной системы и совокупности учебных дисциплин) необходимо в качестве первичной основы адекватного глобального управления. В качестве исходного материала следует рассматривать международное право, а также внутригосударственные правовые системы. При этом эффективное реформирование ООН и других международных организаций следует осуществлять не раньше реформирования принципов и норм международного права. В первую очередь реформы принципов и норм международного

права должны быть направлены на повышение их эффективности для осуществления возможностей и всестороннего развития каждого индивида.

Однако для того, чтобы инновационная нормативная система была создана в планетарном масштабе, необходимы новые юридические кадры. Также они необходимы для эффективного правоприменения. Именно для этого крайне важно сформировать современное глобальное юридическое образование.

Соответственно, переход к децентрализованной системе управления в планетарном масштабе должен быть эволюционным, что требует создания инновационных знаний, а затем и нормативных регуляторов, на основе которых можно будет осуществить реформу управленческих институтов. Необходимо учитывать роль городов глобального значения в качестве этапа формирования глобального управления.

Системность, непрерывность и эволюционность перехода – важные условия эффективности и реалистичности формирования системы управления глобальными процессами в целях преодоления глобальных вызовов и достижения устойчивого развития цивилизации. Плавный эволюционный переход от иерархической к полииерархической и, наконец, к неиерархической системе глобального управления требует системной работы на всех основных уровнях.

Прежде всего на системообразующем научно-образовательном уровне в качестве организационной основы для разработки научно обоснованных рекомендаций и создания системы подготовки кадров необходимо формирование Международного центра (сети) глобального права и юридического образования. На этой базе будет создана глобальная академическая дискуссионная среда (сеть), в том числе мировая сеть кафедр, научных центров, ассоциаций глобального права и юридического образования. В идеале она должна стать глобальной децентрализованной сетевой научно-образовательной структурой.

На производном от научно-образовательного нормативно-правовом уровне можно предложить следующие приоритеты деятельности. Прежде всего для кардинального реформирования принципов и норм международного права во взаимодействии с внутригосударственными правовыми системами в качестве основы глобальной нормативной системы (права) необходимо в рамках работы Международного центра (сети) глобального права и юридического образования наладить взаимодействие и предложить научно обоснованные рекомендации ООН, ее специализированным учреждениям и экспертным структурам, связанным с ООН, а также иным международным организациям. Далее на основе международного сотрудничества с использованием распределенных платформ (реестров) необходимо разработать глобальную сетевую техно-правовую систему.

Далее, на правоприменительном уровне предлагается инициировать и последовательно реализовать программы: 1) кардинального реформирования ООН и усиления взаимодействия с региональными международными межправительственными и неправительственными организациями; 2) усиления взаимодействия и интеграции ООН с государствами; 3) формирования адекватной глобальной цифровой системы управления на базе глобальной техно-правовой платформы. Эффективность реализации концепции может и должна быть повышена с опорой на институты гражданского общества, СМИ и массовые коммуникации.

Суть данной концепции заключается в постепенном плавном эволюционном переходе к неиерархической децентрализованной человекоориентированной си-

стеме управления глобальными процессами через развитие глобальных права и юридического образования, с перспективой реформирования на этой основе международных институтов.

Базовые ценности данной концепции перехода к человекоориентированному глобальному управлению (свобода, самосознание, самореализация, самоопределение, развитие, равноправие, справедливость, взаимоуважение, солидарность, гармония, здоровье, семья, образование и др.) призваны воплотиться в правах человека, которые выступают в качестве основы взаимопонимания.

Разработка и реализация концепции нового поколения глобальных цифровых прав человека призвана обновить юридические обязательства государств в контексте новой эпохи цифровой глобализации 4.0 [Бурьянов 2019; 2020; Buryanov 2020].

Особо отметим необходимость определения основных направлений реформирования правовых механизмов реализации свободы мировоззренческого выбора на основе авторской инновационной парадигмы [Бурьянов 2002; Бурьянов 2009] и принципа мировоззренческого нейтралитета государств и других субъектов международного права [Buryanov 2018].

С правами человека неразрывно взаимосвязаны правовые основы толерантности «как взаимоуважения вне зависимости от различий, а также противодействие ксенофобии, нетерпимости и дискриминации» [Бурьянов 2009; Buryanov 2018]. «С правовой точки зрения толерантность – это взаимоуважение к правам индивидов и сообществ вне зависимости от различий на основе равноправия при условии правомерности внешне выраженного поведения» [Buryanov 2018]. Ксенофобия, в том числе ее составляющие в виде негативных стереотипов и социальных установок, – это антипод толерантности. Создавая условия для неравноправия, она препятствует реализации прав человека, что чревато воспроизводством барьеров, препятствующих глобальному сотрудничеству, и конфликтами.

На практическую реализацию прав человека, свободы мировоззренческого выбора, толерантности и базовых ценностей, а также на преодоление произвола и злоупотреблений властью направлена еще одна ключевая составляющая концепции, посвященная правовому закреплению и воплощению принципа верховенства права во главе с принципом правовой определенности.

Формирование человекоориентированных глобальных цифровых нормативной системы (права) и системы глобального управления позволит принимать управленческие решения в режиме реального времени без проволочек, что крайне важно в условиях перманентных и беспрецедентных усложнения, ускорения, расширения общественно-техноприродных взаимодействий. Таким образом, достижение эффективности реализации концепции управления глобальными процессами для преодоления глобальных вызовов и перехода к устойчивому развитию опирается на упомянутые выше системность и цифровые технологии.

В частности, базовые характеристики blockchain – планетарный масштаб, публичность, открытость, прозрачность, непрерывность, быстроедействие, децентрализация, безопасность, конфиденциальность, защищенность данных, независимость, стабильность, наличие памяти, равноправие участников, консенсуальность, возможность работы в режиме реального времени, отсутствие посредников, низкая комиссия, широкий диапазон применения – способны решить про-

блемы институционализации доверия, минимизируют операционные издержки и в значительной мере соответствуют задачам формирования адекватной системы глобального управления. Также они способны решить проблемы монополизации власти и собственности, перехода к прямой демократии, самоисполнения правовых норм, реализации прав человека, равномерного распределения благ и социальной справедливости, преодоления коррупции и повышения эффективности управления.

Практическая реализация концепции может быть достигнута путем последовательного осуществления программ, начиная с научно-образовательного (прежде всего в сфере юридических науки и образования) уровня. Затем будут реализованы программы правотворческого уровня и правоприменительного (в том числе международного сотрудничества и государственного управления). Реализация программ вспомогательных уровней гражданского общества, а также СМИ и массовых коммуникаций, может осуществляться одновременно с упомянутыми выше уровнями и призвана повысить эффективность воплощения концепции.

Ключевые положения и ценности концепции (права человека, свобода мировоззренческого выбора, толерантность, мировоззренческий нейтралитет, верховенство права) направлены на предотвращение конфликтов и войн, достижение защищенности от угроз. Центральное ноу-хау концепции – реализация мировоззренческого нейтралитета государств и других субъектов международного права и новая парадигма свободы мировоззренческого выбора как «противоядие» от этноконфессиональных барьеров, конфликтов и насилия на их почве. Реализация концепции направлена на достижение безопасности не только наций, этнических и религиозных групп, но каждого человека, вне зависимости от принадлежности к каким-либо группам.

Крайне важна теоретическая разработка и практическая реализация адекватной современным реалиям не силовой (не полярной) концепции международных отношений. В условиях обострения глобальных рисков одно-, двух-, и даже многополярная модели не способны решить проблемы мира и безопасности на планете, так как допускают применение силы [Бурьянов М. С., Бурьянов С. А. 2020].

Адаптивность изначально заложена в основу концепции, которая предполагает не модель управления, а концепцию эволюционного системного перехода к глобальной человекоориентированной цифровой системе управления глобальными процессами для преодоления глобальных рисков и достижения устойчивого развития цивилизации. Такой подход предполагает непрерывный пересмотр и совершенствование ее структуры и компонентов. При этом в идеале развитие программ системообразующего научно-образовательного уровня (прежде всего юридических науки и образования) должно быть опережающим и непрерывным. С учетом перманентного увеличения скорости, сложности, масштаба общественно-техноприродных взаимодействий такой подход представляется наиболее эффективным. Скорее всего, любая жесткая модель глобального управления быстро устареет и утратит эффективность.

Ответственность, прозрачность и противоядие от злоупотреблений при формировании новой системы управления общественными процессами крайне важны. Они заключаются в ограничении и децентрализации власти, а также в реализации прав человека [Бурьянов 2020]. Переход от основанных на полюсах силы

международных отношений к их несиловой концепции направлен на ограничение злоупотреблений власти. Мировоззренческий нейтралитет государств также направлен на ограничение власти в эксплуатации религиозного авторитета-доверия высокого уровня. Он способствует десакрализации властей предрержащих путем пресечения коррупции в отношениях государства и религиозных объединений [Бурьянов 2002; 2009; Buryanov 2018].

Таким образом, перспективы развития глобального управления связаны с постепенным переходом от иерархической к полииерархической, а затем и неиерархической системе глобального человекоориентированного сетевого цифрового управления. Реализация базовых ценностей на основе цифровых, в том числе blockchain, технологий призвана обеспечить ответственность и прозрачность, а также столь необходимую в современных реалиях оперативность, безопасность, децентрализацию и т. д.

Ответственность, прозрачность и легитимность также могут быть обеспечены за счет реализации концепции постепенного плавного эволюционного перехода к человекоориентированной неиерархической несиловой децентрализованной цифровой системе управления глобальными процессами через развитие глобальной нормативной системы и юридического образования. Далее будет возможно реформирование на этой основе международных институтов, прежде всего ООН, и их взаимодействия (интеграции) с межправительственными и неправительственными международными организациями и государствами. Таким образом, легитимность формирующейся системы управления глобальными процессами может быть унаследована от ООН.

В современных условиях устойчивое развитие является условием позитивного развития глобальных процессов, выживания человечества и процветания отдельных государств. Формирование на планетарном уровне доступной для каждого интегрированной научно-образовательной системы, реализация глобальных программ доступности базовых услуг (включая образование, здравоохранение и социальное обеспечение) на базе современных цифровых технологий могло бы стать весомым вкладом в достижение социальной справедливости в целях устойчивого развития.

В целом отметим, что нерешенность глобальных вызовов становится все более реальной угрозой существованию человеческой цивилизации, а уже существующие и формирующиеся новые глобальные вызовы являются следствием дисбаланса в развитии глобальных процессов. В частности, это проявляет себя в отсутствии эффективного и доступного глобального здравоохранения, но при наличии набирающей обороты глобальной гонки вооружений. Соответственно, эффективные решения глобальных вызовов следует искать в русле установления баланса и формирования условий перехода к устойчивому управляемому росту, а не к его ограничению, как это предлагают некоторые эксперты. Для этого необходимо усиление роли ООН в формировании правовых и организационных основ современной системы глобального управления. С целью поиска и создания нового механизма глобального управления М. С. Бурьянов как эксперт молодежной группы стран СНГ МСЭ ООН (ITU UN) реализует проект Global Law Forum – Сетевое сообщество, ориентированное на достижение устойчивого развития (<http://maxlaw.tilda.ws/>).

В указанном контексте для России крайне важно осуществить реформирование системы образования с учетом современных глобальных процессов. От этого в очень значительной мере будут зависеть место страны в мировом сообществе и ее вклад в преодоление глобальных вызовов, достижение устойчивого развития. В указанном контексте представляется необходимым ввести во всех университетах учебную дисциплину «Глобалистика», а в юридических вузах, факультетах и институтах – учебную дисциплину «Правовая глобалистика».

Выводы:

1. Современные глобальные процессы направлены на формирование интегрированной планетарной общественно-техноприродной (и космической) системы и достижение состояния интеграции, взаимопроникновения, взаимозависимости и открытости.

2. Неравномерность развития формирующейся планетарной общественно-техноприродной системы в виде отставания политической, правовой и образовательной подсистем предопределяет их разбалансированность и глобальные негативные последствия (вызовы, а также проблемы, угрозы, риски, кризисы, катастрофы и др.). При этом нерешенность как минимум некоторых из них угрожает существованию цивилизации.

3. Современные глобальные процессы 4.0 несут не только небывалые возможности улучшения жизни людей, но и новые глобальные вызовы – цифровые милитаризацию, системы тотальной слежки, неравенство, угрозы кибербезопасности, а также сверхсильный искусственный интеллект.

4. Устойчивое управляемое развитие (управляемый рост) является позитивной альтернативой нерешенности глобальных вызовов и требует преодоления этноконфессиональных и иных барьеров, укрепления международного сотрудничества и интеграции на основе осуществления принципов толерантности и мировоззренческого нейтралитета.

5. Стратегическим направлением преодоления глобальных вызовов и достижения устойчивого управляемого развития является человекоориентированное децентрализованное неиерархическое несиловое цифровое глобальное управление общественно-техноприродными (и космическими) взаимодействиями.

6. Формирование и постепенный эволюционный переход к человекоориентированному глобальному управлению требует опережающего приоритетного развития человекоориентированного глобального права как науки, системы принципов и норм, совокупности учебных дисциплин (юридического образования). Глобальная интегрированная правовая научно-образовательная система призвана сформировать концептуальную, нормативную и кадровую основу для эффективного урегулирования общественно-техноприродных (и космических) взаимодействий, достижения баланса глобальных подсистем и в итоге – преодоления глобальных вызовов и перехода к устойчивому развитию.

7. Основой формирующегося глобального права является требующее реформирования международное право во взаимодействии с внутригосударственными правовыми системами, а также с иными регулятивными системами.

8. Важными принципами формирования человекоориентированных глобальных права и управления являются: приоритет прав человека, социальная справедливость, толерантность и противодействие нетерпимости, мировоззренческий

нейтралитет субъектов международного права, верховенство права, правовая определенность, системность, универсальность, адаптивность, ответственность, прозрачность и др.

9. Для формирования и постепенного эволюционного перехода к человеко-ориентированному глобальному управлению необходима системная работа на всех основных и вспомогательных уровнях: научно-образовательном, нормативном, правоприменительном, а также гражданского общества, СМИ и массовых коммуникаций.

10. Флагманским проектом по реализации концепции перехода к человеко-ориентированному глобальному управлению должно стать формирование глобальной системы сотрудничества в сфере права и юридического образования.

11. Права человека как принадлежащие каждому от рождения возможности для развития, в том числе через пользование социальными благами (включая образование, здравоохранение, социальные услуги и др.), закрепленные в системе форм международного и внутригосударственного права, – основа современного понимания права, а также формирующихся глобальных права и управления.

12. В условиях глобальных цифровизации и вызовов 4.0 одним из ключевых условий формирования и постепенного эволюционного перехода к человеко-ориентированному глобальному управлению является необходимость правового закрепления и реализации нового поколения глобальных цифровых прав человека.

Литература

Бурьянов С. А. Проблемы совершенствования нормативно-правовой базы реализации права на свободу совести в контексте глобализации // Государство и право. 2002. № 10. С. 26–31.

Бурьянов С. А. Свобода совести как глобальная ценность. На пути к политическому единству и решению глобальных проблем // Век глобализации. 2009. № 1. С. 136–151.

Бурьянов С. А. Некоторые подходы к определению понятия глобализации образования в контексте проблемы формирования системы управления глобальными процессами в интересах устойчивого развития // Ценности и смыслы. 2017. № 6(52). С. 36–49.

Бурьянов С. А. О необходимости глобального права в контексте проблемы целенаправленного формирования глобальной системы управления в целях устойчивого развития // Век глобализации. 2019. № 4. С. 129–142. DOI: 10.30884/vglob/2019.04.12.

Бурьянов М. С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации // Век глобализации. 2020. № 3. С. 21–37. DOI: 10.30884/vglob/2020.03.05.

Бурьянов М. С., Бурьянов С. А. Новые угрозы глобальной безопасности и перспективы развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 11(150). С. 35–40.

Бурьянов С. А., Кривенький А. И. О состоянии и перспективах формирования глобального образования, включая юридическое // Государство и право. 2019. № 8. С. 95–100.

Вебер А. Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1. С. 3–15.

- Гринин Л. Е. Возможности и перспективы формирования нового мирового порядка // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 3–18.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Грядущая технологическая революция и глобальные риски // Век глобализации. 2016. № 4. С. 40–58.
- Дробот Г. А. Проблема глобального управления в контексте теории международных отношений // Век глобализации. 2011. № 2. С. 41–52.
- Ильин И. В., Каверин М. А. Вопросы преобразования международных организаций в институты глобального управления // Век глобализации. 2014. № 2. С. 32–37.
- Ильин И. В., Леонова О. Г. Тенденции развития глобализационных политических процессов // Век глобализации. 2015. № 1. С. 21–35.
- Коршунов А. Н. Идея глобального права : философско-методологические аспекты : дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2010.
- Кочетов Э. Г. Парадигма Мирового Преображения как модель будущего (ее суть в максимально сжатом виде) // Век глобализации. 2017. № 3(23). С. 51–60.
- Кочетов Э. Г. Контур будущего России: стратегия «Геоэкономический ход» // Век глобализации. 2019. № 2(30). С. 136–148.
- Курчев В. С., Болотникова О. В., Герасимов Ю. Е. Теоретические основы систематизации права в условиях глобализации. Новосибирск : Новосибирский государственный аграрный университет, 2008.
- Лепеш Г. В. Совершенствование форм взаимодействия между предприятиями в контексте цифровой трансформации // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2020. № 2(52). С. 3–10.
- Лиферов А. П. Основные тенденции интеграционных процессов в мировом образовании : дис. ... докт. пед. наук. Рязань, 1997.
- Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М. : Проспект, 2009.
- Ромашкина Н. П., Марков А. С., Стефанович Д. В. Международная безопасность, стратегическая стабильность и информационные технологии. М. : ИМЭМО РАН, 2020.
- Урсул А. Д. Глобализация права и глобальное право : концептуально-методологические проблемы // Право и политика. 2012. № 8. С. 1284–1297.
- Урсул А. Д. Глобальное управление : эволюционные перспективы // Век глобализации. 2014. № 1. С. 16–28.
- Урсул А. Д. Становление образования глобального мира // Век глобализации. 2019. № 2. С. 49–60.
- Фархутдинов И. З. Международное или глобальное право // Юрист-международник. 2004. № 4. С. 15–23.
- Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 1. С. 3–15.
- Чумаков А. Н. Культура и вызовы глобализации: новые подходы // Век глобализации. 2011. № 2(8). С. 174–180.
- Чумаков А. Н. Проблема управления как повод для дискуссии // Век глобализации. 2012. № 2. С. 35–42.

Чумаков А. Н. Основные тренды мирового развития : реалии и перспективы // Век глобализации. 2018. № 4(28). С. 3–15. DOI: <https://doi.org/10.30884/vglob/2018.04.01>.

Чумаков А. Н. Глобальный мир : столкновение интересов: монография. М., 2019.

Шумилов В. М. Концепция Глобальной правовой системы // Юрист-международник. 2003. № 3. С. 46–52.

Bostrom N. Superintelligence. Paths, Dangers, Strategies. Oxford : Oxford University Press, 2014.

Buryanov M. Here's why we need a Declaration of Global Digital Human Rights. World Economic Forum. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/08/here-s-why-we-need-a-declaration-of-global-digital-human-rights/> (дата обращения: 21.05.2021).

Buryanov S. A. State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization. Amsterdam : International Humanist and Ethical Union, 2018.

Farkhutdinov I. The Mysterious and Obvious in American Diplomacy: From Monroe to Trump. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2020.

Futter A. Hacking the Bomb: Cyber Threats and Nuclear Weapons. Georgetown : Georgetown University Press, 2018.

Harris S. War : The Rise of the Military-Internet Complex. Boston : Houghton Mifflin Harcourt, 2014.

Rosenau J. N., Czempel E.-O. Governance Without Government : Order and Change in World Politics. Cambridge : Cambridge University Press, 1992.

Schwab K. Shaping the Fourth Industrial Revolution. Cologny; Geneva : Portfolio Penguin, 2018.

Slaughter A. M. A New World Order. Princeton; Oxford : Princeton University Press, 2004.

UNDESA World Social Report 2020 [Электронный ресурс] : URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/world-social-report/2020-2.html> (дата обращения: 21.05.2021).

Wild Wide Web. Consequences of Digital Fragmentation [Электронный ресурс] : URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-report-2020/wild-wide-web/> (дата обращения: 21.05.2021).

References

Buryanov S. A. Problemy sovershenstvovaniya normativno-pravovoy bazy realizatsii prava na svobodu sovesti v kontekste globalizatsii [Problems of Improvement of the Normative Legal Basis for the Right of Freedom for Conscience in the Context of Globalization] // Gosudarstvo i pravo. 2002. No. 10. Pp. 26–31.

Buryanov S. A. Svoboda sovesti kak global'naya tsennost'. Na puti k politicheskomu edinstvu i resheniyu global'nyh problem [Freedom of Conscience as a Global Value. Toward a Political Unity and a Solution of Global Issues] // Vek globalizatsii. 2009. No. 1. Pp. 136–151.

Buryanov S. A. Nekotorye podhody k opredeleniyu ponyatiya globalizatsii obrazovaniya v kontekste problemy formirovaniya sistemy upravleniya global'nymi protsessami v interesah ustoychivogo razvitiya [Some Approaches to Defining the Concept of Globalization

of Education in the Context of the Problem of Global Processes Management for Sustainable Development] // *Tsennosti i smysly*. 2017. No. 6(52). Pp. 36–49.

Buryanov S. A. O neobходимosti global'nogo prava v kontekste problemy tselenapravlenno formirovaniya global'noy sistemy upravleniya v tselyah ustoychivogo razvitiya [On the Need for Global Law in the Context of the Problem of Purposeful Global Governance for Sustainable Development] // *Vek globalizatsii*. 2019. No. 4. Pp. 129–142. DOI: 10.30884/vglob/2019.04.12.

Buryanov M. S. Global'nye tsifrovye prava cheloveka v kontekste riskov tsifrovizatsii [Global Digital Human Rights in the Context of Digitalization Risks] // *Vek globalizatsii*. 2020. No. 3. Pp. 21–37. DOI: 10.30884/vglob/2020.03.05.

Buryanov M. S., Buryanov S. A. Novye ugrozy global'noj bezopasnosti i perspektivy razvitiya mezhdunarodnogo prava [New Threats to the Global Security and the Prospects for the Development of International Law] // *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2020. No. 11 (150). Pp. 35–40.

Buryanov S. A., Kriven'kiy A. I. O sostoyanii i perspektivah formirovaniya global'nogo obrazovaniya, vklyuchaya yuridicheskoe [On the State of and Prospects for Global Education, Including Law Education] // *Gosudarstvo i pravo*. 2019. No. 8. Pp. 95–100.

Veber A. B. Sovremenniy mir i problema global'nogo upravleniya [The Modern World and the Problem of Global Governance] // *Vek globalizatsii*. 2009. No. 1. Pp. 3–15.

Grinin L. E. Vozmozhnosti i perspektivy formirovaniya novogo mirovogo poryadka [Opportunities and Prospects for a New World Order] // *Vek globalizatsii*. 2016. No. 1–2. Pp. 3–18.

Grinin L. E., Grinin A. L. Gryadushhaya tehnologicheskaya revolyutsiya i global'nye riski [The Coming Technological Revolution and Global Risks] // *Vek globalizatsii*. 2016. No. 4. Pp. 40–58.

Drobot G. A. Problema global'nogo upravleniya v kontekste teorii mezhdunarodnyh otnosheniy [The Problem of Global Governance in the Context of the Theory of International Relations] // *Vek globalizatsii*. 2011. No. 2. Pp. 41–52.

Il'in I. V., Kaverin M. A. Voprosy preobrazovaniya mezhdunarodnyh organizatsiy v instituty global'nogo upravleniya [The Issues of Transformation of International Organizations into Global Governance Institutions] // *Vek globalizatsii*. 2014. No. 2. Pp. 32–37.

Il'in I. V., Leonova O. G. Tendentsii razvitiya globalizatsionnykh politicheskikh protsessov [Trends in the Development of Globalization Political Processes] // *Vek globalizatsii*. 2015. No. 1. Pp. 21–35.

Korshunov A. N. Ideya global'nogo prava : filosofsko-metodologicheskie aspekty [The Idea of Global Law : Philosophical and Methodological Aspects] : Ph. D. dissertation. Rostov-on-Don : 2010.

Kochetov E. G. Paradigma Mirovogo Preobrazheniya kak model' budushhego (ee sut' v maksimal'no szhatom vide) [The World Transformation Paradigm as a Model of the Future (its Essence in the Most Concise Form)] // *Vek globalizatsii*. 2017. No. 3 (23). Pp. 51–60.

Kochetov E. G. Kontur budushhego Rossii: strategiya “Geoekonomicheskij hod” [The Contour of Russia's Future: “The Geo-Economic Move Strategy”] // *Vek globalizatsii*. 2019. No. 2 (30). Pp. 136–148.

Kurcheev V. S., Bolotnikova O. V., Gerasimov J. E. Teoreticheskie osnovy sistematsizatsii prava v usloviyah globalizatsii [The Theoretical Foundations of the Systematization of

Law in the Context of Globalization]. Novosibirsk : Novosibirskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2008.

Lepesh G. V. Sovershenstvovanie form vzaimodeystviya mezhdru predpriyatiyami v kontekste tsifrovoy transformatsii [Improving Forms of Interaction Between Enterprises in the Context of Digital Transformation] // *Tehniko-tehnologicheskie problemy servisa*. 2020. No. 2(52). Pp. 3–10.

Liferov A. P. Osnovnye tendentsii integratsionnyh protsessov v mirovom obrazovanii [The Main Trends of Integration Processes in the World Education] : Doctor of Science dissertation. Ryazan, 1997.

Marchenko M. N. Gosudarstvo i pravo v usloviyah globalizatsii [Government and Law in the Context of Globalisation]. Moscow : Prospekt, 2009.

Romashkina N. P., Markov A. S., Stefanovich D. V. Mezhdunarodnaja bezopasnost', strategicheskaja stabil'nost' i informacionnye tehnologii [International Security, Strategic Stability and Information Technologies]. Moscow : IMEMO RANS, 2020.

Ursul A. D. Globalizatsiya prava i global'noe pravo : konceptual'no-metodologicheskie problemy [Globalization of Law and Global Law : Conceptual and Methodological Problems] // *Pravo i politika*. 2012. No. 8. Pp. 1284–1297.

Ursul A. D. Global'noe upravlenie : evolyutsionnye perspektivy [Global Governance: Evolutionary Perspectives] // *Vek globalizatsii*. 2014. No. 1. Pp. 16–28.

Ursul A. D. Stanovlenie obrazovaniya global'nogo mira [Determination of the Global World Education] // *Vek globalizatsii*. 2019. No. 2. Pp. 49–60.

Farhutdinov I. Z. Mezhdunarodnoe ili global'noe pravo [International or Global Law] // *Yurist-mezhdunarodnik*. 2004. No. 4. Pp. 15–23.

Chumakov A. N. Global'nyj mir : problema upravleniya [Global World : A Problem of Governance] // *Vek globalizatsii*. 2010. No. 1. Pp. 3–15.

Chumakov A. N. Kul'tura i vyzovy globalizatsii : novye podhody [Culture and the Challenges of Globalization : New Approaches] // *Vek globalizatsii*. 2011. No. 2(8). Pp. 174–180.

Chumakov A. N. Problema upravleniya kak povod dlya diskussii [Governance Issues as a Discussion Point] // *Vek globalizatsii*. 2012. No. 2. Pp. 35–42.

Chumakov A. N. Osnovnye trendy mirovogo razvitiya : realii i perspektivy [Basic Trends in World Development: Realities and Prospects] // *Vek globalizatsii*. 2018. No. 4(28). Pp. 3–15. DOI: <https://doi.org/10.30884/vglob/2018.04.01>.

Chumakov A. N. Global'nyj mir : stolknovenie interesov [Global World : A Conflict of Interests]: monography. Moscow, 2019.

Shumilov V. M. Kontseptsiya Global'noy pravovoy sistemy [The Concept of the Global Law System] // *Yurist-mezhdunarodnik*. 2003. No. 3. Pp. 46–52.

Bostrom N. Superintelligence. Paths, Dangers, Strategies. Oxford : Oxford University Press, 2014.

Buryanov M. Here's Why We Need a Declaration of Global Digital Human Rights // World Economic Forum. 2020. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/08/here-s-why-we-need-a-declaration-of-global-digital-human-rights/> (accessed: 21.05.2021).

Buryanov S. A. State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization. Amsterdam : International Humanist and Ethical Union, 2018.

Farkhutdinov I. *The Mysterious and Obvious in American Diplomacy: From Monroe to Trump*. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2020.

Futter A. *Hacking the Bomb: Cyber Threats and Nuclear Weapons*. Georgetown : Georgetown University Press, 2018.

Harris S. *War : The Rise of the Military-Internet Complex*. Boston : Houghton Mifflin Harcourt, 2014.

Rosenau J. N., Czempiel E.-O. *Governance Without Government : Order and Change in World Politics*. Cambridge : Cambridge University Press, 1992.

Schwab K. *Shaping the Fourth Industrial Revolution*. Cologny / Geneva : Portfolio Penguin, 2018.

Slaughter A. M. *A New World Order*. Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2004.

UNDESA World Social Report 2020. URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/world-social-report/2020-2.html> (accessed: 21.05.2021).

Wild Wide Web. *Consequences of Digital Fragmentation*. URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-report-2020/wild-wide-web/> (accessed: 21.05.2021).

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Гобозов И. А.*

В статье подчеркивается, что развитие человечества носит естественно-исторический характер. Россия как часть человечества тоже развивалась естественным путем до петровских реформ. Но Петр I решил европеизировать Россию насильственным путем, не подумав о том, что в Европе в это время динамично развивался капитализм.

Петр I своими волюнтаристскими действиями сбил Россию со своего естественного пути развития. Реформы Петра I привели к расколу российской интеллектуальной элиты на западников, славянофилов и евразийцев. Западники отдавали предпочтение европейскому пути развития, славянофилы – собственному пути. В отличие от западников и славянофилов евразийцы утверждали, что Россия получила наследие Чингисхана, а петровские реформы ее разрушили. Споры эти продолжаются до сих пор.

Ключевые слова: Россия, пути развития России, Петр I, Екатерина II, западники, славянофилы, Н. Я. Данилевский, евразийцы, Н. С. Трубецкой.

The article emphasizes that the development of humankind is of natural-historical nature. Russia as a part of humanity also developed naturally before the reforms of Peter the Great. But Peter I decided to Europeanise Russia by force without thinking about the fact that capitalism was developing dynamically in Europe at that time.

Peter the Great led Russia astray from its natural path of development with his voluntaristic actions. His reforms split the Russian intellectual elite into Westernizers, Slavophiles and Eurasianists. Westerners gave preference to the European path of development, while the Slavophiles preferred their own path of development. Unlike both of them, the Eurasianists argued that Russia inherited the legacy of Genghis Khan, and that Peter's reforms destroyed it. These disputes are still ongoing.

Keywords: Russia, development paths of Russia, Peter I, Europeanization, Catherine II, Westernizers, Slavophiles, Nikolai Danilevsky, Eurasians, Nikolai Trubetskoy.

Прекрасная вещь – любовь к отечеству,
но есть еще нечто более прекрасное –
это любовь к истине.

П. Я. Чаадаев

* Гобозов Иван Аршакович – д. ф. н., заслуженный профессор МГУ, академик РАЕН, профессор кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Если мы мысленно представим себе движение человечества по восходящей линии, то увидим, что оно происходит крайне неравномерно. Одни народы оказываются на стадии высокоразвитой цивилизации, а другие – в первобытном обществе. Одни сходят с исторической сцены, а другие появляются на их месте. Одни оставляют последующим поколениям огромные достижения в сфере материального и духовного производства, а другие – ничего.

Почему так происходит? Потому что такова имманентная логика развития исторического процесса, представляющего собой единство объективного и субъективного. Под объективными подразумеваются факторы, существующие независимо от воли и желаний людей. Скажем, экономический фактор является объективным, так как без него просто немислима жизнь человека. Чтобы последний мог физически выжить, ему необходимо создавать средства существования: пищу, одежду, жилье и т. д. Под субъективным следует понимать то, что зависит от самих людей, от их сознательности, уровня культуры, дисциплинированности, ответственности и т. д.

Приоритет принадлежит объективному. Оно в конечном счете детерминирует субъективное. Так, например, люди несвободны в выборе своих производительных сил, составляющих основу всей их истории, поскольку они им достались от предыдущих поколений. Но они могут их максимально эффективно использовать или же, наоборот, даже потерять то, что уже имели. История человечества свидетельствует, что при одних и тех же средствах производства можно жить как хорошо, так и плохо.

Если брать человечество в целом, то по мере его продвижения по пути социального прогресса возрастает роль субъективного фактора. Можно сказать, что становление человеческого рода есть становление собственно человеческой истории. Первобытное общество – это социум, который с некоторыми оговорками ближе к природе, чем к подлинной истории людей. Почти все отношения между индивидами регулировались не социальными, а естественными связями. Даже орудия производства создавались с учетом естественных условий.

Часто можно услышать фразу о том, что у России собственный путь развития, и поэтому она не подчиняется никаким общим законам человеческого общества. Это неверное утверждение. Россия – часть социального мира, всего человечества, и никаких особых путей развития у нее нет, тем более в современную эпоху глобализации. Но, конечно, наша страна, как и всякий конкретный социальный организм, имеет свои специфические особенности, проявляющиеся в менталитете народа, его образе жизни, культуре и т. д. Диалектика предполагает учет общего, особенного и единичного. Скажем, каждый народ имеет свой архетип, который играет важную роль в его жизнедеятельности.

Вот уже 300 лет Россия ищет свое место в социальном мире. Начало поискам этого места положил Петр I. До петровских реформ страна развивалась естественным путем. Но Петр I несколько раз побывал в Европе, ему там все понравилось, и он решил полностью **европеизировать** Россию. Как пишет В. О. Ключевский, «вслед за Петром в 1698 г. в Россию наехала пестрая толпа всевозможных художников, мастеров и ремесленников, которых Петр за границей пригласил на свою службу; в одном Амстердаме он нанял до тысячи разных мастеров и ремесленников. Одной из главных обязанностей русских резидентов при иностранных

дворах также был набор иноземных мастеров на русскую службу. В 1702 г. по Германии распубликован был манифест Петра, приглашавший в Россию иноземных капиталистов, фабрикантов и ремесленников на выгодных условиях. С тех пор начался усиленный прилив в Россию заграничного фабричного и ремесленного люда; иноземцы соблазнились выгодными условиями, какие им предлагались, и точным исполнением данных обещаний со стороны русского правительства» [Ключевский 1989а: 101].

Реформы Петра I получили неоднозначную оценку в общественной жизни России. Начнем с А. С. Пушкина: «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек» [Пушкин 1978: 211]. Пушкин тут же добавляет: «Но войны, предпринятые Петром Великим, были благотворны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы» [Там же].

Вместе с тем Пушкин отмечает, что «долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха возрождения не имела на нее никакого влияния, рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благотворное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера...» [Там же: 210].

Реформы Петра I разделили русскую интеллигенцию на *западников* и *славянофилов*. Западниками были П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен, В. Г. Белинский и др., славянофилами – А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков и др. Западники ратовали за западный, европейский путь развития России. Крайнюю точку зрения занимал П. Я. Чаадаев. В «Философических письмах» он дает довольно критическую характеристику России. Он считает, что наша страна не принадлежит ни к Западу, ни к Востоку и что у нее нет единства прошлого и настоящего, нет и внутреннего развития. «Мы воспринимаем идеи только в готовом виде; поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед, но в косвенном направлении, то есть по линии, не приводящей к цели. Мы подобны тем детям, которых не заставляли самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего у них нет ничего, все их знание на поверхности, вся их душа – вне их. Таковы же и мы» [Чаадаев 1989: 21]. Мыслитель отрицает самобытность истории русского народа, вообще не находит ничего позитивного в этой истории. С этим категорически нельзя согласиться. Нет народа без истории, ведь «история есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями...» [Маркс, Энгельс 1955а: 44–45]. Совершенно ясно, что Россия существует на земле больше тысячи лет и за это время сотни поколений передавали друг другу материальные и духовные ценности, составляющие историю русского народа.

Другие западники признавали как достижения, так и недостатки допетровской России. В. Г. Белинский, например, подчеркивал: «Дух народа всегда был

велик и могущ: это доказывает и быстрая централизация Московского царства, и мамаевское побоище, и свержение татарского ига, и завоевание темного Казанского царства...» [Белинский 1992: 83]. Что касается петровских реформ, то Белинский считал их необходимыми и неизбежными.

В отличие от западников, игнорировавших отечественные ценности, славянофилы выступали не против европейских ценностей, а в защиту отечественной культуры, традиций, образа жизни и т. д. Но и те и другие горячо любили Россию, русский народ, искали пути улучшения жизни униженных и оскорбленных.

Особо следует сказать о воззрениях Н. Я. Данилевского, который, по мнению многих исследователей, теоретически обосновал славянофильство. Это тем более важно, что, к сожалению, в советскую эпоху практически игнорировали духовное наследие Данилевского, оставившего глубокий след не только в общественном, но и в естествознании.

В работе «Россия и Европа», опубликованной в 1871 г., он дал глубокий философско-исторический анализ исторического процесса и взаимоотношений России и Европы. Поводом для написания этой интересной книги послужило поражение России в русско-турецкой войне 1853–1856 гг. Союзниками Турции были Англия и Франция. Без их участия Турция не победила бы Россию в этой кровопролитной войне.

Европа не признает Россию своей, пишет Данилевский, потому что действительно в культурно-историческом смысле Россия не есть Европа, то есть она не относится к германо-романской цивилизации. «Она не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею же разрушенного древнего мира, не питалась и теми корнями, которые почерпали пищу из глубины германского духа. Не составляла она части возобновленной Римской империи Карла Великого, которая составляет как бы общий стол, через разделение которого образовалось все многоветвистое европейское дерево...» [Данилевский 1991: 59–60]. Но Россия, утверждает Данилевский, не принадлежит и к Востоку. Россия есть самобытный культурно-исторический тип цивилизации.

Н. Я. Данилевский задолго до А. Тойнби разработал теорию локальных цивилизаций, или культурно-исторических типов. Таких цивилизаций он насчитал десять: «1) Египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или арабийский, и 10) германо-романский, или европейский» [Там же: 88].

Данилевский выделил общие законы развития культурно-исторических типов: 1) народы, говорящие на одном или близких языках, составляют один культурно-исторический тип; 2) для возникновения и развития цивилизации, или культурно-исторического типа, необходима определенная независимость; 3) «...начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип выбирает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций» [Там же: 91]; 4) успехи цивилизации зависят от разнообразия элементов культурно-исторических типов; 5) формирование цивилизаций длится долго, а период их расцвета краток.

Относительно реформ Петра I Данилевский считает, что в деятельности русского царя «необходимо строго отличать две стороны: его деятельность государственную, все его военные, флотские, административные, промышленные насаждения, и его деятельность реформативную в тесном смысле этого слова, то есть изменения в быте, нравах, обычаях и понятиях, которые он старался произвести в русском народе. Первая деятельность заслуживает вечной признательной, благоговейной памяти и благоговения потомства... Но деятельностью второго рода он не только принес величайший вред будущности России (вред, который так глубоко пустил свои корни, что досель еще разъедает русское народное тело), он даже совершенно бесполезно затруднил свое собственное дело; возбудил негодование своих подданных, смутил их совесть, усложнил свою задачу... К чему было брить бороды, надевать немецкие кафтаны, загонять в ассамблеи, заставляя курить табак... искажать язык...» [Данилевский 1991: 265–266]. Здесь нельзя не согласиться с выдающимся русским мыслителем и патриотом.

Заимствования из европейской культуры Данилевский назвал европейничаньем, суть которого он сводит к следующему: 1) «Искажение народного быта и замена форм его формами чуждыми, иностранными; искажение и замена, которые, начавшись с внешности, не могли не проникнуть в самый внутренний строй понятий и жизни высших слоев общества – и не проникать все глубже и глубже. 2) Заимствование разных иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву – с мыслью, что хорошее в одном месте должно быть и везде хорошо» [Там же: 267]. 3) Взгляд на внутренние и внешние вопросы русской жизни с европейской точки зрения.

В этом тоже нельзя не согласиться с замечательным русским ученым.

Данилевский был уверен в том, что с Европой рано или поздно придется воевать и к этой войне надо готовиться.

Н. Г. Чернышевский вообще считал, что реформы Петра I особого влияния, кроме армии, не оказали на российское государство и жизнь народа. Чернышевский не совсем прав, ибо в целом петровские реформы дали определенный толчок развитию экономики, науки, духовного производства.

Таким образом, в XIX в. шли острые дискуссии о пользе и вреде петровских реформ, о месте России в европейской истории.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в русском зарубежье возникает новое философско-историческое течение, получившее название евразийства. Главными представителями этого течения были Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский и др.

В России за последнее время вышло немало работ, посвященных теоретическим воззрениям евразийцев [см.: Евразия... 1992; Глобальные... 1993; Новикова, Сиземская 1992; Люкс 1993]. Поэтому я остановлюсь только на концепции Трубецкого, являющейся квинтэссенцией всего евразийства. Но прежде всего следует подчеркнуть, что евразийцы отвернулись от Запада, подвергли критике реформы Петра I и свои взоры устремили на Восток, в сторону Монгольской империи.

Поскольку концепция Н. С. Трубецкого никогда широко не афишировалась, я буду вынужден обильно цитировать ее автора.

Трубецкой утверждает, что в развитии России можно выделить три периода: **период монгольского ига, период европеизации и советский период**. Анализируя *монгольский период*, Трубецкой пишет: «Восточнославянские племена занимали первоначально лишь незначительную часть той громадной территории, которую занимает современная Россия. Славяне заселяли первоначально только небольшую западную часть этой территории, речные бассейны, связующие Балтийское море с Черным. Вся прочая большая часть территории современной России была заселена преимущественно теми племенами, которые принято объединять под именем “туранских” или “урало-алтайских”. В истории всей названной географической области эти туранские племена играли первоначально более значительную роль, чем восточнославянские русские племена. Даже в так называемый домонгольский период туранские государства в пределах одной европейской России (царство волжско-камских болгар и царство Хазарское) были гораздо значительнее варяжско-русского. Самое объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими славянами, а туранцами-монголами. Распространение русских на Восток было связано с обрусением целого ряда туранских племен, сожителство русских с туранцами проходит красной нитью через всю русскую историю... Мы склонны были всегда выдвигать наше славянское происхождение, замалчивая наличность в нас туранского элемента, даже как будто стыдясь этого элемента. С этим предрассудком пора покончить. Как всякая предвзятость, он мешает правильному самопознанию...» [Трубецкой 1995а: 141].

К туранской группе Трубецкой относит угро-финские народы, самоедов, тюрок, монголов и маньчжуров.

Трубецкой прямо пишет: «Московское государство возникло благодаря татарскому игу. Московские цари, далеко не закончив еще “собирания русской земли”, стали собирать земли западного улуса великой монгольской монархии: Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири. Русский царь явился наследником монгольского хана. “Свержение татарского ига” свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву. Даже персонально значительный процент бояр и других служилых людей московского царя составляли представители татарской знати» [Там же: 157].

Эти идеи Трубецкой продолжает развивать в специальной работе «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока».

Он пишет: «Господствующий прежде в исторических учебниках взгляд, по которому основа русского государства была заложена в так называемой “Киевской Руси”, вряд ли может быть правильным. То государство, или та группа мелких, более или менее самостоятельных княжеств, которых объединяют под именем Киевской Руси, совершенно не совпадает с тем русским государством, которое мы в настоящее время считаем своим отечеством... Одного взгляда на историческую карту достаточно, чтобы убедиться в том, что почти вся территория современного СССР некогда составляла часть монгольской монархии, основанной великим Чингисханом. Некоторые части прежней императорской России, присоединенные в послепетровскую эпоху: Финляндия, Польша, Балтийские провинции, – в монархию Чингисхана не входили; но они и отпали от России, так как

исторической, естественной, государственной связи у них с Россией не было... Таким образом, в исторической перспективе то современное государство, которое можно называть и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом» [Трубецкой 1995б: 211, 212, 213].

Трубецкой считает Чингисхана великим завоевателем и организатором, придававшим главную роль не насилию, а моральным нормам и принципам. Он высоко ценил верность и преданность, но ненавидел измену, предательство и трусость. Думаю, что Трубецкой слишком идеализирует образ Чингисхана. Он умалчивает о том, что завоеванные им кочевники гибли тысячами, жили в нищете и платили дань властителям империи. Собственно говоря, империя жила за счет безжалостной эксплуатации своих подданных. Она просуществовала сотни лет, но никаких следов духовной культуры в истории человечества не оставила.

Второй период – период европеизации – начинается с приходом к власти Петра I. «...Петр I задал тон всей последующей русской истории. С него начинается новый период, который можно назвать периодом антинациональной монархии.

Все основы русской жизни резко изменились. Так как все идеологические основания прежней русской государственности были свергнуты и растоптаны, то государственность эту приходилось строить только на силе. Крепостное право и военная организация существовали в России и раньше, но страной по существу крепостнической и милитаристической Россия стала только после начала европеизации. Новая идеология была идеологией чистого империализма и правительственного культуртрегерства, насильственного насаждения иноземной цивилизации внутри страны в соединении с завоевательским задором против иностранных держав вовне страны. В этой идеологии, таким образом, сохранялось то же внутреннее противоречие, которое определило собой весь характер деятельности Петра I. Взгляд на Россию и на русский народ только как на материал для создания могущественной европейской державы, презрение ко всему исконно русскому как к варварству и к русским людям как к полудиким дуракам, которых надо палкой научить быть европейцами, – все это, разумеется, лучше всего могло проводиться в жизнь не русскими, а иностранцами, природными европейцами. И естественно, потому, что иностранцы стали пользоваться особой благосклонностью русских монархов, заполнили собой кадры правительственного аппарата и командного состава армии и что официальная история этого периода из всех монархов после Петра I наиболее превознесла чистокровную немку Екатерину II» [Там же: 244].

В конце концов, продолжает Трубецкой, европеизация привела к тому, что «революция и свержение императорской власти становились неизбежны. Всею своей деятельностью правительство само подготовило революцию, собственными руками рыло себе могилу» [Там же: 252]. Наступает *третий период развития России – советский период.* Его Трубецкой делит на два этапа. На первом этапе советская власть продолжает политику европеизации Советской России. Причину этой европеизации он видит в проповеди коммунизма, порожденного европейской цивилизацией. Тем не менее на втором этапе советского периода, продолжает Трубецкой, происходит постепенный отказ от европеизации, все больше и больше внимания уделяется национальным культурам. Легко догадаться, что речь идет о проводимой советской властью культурной политике, когда все народы

Советского Союза получили возможность развивать свою культуру, приумножать свои духовные ценности и приобщились к культурным ценностям народов всего мира.

Под естественным историческим путем развития России Трубецкой, видимо, подразумевает необходимость того, что почти 240 лет Россия находилась в составе Монгольской империи и это не могло не сказаться на ее экономическом, политическом и культурном развитии. Это действительно так. Возьмем, например, *менталитет* народов России и СССР. Этим народам присущи такие ментальные признаки, как, например: царистский менталитет: царь всегда хорош, никогда не ошибается, заботится о народе, но во всем виноваты окружающие его люди; страх перед чиновниками; беспечность; крайне низкий уровень политической культуры; отсутствие гражданских позиций; религиозность; слепая вера в социализм и коммунизм, а теперь в капитализм; безразличие к судьбе государства и к собственной судьбе и т. д. и т. п.

Петр I решил европеизировать Россию, но не учел, какой путь Европа прошла к этому времени. Путь этот длинный, богатый разными событиями, войнами, восстаниями рабов и крестьян, великими географическими и научными открытиями, появлением христианства, Возрождения, Реформации и т. д. Во всех сферах общественной жизни происходили глубокие преобразования. В целом человечество шло от одной стадии развития к другой, более прогрессивной.

В Европе с XVI в. начинает формироваться качественно новая стадия или формация развития общества. Речь идет о капиталистическом или *буржуазном способе производства*, коренным образом отличающемся от рабовладельческого и феодального строя, хотя и там и тут экономическим фундаментом выступает частная собственность на средства производства. Дело в том, что как при рабстве, так и при феодализме эксплуатирующий класс (рабовладельцы или помещики) интересовались не развитием производительных сил, а получением прибавочного продукта в натуральном виде, потому что рынок не носил универсального характера. Герой Пушкина Онегин, например, читал Адама Смита и хорошо понимал, почему государству не нужно золота, когда у него есть простой, то есть натуральный, продукт. Помещику надо было доставить определенное количество продуктов, а развитие производительных сил его совершенно не интересовало.

Появились новые классы: наемный рабочий и капиталист-предприниматель, или буржуй. В отличие от помещика капиталист заинтересован не в прибавочном продукте, а в **прибавочной стоимости**, тайны которой, как писал Ф. Энгельс, открыл К. Маркс. Капиталист вкладывает деньги в производство тех или иных товаров и заинтересован в увеличении прибавочной стоимости. Одним словом, в увеличении количества вложенных им денег. Поэтому он должен мыслить **рационально**, разумно представлять весь процесс производства в движении от начала до конца. В противном случае он может обанкротиться и потерять все.

Бурный рост капитализма в Европе в XVII–XVIII вв. вызывает качественные революционно-эволюционные изменения в общественных отношениях, в политике, науке, в менталитете людей, в философии. Нельзя не вспомнить классический тезис «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса: «Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль. Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические

ские отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его “естественным повелителям”, и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного “чистогана”. В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод *одну* бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, чертовой» [Маркс, Энгельс 1955б: 426].

В классическом капитализме в центре внимания философии оказываются проблемы человека, рационализма, свободы, атеизма, просвещения и др.

XVIII век – век Разума и Просвещения. Во Франции в это время жили и работали выдающиеся философы-материалисты Д. Дидро, П. А. Гольбах, К. Гельвеций и другие. В Англии – Дж. Толанд, Э. Коллинз, Д. Гартли и др. Они считали, что задачей философии в первую очередь являются поиск истины и место человека в мироздании. Они как идеологи и просветители восходящей буржуазии полагали, что необходимо освободить человека от религиозного мракобесия, так как он сам является кузнецом своего счастья. Гольбах считал, что «религия всегда была системой поведения, созданной невежественным воображением, чтобы снизить благоволение неизвестных сил, которым, как полагали, подчинена природа» [Гольбах 1963: 367]. Человеку нужны не религиозные предрассудки, сковывающие его инициативу, а свобода, которую Гольбах определял так: «Свобода – это возможность делать ради своего собственного счастья все то, что не вредит счастью других членов общества» [Там же: 173]. Капиталист или предприниматель должен работать в рамках существующих, общепринятых юридических законов и принципов, и он должен быть освобожден от излишней опеки государственных органов власти.

Великая французская буржуазная революция XVIII в. провозгласила лозунг «Liberté, égalité, fraternité» («Свобода, равенство, братство»). Этот лозунг до сих пор висит на фасадах французских официальных органов власти.

В Конституции Франции, принятой 24 июня 1793 г., прописаны такие пункты. Пункт 3: «Все люди равны по природе и перед законом». Пункт 6: «Свобода есть присущая человеку возможность делать все, что не причиняет ущерба правам другого; ее основу составляет природа, а ее правило – справедливость; обеспечение свободы есть закон» [Документы... 1990: 216].

Образованная в XVIII в. Французская Республика все эти законы неукоснительно соблюдает. Возьмем только закон о равенстве всех независимо от социального статуса и занимаемой должности перед законом. Во Франции президент, например, является лишь чиновником, занимающим высшую государственную должность на определенный срок. Занимая эту должность, он не привлекается к уголовной ответственности, но после окончания своих служебных обязанностей, как показывает современная практика, может быть привлечен к уголовной ответственности.

Великая французская революция отделила церковь от государства, а школу от церкви. Республика была превращена в светское государство, и с тех пор вла-

сти строго следят за тем, чтобы ни в государственных школах, ни в государственных университетах не проповедовали религиозные бредни. Религия и бизнес в строгом смысле слова несовместимы, потому что религия *иррациональна*, а бизнес *рационален*.

Вернемся снова к России. Начнем прежде всего с истории формирования России и обратимся к работам В. О. Ключевского. Великий русский историк пишет, что основным фактом формирования нашей страны является *колонизация*. «Наша история открывается тем явлением, что восточная ветвь славянства, потом разросшаяся в русский народ, вступает на русскую равнину из одного ее угла, с юго-запада, со склонов Карпат. В продолжение многих веков этого славянского населения было далеко недостаточно, чтобы сплошь с некоторой равномерностью занять всю равнину. Притом по условиям своей исторической жизни и географической обстановки оно распространялось по равнине не постепенно путем нарождения, не *расселяясь*, а *переселяясь*, переносилось птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и садясь на новые. При каждом таком передвижении оно становилось под действие новых условий, вытекавших как из физических особенностей новозанятого края, так и из новых внешних отношений, какие завязывались на новых местах. Эти местные особенности и отношения при каждом новом размещении народа сообщали народной жизни особое направление, особый склад и характер. История России есть история страны, которая колонизируется» [Ключевский 1987: 49–50].

Колонизованные Россией территории раньше принадлежали Монгольской империи. Колонизацию этих территорий Монголия начала с Востока на Запад, а Россия – с Запада на Восток. На этих территориях жили разные этносы со своей культурой, менталитетом, образом жизни и т. д. Когда они оказались в подчинении Монгольской империи, то были вынуждены подчиняться монгольским порядкам, а после распада Монгольской империи – Российской империи.

Как волюнтарист Петр I решил насильственным путем европеизировать Россию и тем самым нарушил естественную логику развития страны. Каждый народ имеет свой архетип, свою культуру, которая уникальна и неповторима, свой образ жизни, порожденный не только социальными, но и природными условиями. Каждый народ имеет свои традиции и привычки, сформировавшиеся на протяжении веков, а то и тысячелетий. Нет ни природных, ни социальных возможностей полной трансформации одного народа в другой, особенно многочисленного народа. Петр I не считался с объективными обстоятельствами, с желаниями народа, с его непониманием реформ. Реформы Петра I привели к тому, что двести лет Россией правили **немцы и в конце концов они ее развалили**. Вообще Россия была заполнена европейцами, большинство из которых явилось сюда, чтобы сделать карьеру и разбогатеть. Реформы Петра I породили низкопоклонство, комплекс неполноценности перед европейцами. Этот комплекс до сих пор проявляется в российском обществе. СМИ, например, особенно телевидение и радио, восхваляют тех или иных западных артистов, но при этом забывают о том, что в Советском Союзе были не менее талантливые советские артисты, чем на Западе.

Реформы Петра I несколько не улучшили положение трудящегося населения, прежде всего крестьян, которые сильно страдали от крепостного права. Петр I оставил сильную армию, но нищую страну и голодный народ.

Двести лет правления немцев не принесли особых успехов нашей стране, хотя в современной России эпоху царизма рисуют как эпоху процветания и благополучия российских народов, великие русские писатели были совсем другого мнения о жизни нищих крестьян и других бедных людей. Особенно прославляют время правления Екатерины II. Ей посвящают многосерийные фильмы, с восторгом пишут об ее интеллектуальных способностях^{**}. Немка Екатерина мечтала о русской короне, а не о процветании России. В. О. Ключевский пишет, что в Екатерине «рано проснулся фамильный инстинкт: по ее признанию, уже с 7 лет у нее в голове начала бродить мысль о короне, разумеется чужой, а когда принц Петр голштинский стал наследником русского престола, она “во глубине души предназначала себя ему”, потому что считала эту партию самой значительной из всех; позднее она откровенно признается в своих записках, что по приезде в Россию русская корона ей больше нравилась, чем особа ее жениха» [Ключевский 1989б: 9].

В столице России юная немецкая красавица быстро освоилась. Императрица Елизавета Петровна выдала ее замуж за своего племянника Петра III, ставшего после смерти Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г. императором России. Он вырос не в России, а в Голштинии, где, как пишет Ключевский, «его так плохо учили, что в Россию он приехал 14-летним круглым неучем и даже императрицу Елизавету поразил своим невежеством» [Ключевский 1989б: 317]. К тому же у него не сложилась семейная жизнь с Екатериной, окруженной молодыми и красивыми гвардейцами, возненавидевшими Петра III. Среди гвардейцев особенно выделялись братья Орловы, Григорий и Алексей. Любвеобильные братья Орловы и их сторонники 28 июня 1762 г. совершили государственный переворот, Петр III был свергнут, и «великая блудница Екатерина II» [Энгельс 1962: 23] заняла царский трон. Она правила Россией 34 года. Это довольно большой срок даже для истории.

Екатерина вошла в историю России как Великая императрица. Но это преувеличение, на самом деле особых заслуг у нее нет. Вот что Пушкин писал об ее «заслугах» перед Россией: «...со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия – и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России» [Пушкин 2008: 93].

В XX в. Россия пережила три революции и две мировые войны. После февральской революции 1917 г. страна начала распадаться не только по этническому, но и по территориальному признаку. Великая Октябрьская социалистическая революция спасла Россию от полного развала. В 1922 г. вместо Российской империи было образовано качественно новое государство – Союз Советских Социалисти-

^{**} А вот что пишет об интеллектуальных способностях Екатерины II Ключевский: «Недавно наша Академия наук издала ее сочинения в 12 объемистых томах... Ее сочинения не обнаруживают самобытного таланта. Но она была очень переимчива и так легко усвояла чужую идею, что присвояла ее себе; у нее то и дело слышны отзвуки и перепевы то мадам Севинье, то Вольтера, Монтескье, Мольера и т. п.» [Ключевский 1989б: 29].

ческих Республик. Большевикам досталась крайне отсталая страна. Выступая с речью на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г., И. В. Сталин заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [Сталин 1951: 39]. Сталин понимал, что СССР находится в окружении буржуазных стран, что в Германии фашисты все больше и больше укрепляют свои позиции и, вполне вероятно, скоро придут к власти во главе со своим фюрером А. Гитлером, мечтавшим прибрать к рукам российские земли. Он понимал и то, что и другие буржуазные государства могут оказать помощь Гитлеру.

Но не все поддерживали политику ускоренной индустриализации, коллективизации и культурной революции. Л. Троцкий, Г. Зиновьев и Л. Каменев считали, что нельзя построить социализм в отдельно взятой стране. Троцкий ратовал за перманентную революцию. Он утверждал: «Социалистическая революция начинается на национальной арене, развивается на интернациональной и завершается на мировой. Таким образом, социалистическая революция становится перманентной в новом, более широком смысле слова: она не получает своего завершения до окончательного торжества нового общества на всей нашей планете» [Троцкий 1990: 286–287]. Н. Бухарин проповедовал идею мирного вставания кулака в социализм. В стране сформировалась мощная оппозиция против Сталина и его группы. Отсюда и репрессии, которые затронули и невинных людей, оказавшихся жертвами исторических обстоятельств. На мой взгляд, если бы не Троцкий, то не было бы и оппозиции. В острой схватке с оппозицией победила группа Сталина, которая провела индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию. Советский Союз превратился в развитое государство с мощной экономикой и сильной армией.

Народы Советского Союза под руководством Сталина выиграли самую страшную войну в истории человечества. Более того, в считанные годы были восстановлены тысячи городов и сел, происходило ежегодное снижение цен. Советский Союз был превращен в супердержаву. В мире возникло два полюса. Во главе одного полюса стоял СССР, другого – США. В острых международных ситуациях они всегда находили общий язык и тем самым спасали весь мир от новой мировой войны.

После смерти Сталина в марте 1953 г. новое руководство во главе с Н. Хрущевым начало ревизовать всю внутреннюю и внешнюю политику Сталина. Особенно усердствовал Хрущев, выступивший на XX съезде КПСС в 1956 г. с оголтелой критикой Сталина, имевшего тогда самый большой авторитет в мировой политике. Хрущев, как Петр I, был *волюнтаристом*, постоянно реорганизовывал экономику и в конце концов довел ее до такого состояния, что уже в 1962 г. были повышены цены на продовольственные товары. Вообще Хрущев нанес огромный вред не только Советскому Союзу, но и всему международному коммунистическому и рабочему движению.

В 1991 г. в стране произошел контрреволюционный переворот. К власти пришли ярые антикоммунисты и антисоветчики, занимавшие до этого высокие должности в партийных и советских органах. В декабре 1991 г. был расчленен великий Советский Союз. Созданный после войны двухполюсный социальный

мир был уничтожен, и в настоящее время остался один полюс во главе с США, что привело ко многим локальным войнам, к уничтожению национальных экономик и национальных культур.

Нынешняя Россия потеряла часть своих территорий, которые раньше входили в состав Монгольской империи, затем Российской империи и Советского Союза. Руководители новой России избрали тоже волюнтаристски капиталистический способ производства. Все было приватизировано, распродано, появились десятки олигархов, экономика топчется на месте, жизненный уровень все больше и больше ухудшается. Усугубляет нынешнюю ситуацию не только в России, но и во всем мире коронавирус (COVID-19). В истории человечества было много вирусов, но они не носили, в отличие от коронавируса, глобального характера. На мой взгляд, COVID-19 – это смесь искусственного вируса с естественным. Иначе говоря, он бы не появился без вмешательства людей. В мире есть силы, которые заинтересованы в уменьшении населения земного шара.

Разрушение двухполюсного мира, цифровизация всех сфер общественной жизни и COVID-19 лишили исследователей возможности прогнозировать будущее человечества. Еще 40 лет назад было немало футурологических концепций, предлагавших те или иные пути развития исторического процесса. Сегодня в условиях нестабильности и быстрых природных и социальных изменений научно очень трудно сказать что-либо относительно будущего всего социального мира, составной частью которого является и Россия.

Литература

Белинский В. Г. Россия до Петра Великого // Русская идея / сост. М. А. Маслин. М. : Республика, 1992.

Глобальные проблемы и перспективы цивилизации (Феномен евразийства): сб. статей / отв. ред. Ф. И. Гиренок. М., 1993.

Гольбах П. А. Избр. произв.: в 2 т. Т. 1. М. : Социально-экономическая лит-ра, 1963.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991.

Документы истории Великой Французской революции: в 2 т. Т. 1. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990.

Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов / отв. ред. Л. В. Пономарева. М., 1992.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. I. Ч. I. М. : Мысль, 1987.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. IV. Ч. IV. М. : Мысль, 1989а.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. V. Ч. V. М. : Мысль, 1989б.

Люкс Л. Евразийство // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 105–114.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 30 т. 2-е изд. Т. 3. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955а.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 30 т. 2-е изд. Т. 4. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955б.

Новикова Л., Сиземская И. Политическая программа евразийцев – реальность или утопия? // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 104–109.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. Критика и публицистика. Л. : Наука, 1978.

Пушкин А. С. Дневники. Автобиографическая проза. СПб. : Азбука-классика, 2008.

Сталин И. Соч.: в 13 т. Т. 13. Июль 1930 – январь 1934. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951.

Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М. : Политиздат, 1990.

Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре / Н. С. Трубецкой // История. Культура. Язык. М. : Прогресс, 1995.

Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н. С. Трубецкой // История. Культура. Язык. М. : Прогресс, 1995а.

Чаадаев П. Я. Соч. М. : Правда, 1989б.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 22. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1962.

References

Belinsky V. G. Rossiya do Petra Velikogo [Russia Before Peter the Great] // Russkaya ideya. Comp. M. A. Maslin. Moscow : Respublika, 1992.

Global'nyye problemy i perspektivy tsivilizatsii (Fenomen yevraziystva) [Global Problems and Prospects of Civilization (The Phenomenon of Eurasianism)]: collection of articles / ed. by F. I. Girenok. Moscow, 1993.

Holbach P. A. Selected Works: in 2 vols. Vol. 1. Moscow : Sotsial'no-ekonomicheskaya literatura, 1963.

Danilevsky N. Ja. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow : Kniga, 1991.

Dokumenty istorii Velikoj frantsuzskoj revolyutsii [Historical Documents of the Great French Revolution]: in 2 vols. Vol. 1. Moscow : MSU Press, 1990.

Yevraziya: Istoricheskiye vzglyady russkikh emigrantov [Eurasia: Historical Views of Russian Emigrants] / ed. by L. V. Ponomaryova. Moscow, 1992.

Kljuchevskij V. O. Kurs ruskoj istorii [A Course of Russian History]. Vol. I. Part I. Moscow : Mysl', 1987.

Kljuchevskij V. O. Kurs ruskoj istorii [A Course of Russian History]. Vol. IV. Part IV. Moscow : Mysl', 1989а.

Kljuchevskij V. O. Kurs ruskoj istorii [A Course of Russian History]. Vol. V. Part V. Moscow : Mysl', 1989b.

Lyux L. Yevraziystvo [Eurasianism] // Voprosy filosofii. 1993. No. 6. Pp. 105–114.

Marx K., Engels F. Nemetskaya ideologiya [German Ideology]. Essays / K. Marx, F. Engels // Works: in 50 vols. 2nd ed. Vol. 3. Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955а.

Marx K., Engels F. Manifest Kommunisticheskoy partii [The Communist Manifesto]. Essays. K. Marx, F. Engels // Works: in 50 vols. 2nd ed. Vol. 4. Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955b.

Novikova L., Sizemskaya I. Politicheskaya programma yevraziytsev - real'nost' ili utopiya? [Eurasians' Political Program – Reality or Utopia?] // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 1992. No. 1. Pp. 104–109.

Pushkin A. S. Poln. sobr. Soch.: v 10 t. [Complete Works in 10 Vol.]. Vol. 7. Kritika i publitsistika [Criticism and Journalism]. Leningrad : Nauka, 1978.

Pushkin A. S. Dnevniki. Avtobiograficheskaja proza [Diaries. Autobiographical Prose]. St. Petersburg : Azbuka-klassika, 2008.

Stalin I. Soch.: v 13 t. T. 13. ijul' 1930 – janvar' 1934 [Essays. Vol. 13. July 1930 – January 1934]. Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1951.

Trotsky L. D. K istorii russoj revolyutsii [Toward the History of the Russian Revolution]. Moscow : Politizdat, 1990.

Trubetskoy N. S. O turanskom elemente v russoj kul'ture [On the Turanian Element in Russian Culture] / N. S. Trubetskoy // Istorija. Kul'tura. Jazyk [History. Culture. Language]. Moscow : Progress, 1995a.

Trubetskoy N. S. Nasledie Chingishana. Vzglyad na russoy istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka [Genghis Khan's Heritage. A View on Russian History not From the West, but From the East] / N. S. Trubetskoy // Istorija. Kul'tura. Jazyk [History. Culture. Language]. Moscow : Progress, 1995b.

Chaadaev P. Ya. Sochineniya [Writings]. Moscow : Pravda. 1989.

Engels F. Vneshnjaya politika russoy tsarizma [The Foreign Policy of Russian Tsarism] / K. Marx, F. Engels // Soch. [Works]: in 30 vols. 2nd ed. Vol. 22. Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1962.

РОССИЯ И КИТАЙ В МИРОВОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Кулешова Н. С., Самусева О. А.*

Данная статья посвящена актуальной проблеме – роли инноваций в развитии современных государств. Результаты инноваций во многом определяют успешность социально-экономического развития государств. Цель данного исследования заключается в выявлении роли и места РФ и КНР в сфере инновационной деятельности, новизна исследования определяется использованием кластерного анализа на основе многих индикаторов, включенных в характеристику инновационного статуса государств, что позволяет провести сравнительный анализ позиций РФ и КНР в рейтинге стран. Определены также факторы, формирующие государственную политику в инновационной сфере, направленную на повышение конкурентоспособности за счет применения научно-технических достижений, новых технологий и других результатов научно-технической деятельности.

Ключевые слова: инновации, Россия, Китай, США, научно-технические достижения, кластерный анализ, сравнительный анализ, инновационная политика.

This article focuses on the topical issue of the role of innovation in the development of modern states. The results of innovation largely determine the success of socio-economic development of states. The purpose of this study is to identify the role and place of the Russian Federation and the People's Republic of China in the field of innovation activities. The novelty of the research is determined by the use of cluster analysis based on a number of indicators included in the characterization of the innovative status of states, which allows for a comparative analysis of the positions of Russia and PRC in the ranking of countries. The factors that form the state policy in the innovation sphere aimed at increasing competitiveness through the use of scientific and technical achievements, new technologies and other results of scientific and technical activities are also determined.

Keywords: innovations, Russia, China, the USA, scientific and technical achievements, cluster analysis, comparative analysis, innovation policy.

Инновации как фактор развития привлекают все большее исследовательское внимание. Изначально появилась теория инноваций в экономике Йозефа Шумпетера, в которой данная категория развития приравнивается к понятию «осущест-

* Кулешова Наталья Сергеевна – д. ф. н., доцент, профессор кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: kuleshova-nataly@mail.ru.

Самусева Ольга Александровна – аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: olysam@mail.ru.

вление новых комбинаций». Далее в XX в. теория получила развитие в работах Джона Гобсона, Питера Друкера и других современных ученых. Из отечественных основоположников следует назвать Николая Кондратьева.

Известно, что в широком смысле под инновациями понимается результат собственно инновационной деятельности, который непременно обладает научно-технической новизной, производственной применимостью и коммерческой реализуемостью.

Современное политическое и экономическое развитие государств испытывает достаточно много трудностей. Следует назвать противоречия глобального развития, жесткую конкуренцию на основных рынках сбыта, условия пандемии, глобальный экономический кризис, волатильность нефтяных цен, а для РФ это еще и санкционное противодействие. И, как следствие, такая ситуация характеризуется проблемами с финансами, производством, технологиями, с доходами населения. Какой фактор в таких условиях может выступать импульсом, толчком развития и обеспечения стабильного развития национальных экономик, а значит, и политической стабильности? Ответ находится в инновационном сегменте любой сферы жизнедеятельности общества.

Очевидно, что не всякое нововведение является инновацией. Следует согласиться с мнением И. С. Милославского [2009]: «Инновация – это новшество, которое серьезно повышает эффективность действующей системы».

Следует отметить лидерство Китая в сфере поиска и применения лучших решений в условиях новых требований. Конечно, мы помним, что Китай изобрел порох и бумагу, и это, безусловно, был технологический прорыв. Сегодня известны китайские инновации в мобильных платежных системах, в квантовой физике, в создании, а главное – использовании суперкомпьютеров (китайские – самые быстрые), в космосе (использование фотонов), создании искусственного интеллекта, его функции прогнозирования (развитие робототехники). Значение инновационной цели для развития КНР подтверждают и слова Си Цзиньпина в докладе XIX съезду КПК: «Инновации являются наипервейшей движущей силой, ведущей за собой все развитие, а также стратегической опорой для модернизации экономики» [Полный... 2017]. Партийный лозунг XIII пятилетки демонстрирует смещение от заимствований к собственной китайской модели в инновациях: «Цель Программы “Сделано в Китае 2025” – превратить Китай из “мировой фабрики” в глобального генератора инновационных технологий». Кооперация государства, науки и бизнеса является главным инструментом в процессе превращения Китая в глобальную державу.

Стабильное устойчивое развитие России также требует развития инновационных процессов и эффективного государственного регулирования в данной сфере. Приоритетные направления закреплены в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. (№ 642). К ним относятся обеспечивающие научные и научно-технические результаты и создание новых технологий, являющихся

основой инновационного развития России и ее устойчивых позиций на мировом рынке. Анализ научной литературы по данной проблеме показывает и недостаточность исследований, и отсутствие четко разработанной российской модели с конкретными инновационными проектами, инструментами реализации и механизмами оптимизации, организационно-управленческой системой. Проблемы инновационного «расцвета» в РФ связаны прежде всего с модернизацией, которая, в свою очередь, зависит от финансирования наиболее перспективных НИОКР. Российской особенностью в данной сфере является низкий уровень участия частных инвесторов.

Следует отметить, что за последние годы произошло увеличение госфинансирования фундаментальной науки и прикладных разработок, в том числе через механизм федеральных целевых программ, через государственные фонды финансирования науки (АО «Российская венчурная компания», Банк развития и внешнеэкономической деятельности, Государственная корпорация «РоснаноТех»). Национальная инновационная система предполагает взаимодействие существующих и создаваемых элементов внутри и между ее основными блоками – сектором исследований и разработок, коммерциализацией, инновациями в бизнесе.

В современных условиях ускорение инноваций рассматривается как тенденция мирового развития экономики, что подтверждают наиболее технологически развитые страны (США, Япония, Южная Корея, Сингапур и другие). Определенные Й. Шумпетером виды инноваций и доказанные четыре закономерности подтверждают цикличность технологического развития, а в качестве основы – радикальные изменения технологической базы и структуры.

Очевидно, что под инновациями мы понимаем абсолютно новые (или усовершенствованные до нового качества) технологии, создающие новые продукты, услуги и различные управленческо-организационно-технические решения.

Развитие инновационной деятельности обеспечивается наличием соответствующей инновационной инфраструктуры, требует определенной системы финансирования, маркетинговых исследований самого рынка инноваций и т. д. Изначально инновация в виде идеи может сформироваться в любой точке Земли, но ее трансформация в конечный инновационный продукт возможна только в ограниченном количестве стран, при наличии в этих странах сочетания различных ресурсов: финансовых, правовых, социальных и др. Кроме этого, инновация должна достигнуть уровня коммерциализации, что позволит вернуть и преумножить вложенные в нее ресурсы, а также оправдать созданные условия для развития инноваций.

Цель данного исследования состоит в определении роли и места двух стран – КНР и РФ в инновационной сфере среди остальных участников. Следует отметить, что сегодня в условиях нового формирующегося миропорядка Россия стремится утвердиться в статусе великой державы, в том числе и за счет инновационной деятельности. Китай, обозначив новый путь развития, нашел мощные движущие силы, успешно воспользовался фактором наличия дешевой и дисциплини-

рованной рабочей силы при широком внедрении инноваций во все сферы жизнедеятельности, что позволило КНР не только продолжить активное развитие, но и превратиться во вторую экономику мира, обеспечить устойчивое и динамичное развитие.

Страны инновационного уровня (способные создать конечный инновационный продукт) были определены в количестве 20: Австралия, Австрия, Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Испания, Италия, Канада, Китай, Нидерланды, Республика Корея, Россия, США, Тайвань, Турция, Франция, Швейцария, Швеция и Япония. Большинство этих стран входят в «G20», «G7» или же, как, например, Тайвань, обладают столь значимыми показателями в инновационной сфере, что их попросту невозможно игнорировать (информация о нем малоизвестна, учитывая его специфический политический статус [John Tkacik... 2007]).

Возможность использования и сравнения данных, а также инструментов взаимодействия для определения места РФ и КНР в инновационной сфере в нашем исследовании достигается при соблюдении следующих критериев: физическая доступность данных, их единая методология формирования, соответствие тематике исследования. Для достоверности и оптимизации использования данных была выбрана информационная платформа Knoema, которая использует статистические данные ООН, МВФ и еще порядка 1400 источников национального и международного характера.

Для достижения поставленной цели были выбраны следующие статистические показатели: глобальный индекс инноваций; количество статей в научно-технических журналах; величина экспорта высоких технологий в текущих ценах; доля экспорта высокотехнологичных товаров в экспорте промышленных товаров; количество патентных заявок среди резидентов; количество патентных заявок среди нерезидентов; количество заявок на товарный знак; экспорт компьютерных услуг в текущих ценах; доля экспорта высокотехнологичных товаров в экспорте промышленных товаров; количество прямых заявок на товарный знак нерезидентами; количество заявок на регистрацию товарных знаков прямых резидентов; импорт компьютерных услуг в текущих ценах; количество исследователей в области НИОКР; доля расходов в ВВП на НИОКР; количество технических специалистов в области НИОКР.

Обработка такого массива данных возможна только с помощью математических методов; нами был выбран кластерный анализ, произведен отбор выборки объектов для кластеризации, определены переменные для оценки. Кластерный анализ произведен с помощью программы Minitab.

В результате проведенного кластерного анализа [Кузнецов, Трошина 2006] (рис. 1) построено кластерное дерево, где выделяются три группы стран, с использованием вышеуказанных данных, которые можно интерпретировать как классификацию по инновационным показателям.

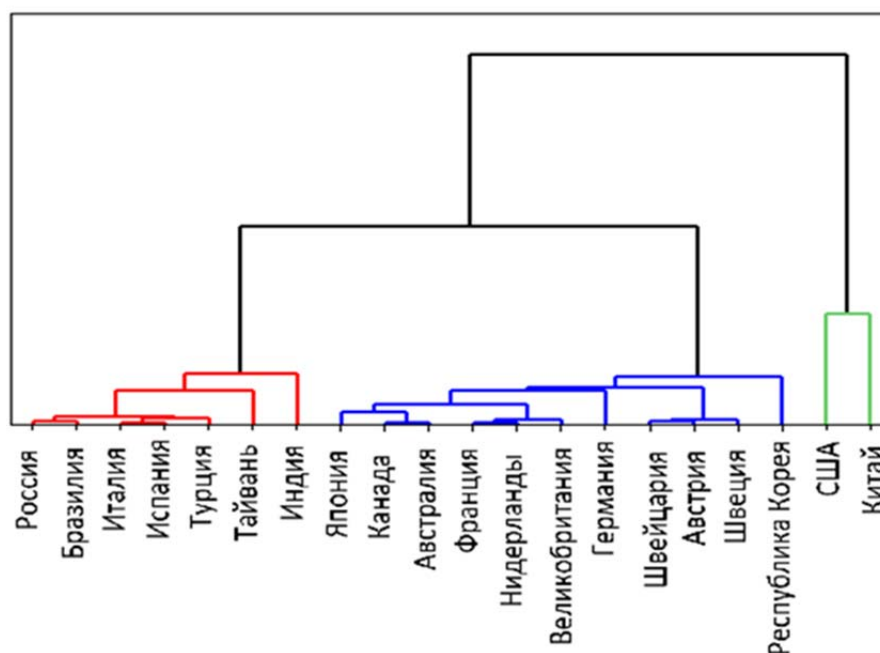

Рис. 1. Результаты кластерного анализа наиболее инновационных стран мира по 15 показателям (составлено авторами)

К первой группе отнесены, помимо России, Бразилия, Италия, Испания, Турция, Тайвань и Индия. Данная группа может характеризоваться как перспективная, особенно это относится к странам группы БРИКС – России, Индии и Бразилии, которые в начале XXI в. продемонстрировали динамичное экономическое развитие. Стоит отметить, что наличие Тайваня в данной группе в некотором смысле условно, так как официально он считается неотъемлемой частью Китая, но по факту это один из основных союзников США в Восточной Азии. Уникальность его статуса предопределяет особенность статистических данных, часть которых отсутствует, но роль Тайваня в инновационной экономике мира такова, что игнорировать этот факт не представляется возможным. Кроме этого, Италия и Испания в Западной Европе являются «догоняющими странами» в развитии по отношению к Германии, Франции и Британии.

Вторую группу составляют развитые страны, которые традиционно относят к ядру стран Запада: Германия, Австрия, Швейцария, Швеция, Великобритания, Нидерланды, Франция; а также страны, имеющие тесные связи с Британией и США, которые по умолчанию относят к западному блоку – Канада и Австралия. К этой же группе отнесены геополитические союзники США в Восточной Азии – Япония и Южная Корея. Данные страны характеризуются тесной интеграцией с США и в ряде случаев ограничены в геополитических маневрах из-за введенных

в 2014 г. санкций против России. Но в качестве некой компенсации эти страны имеют доступ к технологиям США.

Отдельную группу представляют США и КНР как страны, которые имеют максимальные показатели по ряду критериев: величина экспорта высоких технологий в долларах США, при этом Китай превышает показатели США практически в 5 раз; по количеству патентных заявок среди резидентов КНР превышает показатели США в 4,5 раза (показатели России в 10 раз), но по количеству патентных заявок среди нерезидентов США превосходят КНР в 3,5 раза.

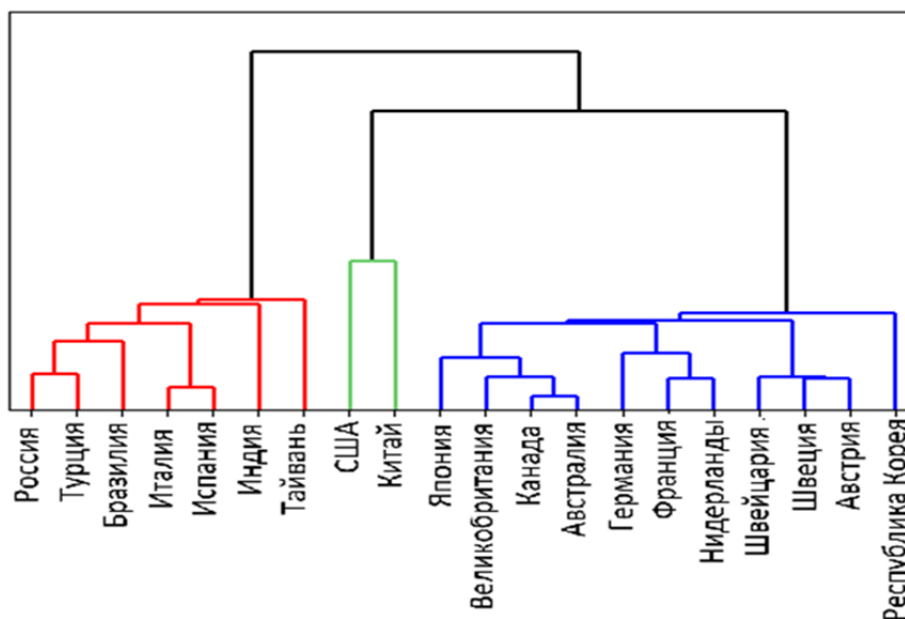

Рис. 2. Результаты кластерного анализа наиболее инновационных стран мира (авторы определяют их в количестве 20 по 42 показателям) (составлено авторами)

Если же в кластерном анализе дополнить вышеуказанные данные новыми показателями: рейтинг глобальной конкурентоспособности, рейтинг легкости ведения бизнеса, рейтинг восприятия коррупции, индекс экономической свободы и индекс экономики знаний, то результат (рис. 2) будет практически идентичным по классификации стран в группы.

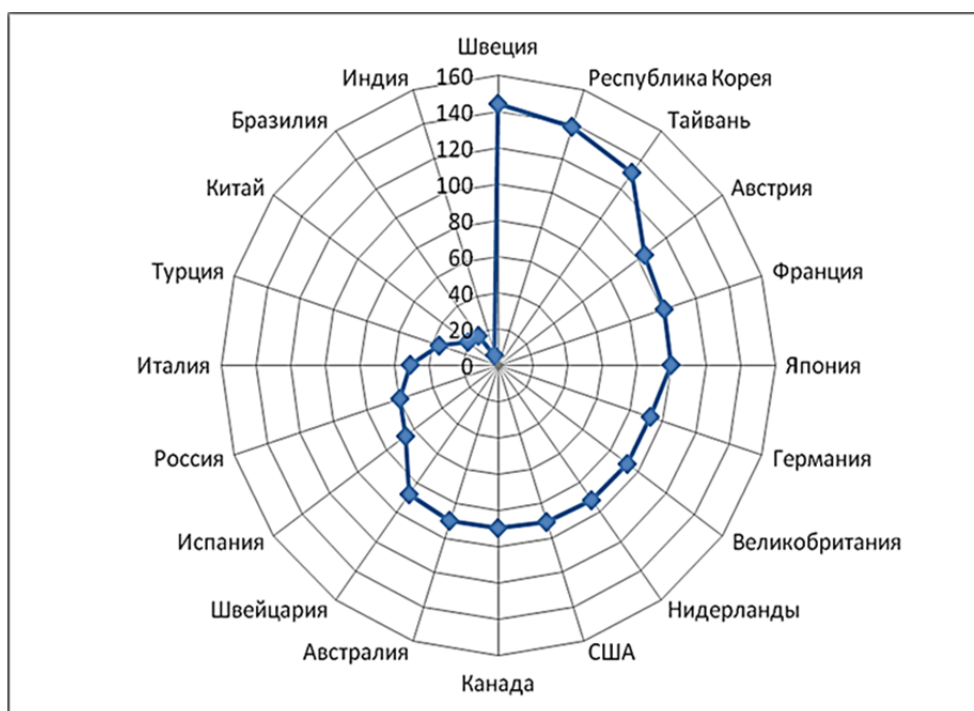

Рис. 3. Страны мира по количеству исследователей в эквиваленте полной занятости на 10 000 занятых человек (составлено авторами)

Для подтверждения обоснованности выделения стран ядра Западной Европы и союзников США в Восточной Азии в обособленную группу высокоразвитых инновационных стран стоит рассмотреть количество исследователей в эквиваленте полной занятости на 10 тыс. занятых человек. Так, согласно рис. 3, самый высокий показатель будет в Швеции – более 140 научных исследователей на 10 тыс. занятых человек, тогда как в Индии, Бразилии и Китае – от 20 до 50 научных исследователей на 10 тыс. занятых человек.

Согласно анализу динамики глобального индекса инноваций Китая и России за период 2014–2019 гг., можно отметить стабильный рост показателей Китая с 46,6 до 54,8 и некоторое снижение в России с 39,1 до 37,6. При этом в России текущие расходы на образование от доли валового национального дохода за период 2014–2019 гг. были на уровне 3,6 %, а в Китае, по международным данным, этот показатель ровно в 2 раза меньше – 1,8 % [Китай...], тогда как по китайским источникам он превышает показатель России – 4 % [Национальные... 2016]. При этом расходы на НИОКР в процентах от ВВП с 2013 г. стабильно превышают 2 %, а в России с 2014 г. снизились с 1,2 % до 1 % в 2019 г.

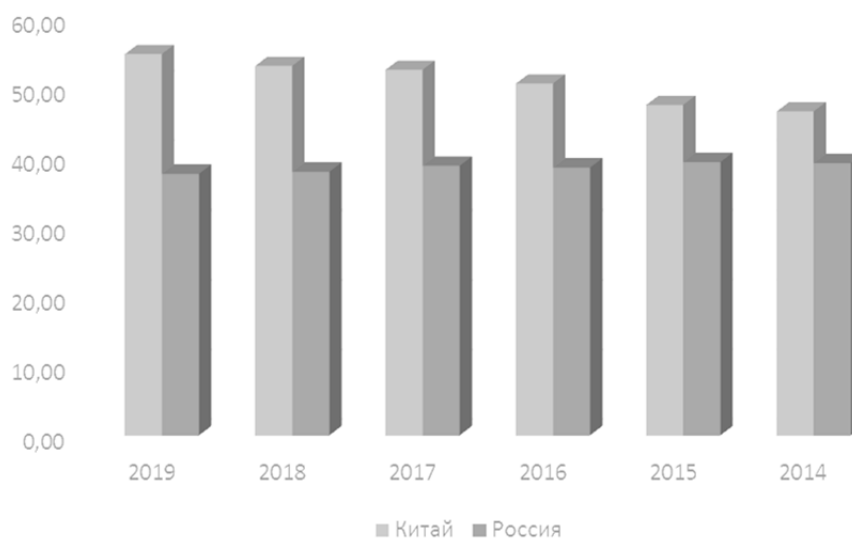

Рис. 4. Глобальный индекс инноваций России и Китая за 2014–2019 гг.
(составлено авторами [Global...])

Стоит отметить, что на рубеже тысячелетий (второго и третьего нашей эры) Китай последовательно обогнал по показателям ВВП (25,36 трлн долларов США) Германию (4,199 трлн долларов США [Germany]), Японию и США, но это учитываемая ВВП по ППС, а не по текущему курсу, так как по последним показателям ВВП КНР 14,343 трлн долларов США [GDP...], что в 1,5 раза меньше ВВП США (21,37 трлн долларов США [Ibid.]). Экономические перспективы КНР определяют значительный золотовалютный запас, новые инициативы «Шелковый путь-21», создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Важным фактором в пользу экономически перспективного развития страны выступает активно формирующийся средний класс, который по численности превышает общее количество населения США [Соловьева... 2016]. По другой методологии, которой придерживается также и Китай, среднего класса в стране насчитывается всего 109 млн человек [Доклад... 2015], что, впрочем, все равно по данному показателю делает КНР лидером в мире.

Если же учитывать значимость России в инновационной сфере ВПК, то ее рейтинг значительно возрастает. Так, согласно исследованию Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI), в последние десятилетия США занимают до 1/3 рынка вооружения, а Россия – 1/4. При этом основными покупателями вооружения являются Индия, КНР и Алжир [Trends... 2019]. Полноценное включение ВПК для определения инновационной роли и места страны в мире усложняется тем, что большинство статистических данных относительно вооружения часто являются засекреченными. В структуру секретного экспорта из России также входят трубопроводный газ, самолеты и изотопы. Интересно отметить тот факт, что в пятерку получателей российского секретного

экспорта за последние годы входят США [Ткачев и др. 2020]. Информация системы таможенной службы не позволяет точно определить, какие именно товары из группы засекречены, однако допускается, что за таким экспортом могут стоять поставки тяжелой воды и других изотопов [Волкова... 2020].

Результаты проведенного кластерного анализа показывают, что Россия имеет существенный потенциал для дальнейшего развития инновационной политики, ее трансформации с учетом национальных приоритетов. И если знаменитый теоретик военной науки Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц в XIX в. указывал: «Война есть продолжение политики иными средствами» [Клаузевиц], то в XXI в. будет уместным трансформировать данное изречение с учетом новой политической реальности в «Инновации есть продолжение политики иными средствами». Нерыночное поведение властей США относительно технологических компаний Китая [Санкции...] и России [В «Лаборатории...» 2018] явное тому подтверждение. Следует помнить, что инновационный продукт США в мировом объеме составляет 70 %.

Необходимо отметить, что современный инновационный потенциал России все еще во многом основан на советском технологическом наследии, имеет большие системные проблемы в научной и образовательной сфере. Многие эксперты выражают мнение, что именно санкции западных государств, с одной стороны, выявили технологическую зависимость нашей экономики от Запада, угрозу национальной безопасности РФ, но с другой – послужили необходимым импульсом для инновационного развития.

Учитывая, что Россия достойно выдерживает экономические кризисы начала XXI в., а также падение цены на нефть, что имеет не только экономические, но и геополитические причины, активное присутствие страны в инновационной сфере указывает на устойчивость общей социально-экономической модели развития страны, что, в свою очередь, предоставляет широкие возможности для дальнейшего развития инновационной политики.

Россия в последние годы устойчиво присутствует в международных рейтингах, характеризующих условия экономического роста (Global Competitiveness Index, Doing Business, Global Innovation Index).

Инновация как создание нового знания для обеспечения устойчивого и стабильного развития государства является важнейшей задачей национальной стратегии. Наиболее перспективными отраслями инновационного развития считаются авиакосмическая, химическая, биотехнологическая, электронная промышленность и др. Инновационная деятельность характеризуется широким использованием информационных технологий, которые существенно повышают эффективность данной сферы. Важным условием развития инновационной политики является выделение и всемерная поддержка научной составляющей. В современных условиях можно выделить следующие направления инновационной политики: достойное финансирование научной и инновационной деятельности, в том числе с предоставлением льготных кредитов; структуризация системы с целью устранения противоречивых моментов функционирования; обеспечение информационно-аналитической поддержки с созданием системного интерфейса по отраслям; содействие международному сотрудничеству, в том числе передача и внедрение новых технологий; коммерциализация результатов научных исследований; борьба с коррупцией в секторе; кадровая политика, ориентированная на омоложение

и всемерную поддержку; льготное налогообложение и специальное правовое регулирование.

Анализ концептуальных подходов к инновациям как социально-политической проблеме позволяет выявить взаимодействие и взаимозависимость власти – бизнеса – науки.

Таким образом, партнерство РФ и КНР требует глубокого исследования в сфере инноваций двух государств, так как напрямую завязано на подготовку кадров в целях устойчивого развития и всестороннего стратегического партнерства, на формирование элит государств, в том числе политических.

Литература

В «Лаборатории Касперского» разочарованы новыми санкциями против компании. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2018/05/15/769513-v-laboratorii-kasperkogo-razocharovani> (дата обращения: 17.12.2020).

Волкова О. Секретный экспорт России: что и в каких объемах уходит за границу. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://xn---8sbeibfw3aojl2n.xn--p1ai/ved/sekretnyj-eksport-rossii-cto-i-v-kakih-obyomah-uhodit-za-granicu/> (дата обращения: 17.12.2020).

Доклад: численность представителей среднего класса в Китае превышает 100 млн человек. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1015/c31516-8962253.html> (дата обращения: 17.12.2020).

Китай – Текущие расходы на образование [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/atlas/Китай/topics/Образование/Финансирование-образования/Расходы-на-образование-percent-от-ВНД> (дата обращения: 17.12.2020).

Клаузевиц К. О войне [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/pre.html> (дата обращения: 17.12.2020).

Кузнецов Д. Ю., Трошина Т. Л. Кластерный анализ и его применение // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 4. С. 103–107.

Милославский И. С. Новизна с последствиями. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.izvestia.ru/news/349367> (дата обращения: 17.12.2020).

Национальные фонды финансового образования Китая составляли долю ВВП в течение 4 лет подряд более 4 %. 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/shuju/2016-11/10/content_5131034.htm (дата обращения: 17.12.2020).

Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК [Электронный ресурс] : Синьхуа Новости. 2017. 3 ноября. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726068.htm.

Санкции США против Huawei [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/sujet/6182/> (дата обращения: 17.12.2020).

Соловьева О. Средний класс в Китае растет, а в России – сокращается. 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/economics/2016-12-22/4_6891_class.html (дата обращения: 17.12.2020).

Ткачев И., Сидоркова И., Гальчева А., Дзядко Т. Секретный экспорт России составил более \$55 млрд. Сколько оружия, газа и изотопов продает Москва за рубежом. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/03/2020/5e5e48459a79471d43672382> (дата обращения: 17.12.2020).

GDP (current US\$) [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD> (дата обращения: 17.12.2020).

Germany [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/gm.html> (дата обращения: 17.12.2020).

Global Innovation Index [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.com/atlas/topics/World-Rankings/World-Rankings/Global-innovation-index?baseRegion=RU> (дата обращения: 17.12.2020).

John Tkacik on Taiwan: Taiwan's Status Remains “Unsettled”. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2007/09/30/2003381074> (дата обращения: 17.12.2020).

Trends in International Arms Transfers, 2018. 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2019-03/fs_1903_at_2018.pdf (дата обращения: 17.12.2020).

References

V “Laboratorii Kasperskogo” razocharovany novymi sanktsiyami protiv kompanii. 2018 [Kaspersky Lab is Disappointed With the New Sanctions Against the Company]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2018/05/15/769513-v-laboratorii-kasperskogo-razocharovani> (accessed: 17.12.2020).

Volkova O. Sekretnyj eksport Rossii: chto i v kakih ob#yomah uhodit za granitsu. 2020 [Russia's Secret Export: What and in What Volumes Goes Abroad]. URL: <https://xn----8sbeibfw3aojl2n.xn--p1ai/ved/sekretnyj-eksport-rossii-chto-i-v-kakih-obyomah-uhodit-za-granicu/> (accessed: 17.12.2020).

Doklad: chislenost' predstavitelej srednego klassa v Kitae prevyshaet 100 mln che-lovek [Report: China's Middle-Class Population Exceeds 100 Million]. 2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1015/c31516-8962253.html> (accessed: 17.12.2020).

Kitaj – Tekushhie rashody na obrazovanie [China – Current Spending on Education]. URL: <https://knoema.ru/atlas/Китай/topics/Образование/Финансирование-образования/Расходы-на-образование-percent-от-ВНД> (accessed: 17.12.2020).

Klauzevits K. O vojne [About the War]. URL: <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/pre.html> (accessed: 17.12.2020).

Kuznetsov D. Ju., Troshina T. L. Klasternyj analiz i ego primeneniye [Cluster Analysis and its Application] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2006, No. 4. Pp. 103–107.

Miloslavskij I. S. Novizna s posledstvijami. 2009 [The Novelty With Consequences]. URL: <http://www.izvestia.ru/news/349367> (accessed: 17.12.2020).

Natsional'nye fondy finansovogo obrazovaniya Kitaja sostavlyali dolyu VVP v techenie 4 let podryad bolee 4 %. 2016 [China's National Financial Education Funds Accounted for a Share of GDP for 4 Consecutive Years More Than 4 %]. URL: http://www.gov.cn/shuju/2016-11/10/content_5131034.htm (accessed: 17.12.2020).

Polnyy tekst doklada, s kotorym vystupil Si TSzin'pin na 19-m s"yezde KPK [Full Text of the Report Given by Xi Jinping at the 19th CPC Congress] // Sin'hua Novosti. 2017. November 3. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726068.htm.

Sanktsii SShA protiv Huawei [US Sanctions Against Huawei]. URL: <https://rg.ru/sujet/6182/> (accessed: 17.12.2020).

Solov'yova O. Srednij klass v Kitae rastet, a v Rossii – sokrashhaetsya. 2016 [The Middle Class in China is Growing, and in Russia it is Shrinking]. URL: https://www.ng.ru/economics/2016-12-22/4_6891_class.html (accessed: 17.12.2020).

Tkachyov I., Sidorkova I., Gal'cheva A., Dzyadko T. Sekretnyj eksport Rossii sostavil bolee \$55 mlrd. Skol'ko oruzhiya, gaza i izotopov prodayot Moskva za rubezh [Russia's Secret Exports Amounted to More Than \$55 Billion. How Many Weapons, Gas and Isotopes Does Moscow Sell Abroad]. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/03/2020/5e5e48459a79471d43672382> (accessed: 17.12.2020).

GDP (current US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed: 17.12.2020).

Germany. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/gm.html> (accessed: 17.12.2020).

Global Innovation Index. URL: <https://knoema.com/atlas/topics/World-Rankings/World-Rankings/Global-innovation-index?baseRegion=RU> (accessed: 17.12.2020).

John Tkacik on Taiwan: Taiwan's Status Remains “Unsettled”. 2007. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2007/09/30/2003381074> (accessed: 17.12.2020).

Trends in International Arms Transfers, 2018. 2019 URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2019-03/fs_1903_at_2018.pdf (accessed: 17.12.2020).

ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЛОБАЛИСТИКИ (К 85-летию А. Д. Урсула)

Ильин И. В., Урсул Т. А., Чумаков А. Н.*

Статья посвящена памяти недавно ушедшего от нас выдающегося философа и одного из основателей и ярких представителей современной глобалистики А. Д. Урсула. Авторы постарались отразить своеобразный, весьма насыщенный неожиданными поворотами жизненный путь ученого и то, как его взгляды вполне закономерно эволюционировали от увлеченности проблемами авиации и освоения космоса до методологических аспектов теории информации и теоретических основ глобальных исследований. Эти трансформации в судьбе одного человека представлены в контексте анализа основных черт и особенностей той эпохи, когда шло становление новой междисциплинарной области научного знания – глобалистики – и ее философского базиса. Особое внимание уделено отдельным работам и ключевым новаторским идеям А. Д. Урсула в области глобального эволюционизма, взаимодействия природы и общества, научно-технического прогресса, экологического образования и т. п. Показана его особая роль в осмыслении и поиске путей реализации на планетарном и национальном уровнях таких общезначимых концепций, как учение о ноосфере и устойчивое развитие. В заключительной части статьи говорится о плодотворной работе философа в последние годы на факультете глобальных процессов МГУ и о его особой роли в научно-педагогической жизни университета, а также в создании российских и международных общественных научно-исследовательских объединений.

Ключевые слова: А. Д. Урсул, философия, глобалистика, устойчивое развитие, ноосфера, концепция, информатика, космос, глобальные исследования.

The article is dedicated to the memory of Arkady D. Ursul, an outstanding philosopher and one of the founders and prominent representatives of modern global studies, who has recently passed away. The authors show his peculiar, very full of unexpected turns life path and the way his views quite naturally evolved from a passion for aviation and space exploration to methodological aspects of information theory and theoretical foundations of global research. These transfor-

* Ильин Илья Вячеславович – д. полит. н., профессор, декан факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: dekanat@fgp.msu.ru.

Урсул Татьяна Альбертовна – д. ф. н., профессор, заведующая кафедрой социальных наук и технологий Национального исследовательского технологического университета «Московский институт стали и сплавов». E-mail: ursult@mail.ru.

Чумаков Александр Николаевич – д. ф. н., профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: chumakov5@yandex.ru.

mations in the fate of one person are presented in the context of the analysis of the main features and characteristics of the era when a new interdisciplinary field of scientific knowledge – globalistics – and its philosophical basis were taking shape. Special attention is paid to selected works and key innovative ideas of A. D. Ursul in the field of global evolutionism, interaction between nature and society, scientific and technological progress, environmental education, etc. His special role in comprehending and searching for ways to implement at the planetary and national levels such universally significant concepts as the doctrine of noosphere and sustainable development is shown. The final part of the article shows the results of the philosopher's fruitful work in recent years at the Department of Global Processes of Moscow State University and his special role in the scientific and pedagogical life of the university, as well as in the creation of Russian and international public research associations.

Keywords: *A. D. Ursul, philosophy, globalistics, sustainable development, noosphere, concept, computer science, space, global studies.*

28 июля 2021 г. исполнилось бы 85 лет выдающемуся ученому, одному из основателей и наиболее ярких представителей отечественной глобалистики, академику АН Молдовы, доктору философских наук, профессору факультета глобальных процессов МГУ Аркадию Дмитриевичу Урсулу. Меньше года он не дожил до своего юбилея и, если бы не коронавирус, его обширное творческое наследие, несомненно, пополнилось бы еще многими философскими исследованиями и интересными публикациями. Прежде всего это касается философской глобалистики, где он достиг выдающихся результатов.

В философию Аркадий Дмитриевич пришел не случайно, как не случайно сложились и его вполне определенные интересы в этой области. Он окончил Московский авиационный институт и после защиты в 1964 г. кандидатской диссертации по проблемам освоения космоса работал доцентом. В 1969 г. защитил докторскую диссертацию по методологическим проблемам теории информации и стал заведующим отделом философии естествознания в Институте философии АН СССР. В 1982–1988 гг. был приглашен на работу в Президиум АН Молдавской ССР, где стал вице-президентом и заведующим отделом философии и права. В 1988 г. перешел на должность директора Института социальной информатики Академии общественных наук, а в 1991 г. стал директором Ноосферно-экологического института Российской академии управления. С 1994 г. заведовал кафедрой социальной экологии Российской академии государственной службы при Президенте РФ. В последние годы жизни был директором Центра глобальных исследований и профессором факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова.

А. Д. Урсул получил широкую известность как выдающийся философ и видный представитель современной российской науки, а также как талантливый педагог, воспитавший множество отечественных специалистов в области философской глобалистики, социальной экологии и устойчивого развития. Он оставил после себя оригинальное и богатое творческое наследие, состоящее из почти 1400 научных публикаций. В их числе более 250 монографий, книг и брошюр, а также вышедших под его редакцией более 250 научных сборников, коллективных трудов и статей в периодических изданиях, опубликованных в отечественных

и зарубежных издательствах¹. Им создано несколько научных школ по ряду направлений, подготовлено значительное число научных и педагогических кадров (он был научным руководителем более 100 кандидатов наук и научным консультантом 33 докторов философских наук). В течение десяти лет работал научным экспертом Экспертного совета ВАК РФ по философии, социологии и культурологии, в течение нескольких десятков лет возглавлял диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по философии науки и техники.

Таким образом, являясь одним из наиболее ярких представителей отечественной глобалистики², Аркадий Дмитриевич внес свой особый вклад в становление и развитие этого нового междисциплинарного научного направления. При этом он имел неоспоримое преимущество в решении философских проблем глобалистики, так как, с одной стороны, опирался на естественно-научную базу своего первоначального образования, а с другой стороны, его интересы в области исследования космоса и теории информации как нельзя лучше способствовали пониманию сущности глобальных процессов и использованию системного подхода в их исследовании. Важное значение имело и то, что к 60-м гг. прошлого века, то есть к тому времени, когда А. Д. Урсул, серьезно занявшись философией, обратился к глобальной проблематике, в этой области уже имелся определенный теоретический задел, который позволил целой плеяде отечественных ученых достаточно быстро сформировать главные контуры отечественной глобалистики и заложить основы ее наиболее важных направлений.

Одним из таких наиболее значимых направлений стала, несомненно, философская глобалистика, поскольку появилась серия принципиальных задач, решить которые без применения философии не представлялось возможным. В частности,

¹ В числе его основных публикаций такие монографии, как: Освоение космоса (1967); Природа информации (1968); Отражение и информация (1973); Человечество, Земля, Вселенная (1977); Философия и интегративно-общенаучные процессы (1981); Перспективы экоразвития (1990); Путь в ноосферу (1993); Экологическая проблема и агроноосферная революция; Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия (1998); Устойчивое развитие (2000); Безопасность и устойчивое развитие (2001); Концептуальные основы устойчивого развития (2003); Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез) (2006); Универсальный эволюционизм (2007); Глобализация и переход к устойчивому развитию (2008); Глобальный эволюционизм (2010); Ильин И. В., Урсул А. Д. Глобальные исследования и эволюционный подход (2013); Ильин И. В., Урсул А. Д. Образование, общество, природа. Эволюционный подход и глобальные перспективы (2016).

² См.: Урсул А. Д. // Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды. Энциклопедический словарь / под ред. П. В. Алексеева. 3-е изд. М.: Академический Проект, 1999; Урсул А. Д. // Философы России начала XXI века. Биографии, идеи, труды. Энциклопедический словарь / под ред. П. В. Алексеева. М.: РОСПЭН, 2009; Урсул А. Д. / А. И. Мелуа // Российская академия естественных наук. СПб., 2001; Урсул А. Д. // 10 лет на службе России. Памятное издание к десятилетию Российской академии государственной службы при Президенте РФ / под ред. В. К. Егорова. М.: РАГС, 2004; Урсул А. Д. // Кто есть кто в экономике природопользования (Экономика природопользования: события и люди) / под ред. Н. Н. Лукьянчикова. М., 2009; Урсул А. Д. // Who is who в России. Zug. : Verlag Hübners, 2007; 2011; Ursul A. D. // Academia de Stiinta a Republicii Moldova (50). Chisinau, 1996; Ursul A. D. // Membrii Academiei de Stiinta a Moldovei. Dictionar 1961–2006. Chisinau : Stiinta, 2006; Цырдя Т. Н. К 75-летию академика АН Республики Молдова А. Д. Урсула. Творческая биография // Strategia supravietirii din perspectiva bioeticii, filosofiei si medicine. Chisinau, 2011.

требовалось разработать методологию междисциплинарных исследований, используя набиравший популярность системный подход; необходимо было исследовать исторические этапы и современный характер взаимодействия природы и общества в условиях нарастания экологического кризиса; следовало определить критерии глобальных проблем современности и дать им классификацию; нужно было также предложить общий язык междисциплинарного взаимодействия, сформировав категориальный аппарат нового научного направления. Наконец, требовалось исследовать научно-технические возможности и биосоциальные способности человека справляться с новыми вызовами, а также важно было определить перспективы их преодоления и сделать все это достоянием широкого общественного сознания.

Одних гуманитарных, а тем более сугубо философских подходов для решения такого сложного комплекса задач было явно недостаточно. Здесь требовались не только философская аналитика и широта мышления, но и определенная комбинация философского мышления с профессиональным владением конкретным материалом в той или иной области научного знания. Вот почему среди более полутора десятков тысяч ученых, занятых тогда в сфере философии (а это были преподаватели вузов, сотрудники академических институтов, издательских, общественных и государственных структур), нашлось совсем немного тех, кто на серьезном уровне и постоянной основе погрузился в область философской глобалистики.

И вот теперь, полвека спустя, становится хорошо видно, что наибольшие результаты и яркий след в глобалистике оставили именно такие философы, как И. Т. Фролов, получивший наряду с философским образованием специальную подготовку на биологическом факультете МГУ; А. Д. Урсул, пришедший в философию после окончания авиационного института; Р. С. Карпинская, имевшая два диплома об окончании философского и биологического факультетов МГУ; В. А. Лось, химик по первому базовому образованию; А. А. Горелов, окончивший геологический факультет МГУ; И. Ф. Кефели, посвятивший себя философии после обучения в политехническом институте; В. А. Кобылянский, поступивший в аспирантуру философского факультета после окончания географического факультета МГУ; А. В. Кацура, окончивший физфак МГУ и перешедший на работу в Институт философии АН СССР; Н. М. Мамедов, обучавшийся в аспирантуре Института философии АН СССР после окончания политехнического института; Д. М. Гвишиани, В. В. Загладин, Э. С. Маркарян – выпускники Московского государственного института международных отношений – и другие, также ставшие докторами философских наук, имея первоначальное нефилософское образование [Глобалистика... 2016].

С другой стороны, философская глобалистика обогатилась солидным теоретическим материалом за счет оригинальных идей и творческого вклада в нее таких выдающихся и философски мысливших представителей естествознания, а также точных и общественных наук, как Н. Н. Моисеев, Н. Н. Иноземцев, А. А. Громько, А. В. Виноградов, Н. Ф. Реймерс, Г. В. Добровольский, М. И. Будыко, А. Л. Яншин, С. П. Капица, Ю. А. Израэль, И. В. Бестужев-Лада, О. С. Колбасов, Г. С. Хозин, В. И. Данилов-Данильян и др. [Там же].

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что в истории мировой философии, равно как и в отечественной философской мысли, XX век явно выделяется

уже тем, что именно в этом столетии в философии появилась еще одна, принципиально новая, никогда прежде не существовавшая тема познания – *планета Земля как единая целостная система во всех аспектах ее проявления*. По существу, именно это имел в виду и А. Д. Урсул, когда писал, что «становление глобального эволюционизма – один из примеров того, что в настоящее время, а не только в далеком прошлом, философия порождает новые области уже не только частнонаучного, но и междисциплинарно-общенаучного знания» [Урсул 2015]. Иными словами, в двадцатом столетии пристального философского внимания к себе потребовал *глобус* как уникальное космическое тело и уникальная система, где в неживой, живой и социальной сферах протекают различные глобальные процессы. Один из них, порожденный общественными отношениями, получил название *глобализация* [Новая... 2000: 533–534; Глобалистика... 2003: 181–199; Чумаков 2011: 174–180].

В этой связи следует подчеркнуть, что в качестве целостной системы мировое сообщество формировалось постепенно в результате своего поступательного интенсивного и экстенсивного развития. Однако только с эпохи Великих географических открытий эти процессы реально обрели планетарное измерение. Заметим при этом, что осознание данного факта пришло не сразу. По существу глобальными категориями стали мыслить с конца XVIII – начала XIX в., что хорошо просматривается в высказываниях И. Канта, Т. Мальтуса, К. Маркса, Ф. Энгельса, Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера. Но в полном смысле этого слова глобальный мир и мировое сообщество стали предметом особого внимания и специального анализа только в XX в. [Anheier, Juergensmeyer 2012].

Такие мыслители, как А. Тойнби, П. Тейяр де Шарден, В. И. Вернадский, К. Ясперс, Б. Рассел, А. Эйнштейн и др., несомненно, были теми, кто прямо или косвенно, в том числе и с философских позиций, теоретизировал и развивал свои идеи в глобальном контексте [Global... 2017]. Именно они еще в первой половине XX столетия сделали предметом особого внимания человечество как единое целое и стали рассматривать его как составную и неотъемлемую часть естественной природы. Для них переход от раздробленности, разобщенности и фрагментарности в мировом сообществе к единству, целостности и глобальной взаимозависимости планетарного человечества уже тогда был вполне осознаваемым фактом. Так, например, А. Тойнби, рассматривавший общественное развитие как последовательную смену различных цивилизаций, сделал вывод, что в XX в. началась всеобщая всемирная история. Тем самым подчеркивалось, что кардинальные перемены затронули не только основы общественного устройства, но и главные тенденции мировых социальных процессов.

На уникальность человека в качестве составной части биосферы одним из первых обратил внимание П. Тейяр де Шарден, который развивал концепцию гармонизации отношений человека с природой, призывая к отказу от эгоистических устремлений во имя объединения всего человечества. «Выход для мира, двери для будущего, вход в сверхчеловечество, – говорил он, – открываются вперед, и не для нескольких привилегированных лиц, не для одного избранного народа! Они откроются лишь под напором всех вместе и в том направлении, в котором все вместе могут соединиться и завершить себя в духовном обновлении Земли» [Тейяр де Шарден 1987: 194].

Еще более высокий уровень философского осмысления взаимодействия природы и общества представлен в работах *В. И. Вернадского*, концепция ноосферы которого уже с самого начала могла бы стать по существу манифестом гармоничного развития планетарных социоприродных процессов [Вернадский 1988]. Однако идеи *В. И. Вернадского* опережали свое время и оставались без должного внимания более трех десятилетий, пока не обрели новое дыхание в начале 1970-х гг. Они оказались востребованными в контексте развития идей философской глобалистики, когда резко обострились экологические проблемы и начались активные поиски оптимизации взаимодействия природы и общества.

О сущности глобального мира с позиции философии рассуждал и *К. Ясперс*, который еще в 1948 г. писал: «Наша исторически новая ситуация, впервые имеющая решающее значение, являет собой реальное единство людей на Земле. Благодаря техническим возможностям современных средств сообщения, наша планета стала единой целостностью, полностью доступной человеку, стала “меньше”, чем была некогда Римская империя... Теперь проблемой и задачей стал мир в целом. Тем самым происходит полное преобразование истории. Решающим является теперь следующее: нет ничего, что находилось бы вне сферы происходящих событий. Мир замкнулся. Земной шар стал единым. Обнаруживаются новые опасности и возможности. Все существенные проблемы стали мировыми проблемами, ситуация – ситуацией всего человечества» [Ясперс 1991: 141].

Таким образом, в среде философов и ученых уже в первой половине XX в. возникло понимание не только того, что наступает новая эпоха – эпоха планетарных явлений, но и того, что в этих новых условиях люди могут и должны противостоять природной и социальной стихии только сообща. При этом ориентация на покорение природы и интенсивное потребление природных ресурсов все больше стала меняться в пользу их рационального использования и пропаганды природоохранной деятельности.

Дальнейший этап в осмыслении глобальных процессов во многом был связан с деятельностью созданного в 1968 г. Римского клуба и публикацией его докладов, которые раскрыли многие аспекты глобальных проблем, показали угрозы, которые они несут мировому сообществу, и тем самым привлекли к ним пристальное внимание не только ученых и философов, но и политиков, общественных деятелей, а также широких слоев населения во всем мире³.

Что касается нашей страны, то, как уже отмечалось, активные исследования глобальных проблем начались здесь примерно в то же время – на рубеже 1960-х – 1970-х гг. А ключевую роль при этом сыграли именно философы и авторитетные ученые страны, объединившиеся первоначально вокруг журнала «Вопросы философии», главным редактором которого тогда был *И. Т. Фролов*. В инициированной им специальной рубрике журнала «Глобальные проблемы современности: социально-философские и методологические аспекты» наряду со статьями фило-

³ См.: Club of Rome // Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Amsterdam; New York, NY: Editions Rodopi B. V., 2014; Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens III W. W. The Limits to Growth; A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York : Universe Books, 2017; Mesarovic M., Pestel E. Mankind at the Turning Point, Dutton. New York, 1974; Laszlo E. Goals for Mankind. New York : Dutton, 1977; *et al.*

софов И. Т. Фролова, А. Д. Урсула, Б. Ц. Урланиса, В. В. Загладина, Г. С. Гудожника, В. А. Лося публиковались статьи таких известных ученых, как П. Л. Капица, Н. Н. Моисеев, В. А. Энгельгардт, Д. М. Гвишиани, И. И. Герасимов и др. А с 1980 г., когда И. Т. Фролов стал председателем Научного совета при Президиуме АН СССР по комплексной проблеме «Философские и социальные проблемы науки и техники», эта структура стала основным центром в организации и проведении глобальных исследований в нашей стране.

Это было время, когда наряду с сугубо академическими исследованиями глобальной проблематики и все более активным включением в них ученых и специалистов различных профилей появлялись и множилось общественные движения и организации экологической, природоохранной, антивоенной, научно-технической и т. п. направленности. Именно в это время в полную силу проявился творческий потенциал и организационный талант А. Д. Урсула, который в 1975 г. стал членом Международного общества «Человек и космос». В 1991 г. он основал Международную академию устойчивого развития (ноосферы) и стал ее президентом. В этом же году А. Д. Урсул основал Российскую академию космонавтики им. К. Э. Циолковского и был избран ее почетным президентом. Он стоял у истоков создания и Российской экологической академии (1992), и Международной академии информатизации (1992), и Международной академии информационных процессов и технологий (1993). Наряду с этим А. Д. Урсул был членом редколлегий и редакционных советов многих журналов и периодических изданий, таких, например, как «Век глобализации», «Вестник МГУ. Серия глобалистики и геополитики», «Земля и Вселенная», «Научно-техническая информация», «Журнал АН Молдавии по философии, социологии и политологии», «Вестник Российского торгово-экономического университета», «Вестник КемГУКИ», «Кавказские научные записки», «International Journal E&M Euroeducation» и др.

Все это представляет А. Д. Урсула одним из наиболее продуктивных ученых и эффективных организаторов науки в области глобальных проблем и процессов, которые он исследовал в методологическом аспекте, во взаимосвязи общественных, естественных, технических и других наук. Отмечая новаторский характер и особую роль Аркадия Дмитриевича уже на первоначальном этапе становления глобалистики, один из видных представителей первой волны данного научного направления А. В. Кацура отмечает, что в этой связи следовало бы принять во внимание атмосферу 1960-х гг. «Еще не утихли бои с ретроgrадами, сторонниками бичующей фразы “кибернетика – буржуазная лженаука”, – говорит он. – А ведь именно кибернетика, стремительно ворвавшаяся в середине века в круг научного знания, заставила по-новому оценить глубину, мощь и универсализм, казалось бы, давно знакомого понятия “информация”. Еще не успел возникнуть мем “информационное общество”, а А. Д. Урсул был здесь одним из смелых первопроходцев (наряду со старшими коллегами, замечательными учеными И. Б. Новиков, Л. Б. Баженовым, В. И. Тюхтиным...). И это оказалось очень нужным для развития отечественной философии науки. Как, впрочем, и интересные, во многом пионерские размышления Аркадия Дмитриевича о философии космонавтики, еще одной новой и бурно растущей области науки, инженерии и орбитальной практики» [Кацура 2020].

Таким образом, уже с начала 1970-х гг. А. Д. Урсул исследовал одну из наиболее актуальных глобальных проблем того времени – проблему освоения космоса. В ходе этих теоретических изысканий им было выдвинуто и обосновано то направление глобальных исследований, которое позже получило наименование *космоглобалистики* (сам же термин был предложен им в начале 1990-х гг.) [Глобальные... 1988]. В этом же ряду стоит и его концепция *антропогеокосмизма* (социогеокосмизма), согласно которой развитие космонавтики является приоритетной задачей для решения земных, общепланетарных проблем человечества и формирования единой суперсистемы «человечество – Земля – Вселенная», ставшей методологической основой *космоглобалистики*.

В своей монографии, посвященной философским проблемам космонавтики, А. Д. Урсул при рассмотрении вопроса о становлении человечества как целостной цивилизации, которая наиболее эффективно сможет взаимодействовать с природой планеты и космоса, выделил два основных аспекта этого единства (целостности) человечества [Урсул 1977]. Первый аспект связан с системно-историческими, пространственными характеристиками (глобальными и космическими). Второй аспект касается общих закономерностей, которые позволяют говорить об определенном единстве человечества задолго до появления устойчивых связей между ранее автономно развивавшимися цивилизациями землян. Учитывая, что проблема формирования целостности человечества составляет суть и историческую «цель» процесса глобализации, речь в данном случае идет о критериях глобальности и об их космических трансформациях.

В монографии «Проблема внеземных цивилизаций. Философско-методологические аспекты» была выдвинута и обоснована идея, согласно которой одной из наиболее важных задач проблемы поиска внеземных цивилизаций является содействие развитию наук и земных проблем человечества (прежде всего глобальных), требующих подхода к нашей цивилизации как к системно-целостному прогрессивно развивающемуся объекту [Рубцов, Урсул 1984]. А в опубликованной в 1981 г. монографии «Философия и интегративно-общенаучные процессы» А. Д. Урсул, по-видимому, впервые употребил термин «глобализация» и обосновал интегративно-общенаучный характер глобальных проблем [Урсул 1981: 204].

Широко известны работы А. Д. Урсула по проблемам информации, в которых обосновывается глобальный характер этого понятия, в частности, он говорит о становлении глобального информационного общества и формулирует информационный критерий развития, который используется в глобальных исследованиях. В этой связи он предложил в качестве особого направления глобалистики *информационную глобалистику*, акцентирующую внимание на информационном ракурсе глобальных процессов и систем. Это направление включает в себя исследование проблемы информации как глобальной проблемы, информационную глобализацию и другие формы использования информационного подхода к изучению глобальных социальных, социоприродных и природных глобальных процессов и систем.

В серии монографических трудов А. Д. Урсула обсуждается междисциплинарная концепция глобального социоприродного перехода к устойчивому развитию. При этом под устойчивым развитием понимается, как правило, «управляемое системно-сбалансированное социоприродное развитие, не разрушающее

окружающую природную среду и обеспечивающее выживание и безопасное неопределенно долгое существование цивилизации» [Ильин и др. 2015: 13]. В этой связи им была предложена и разработана концепция права устойчивого развития как наиболее вероятного варианта перехода от современного международного права к будущему глобальному праву, имеющему принципиально инновационно-опережающий характер.

Знаковой для понимания творчества А. Д. Урсула является монография «Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации» [Урсул 1993]. Здесь впервые в отечественной литературе было показано, что решение всего комплекса глобальных проблем лежит на пути планетарного перехода к устойчивому развитию, а становление ноосферы как глобального (а в перспективе – и планетарно-космического) процесса будет вначале реализовываться через устойчивое развитие. В этом контексте ноосферогенез рассматривался автором монографии с социотехнологической точки зрения как созидание вначале глобального информационного общества с устойчивым развитием (инфоноосферы), затем как становление экологического общества (эконоосферы) в планетарном масштабе, а в отдаленной перспективе – космоноосферы. В этой публикации были сформулированы также основные принципы нового этапа глобального процесса становления сферы разума (как формирования опережающего ноосферного интеллекта), реализуемой через глобальный процесс устойчивого развития, что положило начало «неклассическому этапу» учения о ноосфере – ноосферологии. В этом контексте важно подчеркнуть, что, по мнению Аркадия Дмитриевича, уже само название «ноосфера» выдвигает на первый план «не материальный компонент интеллекта, а духовно-идеальные процессы и факторы. Вполне понятно, – говорил он, – что идеальное не может существовать без материального, и ноосфера видится как “синкретическое” материально-идеальное образование, но главенствующим активным актором и фактором выступает ноосферный интеллект» [Его же 2015: 9].

Особое внимание А. Д. Урсул уделял и социоприродным глобальным процессам, в частности, их социоэкологическим аспектам, применяя к их исследованию эволюционный и футурологический подходы; при этом акцентировал внимание на особенностях планетарного экоразвития в аспекте перехода к устойчивому будущему. «Будущие поколения землян, – писал он, – уже будут жить в нелинейном глобально-ограниченном мире, и им придется соединять не только экономику и экологию. Придется создавать иную – не просто и не только “зеленую” экономику, – а альтернативную нелинейную интенсивную хозяйственную деятельность...» [Там же: 101]. Он также говорил об *агроноосферной революции*, которая рассматривалась им как принципиально новый глобальный процесс, в перспективе гарантирующий обеспечение продовольственной безопасности цивилизации.

Изучая проблемы образования в условиях глобального мира, А. Д. Урсул разработал основные принципы образования для устойчивого развития и сформулировал концепцию опережающего образования, тесно связанную с экологизацией и информатизацией общества. Он говорил о возможности и необходимости кардинальных трансформаций современного образования, вектор которых направлен от современной индустриальной и постиндустриальной его форм к образованию для устойчивого развития, а в дальнейшем – к ноосферному образованию. Он

разработал концепцию глобально-эволюционного образования как наиболее широкого информационного представления образовательного процесса, в котором образование видится сквозь призму универсального (глобального) эволюционизма уже в социоприродной системе «человек – общество – природа».

С начала 1970-х гг. значительное внимание А. Д. Урсула было посвящено исследованиям глобальной (универсальной) эволюции. Он рассматривал эту эволюцию как перманентную самоорганизацию во Вселенной и как ее социоприродное (планетарное и космическое) продолжение. В этой связи им были сформулированы общие и социоестественные принципы глобальной эволюции, дана информационно-синергетическая интерпретация антропного космологического принципа, введен принцип темпоральной целостности и футуризации для исследования социоприродной истории, исследованы перспективы социального бессмертия и пост-социального сценария глобальной эволюции.

В написанной совместно с И. В. Ильиным монографии «Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов)» в дополнение к историческому подходу, ставшему уже традиционным в глобальных исследованиях, был предложен принципиально новый подход – *эволюционный* [Ильин, Урсул 2009]. Суть этого подхода заключается в том, что основным предметом глобальных исследований должны быть глобальные процессы, протекающие во всех сферах планеты (неживой, живой и социальной), и рассматриваться они должны в контексте их эволюции на планете. В итоге во временном аспекте выделяются следующие направления глобальных исследований: *палеоглобалистика*, *современная глобалистика* и *футуроглобалистика*. Последняя исследует такие глобальные процессы, как ноосферогенез и переход к устойчивому развитию. Заключительная глава этой монографии посвящена теме «От глобальных исследований к глобальному образованию», где проводится принципиальное различие между терминами «глобализация образования» и «глобальное образование». В частности, подчеркивается, что *глобализация образования* относится больше к процессу обретения им целостности и в перспективе предполагает объединение национальных образовательных систем в единую мировую систему образования, тогда как *глобальное образование* характеризует качественно-содержательную трансформацию в образовательном процессе, «предметное поле которого наполняется глобальным знанием и мировоззрением, получаемым в результате глобальных исследований» [Там же: 150]. При этом особое внимание обращается на то, что «одна из наиболее определяющих особенностей новой модели глобального образования XXI в. – ее нацеленность не просто на удовлетворение жизненных потребностей ныне живущих и будущих поколений, а на их возвышение, когда духовно-интеллектуальные потребности и интересы постепенно станут доминирующими» [Там же: 174]. Более основательно эти идеи были развиты затем в фундаментальной монографии «Образование, общество, природа: Эволюционный подход и глобальные перспективы» [Ильин, Урсул 2016].

Значительным является вклад А. Д. Урсула и в разработку идей обеспечения безопасности через реализацию концепции устойчивого развития, что стало по существу теоретическим обоснованием утвержденной в 2009 г. «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.», а также принятой в конце 2015 г. «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Отдавая должное выдающемуся вкладу А. Д. Урсула в становление и развитие глобальных исследований и философской глобалистики, в частности, следует отметить, что его богатое и оригинальное творческое наследие оказалось весьма востребованным как в профессиональном сообществе, так и среди более широкой аудитории. Так, его идеи ноосферных оснований глобалистики, ранжирование приоритетов стратегии безопасности государств, теоретические основы и пути реализации ноосферных идей, концепции устойчивого развития и т. п. активно используются в учебном процессе на факультете глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Будучи с 2013 г. ведущим профессором этого факультета, он организовал здесь *Центр глобальных исследований*, читал авторские курсы по глобальным исследованиям для студентов и аспирантов, руководил их квалификационными работами; входил в Государственную экзаменационную комиссию и Ученый совет факультета. А. Д. Урсул активно участвовал в организации и проведении масштабных Международных научных конгрессов по глобалистике, периодически проводимых на базе факультета глобальных процессов МГУ. Он также стоял у истоков создания Международной академии глобальных исследований (МАГИ) и Российского общества глобальных исследований (РОГИС), объединивших научный потенциал и расширивших связи МГУ с другими российскими и зарубежными вузами, структурами и общественными организациями, работающими в области глобалистики.

Литература

- Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988.
- Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред., сост. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Кнорус, 2016.
- Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Радуга, 2003.
- Глобальные проблемы социального развития (философско-методологические аспекты) / отв. ред. А. Д. Урсул. Кишинев : Штиинца, 1988.
- Ильин И. В., Лось В. А., Урсул А. Д. Устойчивое развитие и глобальные процессы: учебник. М. : МГУ, 2015.
- Ильин И. В., Урсул А. Д. Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). М. : Изд-во МГУ, 2009.
- Ильин И. В., Урсул А. Д. Образование, общество, природа: Эволюционный подход и глобальные перспективы. М. : Изд-во МГУ, 2016.
- Кацура А. В. Информация, ноосфера, планета. Памяти Аркадия Дмитриевича Урсула. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalistika.ru/post/информация-ноосфера-планета> (дата обращения: 10.06.2021).
- Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под. ред. В. С. Степина. Т. 1. М. : Мысль, 2000.
- Рубцов В. В., Урсул А. Д. Проблема внеземных цивилизаций. Философско-методологические аспекты. Кишинев : Штиинца, 1984.
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Наука, 1987.
- Урсул А. Д. Человечество, Земля, Вселенная. Философские проблемы космонавтики. М. : Мысль, 1977.

- Урсул А. Д. *Философия и интегративно-общенаучные процессы*. М. : Наука, 1981.
- Урсул А. Д. *Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации*. М. : Луч, 1993.
- Урсул А. Д. *Феномен ноосферы: Глобальная эволюция и ноосферогенез*. М. : ЛЕ-НАНД, 2015.
- Чумаков А. Н. *Культура и вызовы глобализации: новые подходы // Век глобализации*. 2011. № 2(8). С. 174–180.
- Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М. : Политиздат, 1991.
- Anheier H. K., Juergensmeyer M. *Encyclopedia of Global Studies*. Thousand Oaks, CA : SAGE Publications, 2012.
- Global Studies Directory. People, Organizations, Publications. Leiden; Boston : Brill, 2017.

References

- Vernadskiy V. I. *Filosofskiye mysli naturalista [Philosophical Thoughts of a Naturalist]*. Moscow : Nauka, 1988.
- Globalistika. Personalii, organizatsii, trudy. Entsiklopedicheskiy spravochnik [Globalistics. Personalities, Organizations, Works: encyclopedic reference] / ed. by I. V. Il'in, I. I. Mazur, A. N. Chumakov. Moscow : Knorus, 2016.
- Globalistika: Entsiklopediya [Globalistics: Encyclopedia] / ed. by I. I. Mazur, A. N. Chumakov Moscow : Raduga, 2003.
- Global'nyye problemy sotsial'nogo razvitiya (filosofsko-metodologicheskiye aspekty) [Global Problems of Social Development (Philosophical and Methodological Aspects)] / ed. by A. D. Ursul. Kishinev : Shtiintsa, 1988.
- Il'in I. V., Los' V. A., Ursul A. D. *Ustoychivoye razvitiye i global'nyye protsessy [Sustainable Development and Global Processes]* : textbook. Moscow : MSU Press, 2015.
- Il'in I. V., Ursul A. D. *Evolyutsionnaya globalistika (kontseptsiya evolyutsii global'nykh protsessov) [Evolutionary Global Studies (The Concept of the Evolution of Global Processes)]*. Moscow : MSU Press, 2009.
- Il'in I. V., Ursul A. D. *Obrazovaniye, obshchestvo, priroda: Evolyutsionnyy podkhod i global'nyye perspektivy [Education, Society, Nature: An Evolutionary Approach and Global Perspectives]*. Moscow : MSU, 2016.
- Katsura A. V. *Informatsiya, noosfera, planeta. Pamyati Arkadiya Dmitriyevicha Ursula. 2020 [Information, Noosphere, Planet. In memory of Arkady Dmitriyevich Ursul]*. URL: <https://www.globalistika.ru/post/informatsiya-noosfera-planeta> (accessed: 10.06.2021).
- Novaya filosofskaya entsiklopediya [New Philosophical Encyclopedia] : in 4 vols. / ed. by V. S. Stepin. Vol. 1. Moscow : Mysl', 2000.
- Rubtsov V. V., Ursul A. D. *Problema vnezemnykh tsivilizatsiy. Filosofsko-metodologicheskiye aspekty [The Problem of Extraterrestrial Civilizations. Philosophical and Methodological Aspects]*. Kishinev : Shtiintsa, 1984.
- Teilhard de Chardin P. *Fenomen cheloveka [The Phenomenon of a Human]*. Moscow : Nauka, 1987.

Ursul A. D. Chelovechestvo, Zemlya, Vselennaya. Filosofskiye problemy kosmonavtiki [Humanity, Earth, Universe. Philosophical Problems of Cosmonautics]. Moscow: Mysl', 1977.

Ursul A. D. Filosofiya i integrativno-obshchenauchnyye protsessy [Philosophy and Integrative General Scientific Processes]. Moscow : Nauka, 1981.

Ursul A. D. Put' v noosferu. Kontsepsiya vyzhivaniya i ustoychivogo razvitiya tsivilizatsii [The Path to the Noosphere. The Concept of Survival and Sustainable Development of Civilization]. Moscow : Luch, 1993.

Ursul A. D. Fenomen noosfery: Global'naya evolyutsiya i noosferogenez [The Phenomenon of the Noosphere: Global Evolution and Noospherogenesis]. Moscow : LENAND, 2015.

Chumakov A. N. Kul'tura i vyzovy globalizatsii: novyye podkhody [Culture and Challenges of Globalization: New Approaches] // Vek globalizatsii. 2011. No. 2(8). Pp. 174–180.

Yaspers K. Smysl i naznacheniyе istorii [Culture and Challenges of Globalization: New Approaches]. Moscow : Politizdat, 1991.

Anheier H. K., Juergensmeyer M. Encyclopedia of Global Studies. Thousand Oaks, CA : SAGE Publications, 2012.

Global Studies Directory. People, Organizations, Publications. Leiden; Boston : Brill, 2017.

IN MEMORIAM

Гобозов Иван Аршакович
(10.11.1938–08.09.2021)

С прискорбием извещаем, что ушел из жизни доктор философских наук, профессор философского факультета, заслуженный профессор МГУ, постоянный участник острых дискуссий по проблемам глобалистики, автор интересных и широко обсуждаемых статей в нашем журнале, первый главный редактор журнала «Философия и общество» **Иван Аршакович Гобозов**.

Творческая жизнь Ивана Аршаковича непосредственно связана с философским факультетом Московского университета, который он окончил в 1967 г. С 1972 г. он был в научной командировке в парижском Коллеж де Франс, где написал докторскую диссертацию под руководством известного французского философа Р. Арона. Там он познакомился также со многими видными французскими интеллектуалами того времени – Ж. Дюмезилем, Ф. Броделем, Л. Альтюссером, Л. Сэвом и другими. Важное место в творчестве Ивана Аршаковича занимали переводы. Так, многие важные работы Р. Арона, не потерявшие своей актуальности и по сей день, переведены И. А. Гобозовым на русский язык («Мнимый марксизм», «Введение в философию истории», «Критическая философия истории»). Защитив докторскую диссертацию в Московском государственном университете, он с тех пор постоянно работал на философском факультете, где читал лекции, вел активную научную и издательскую работу.

Так, в трудное для отечественной философии время он внес огромный вклад в основание и популяризацию журнала «Философия и общество», который стал

одним из центров поддержки и развития социальной философии в постсоветский период. Иван Аршакович с момента основания журнала в 1996 г. и до недавнего времени (2015 г.) был его бессменным главным редактором.

Труды И. А. Гобозова получили широкую известность не только в России, но и за ее пределами. Он автор более 200 статей и 33 книг, которые стали ценным вкладом в развитие отечественной философии. Несмотря на все драматические перипетии, которые пережила марксистская философия после распада СССР, И. А. Гобозов остался верен своим философским идеям и убеждениям. Всю свою жизнь он посвятил изучению философии истории, западных (особенно французских) философско-исторических течений и концепций, проблем цивилизации, смысла и направленности исторического процесса, исторического познания и исторического сознания, диалектики рационального и иррационального в обществе. Множество работ Ивана Аршаковича посвящено философскому осмыслению и критическому восприятию глобализации, что порождало достаточно острые, но всегда плодотворные и вполне доброжелательные дискуссии и обсуждения.

Иван Аршакович запомнился коллегам и всем, кто его знал, оптимистичным, отзывчивым и исключительно принципиальным в нравственных и профессиональных вопросах человеком.

Редколлегия и редсовет журнала «Век глобализации» выражает глубокие соболезнования родным и близким Ивана Аршаковича, его коллегам, друзьям, ученикам и всем, кто знал этого замечательного человека.

В этом номере публикуется одна из последних статей И. А. Гобозова «Пути развития России».

Редколлегия и редсовет журнала «Век глобализации»

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Arkady A. Tishkov. *Geographical Ethics in the Age of Globalization* (pp. 3–18).

Elena A. Dergacheva. *Technocratic Nature of the Modern Market Economy* (pp. 19–32).

Globalization Processes

Aleksey V. Volobuev. *Post-globalization and Facets of Fundamentalism* (pp. 33–44).

Viktor A. Los'. *The Phenomenon of Global Problems in Soviet Science (to the Origins of Globalistics)* (pp. 45–59).

Nature, Society, Human

Alexander D. Dumnov, Alexander P. Dyomin, Nikolai G. Rybalsky. *Agroecology: From Disagreement in Essence to Essential Unity of Action* (pp. 60–73).

Natalia M. Mamedova. *Humans in the Age of Digitalization: On the Verge of Real and Virtual* (pp. 74–85).

Sergei A. Buryanov, Maxim S. Buryanov. *The Concept of Evolutionary Transition to Human-Oriented Global Governance* (pp. 86–100).

Russia in Globalized World

Ivan A. Gobozov. *The Development Paths of Russia* (pp. 101–115).

Natalia S. Kuleshova, Olga A. Samuseva. *Russia and China in the World Innovation Sphere* (pp. 116–127).

Global Personality

Ilya V. Ilyin, Tatiana A. Ursul, Alexander N. Chumakov. *At the Origins of National Globalistics (to the 85th Anniversary of Arkady D. Ursul)* (pp. 128–140).

In Memoriam

Gobozov Ivan Arshakovich (pp. 141–142).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14); сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

В списке *Литература*: Кляйн Н. Доктрина шока. М. : Добрая книга, 2011.

В списке *References*: Klyain N. Doktrina shoka [The Shock Doctrine]. Moscow : Dobraya kniga, 2011.

В списке *Литература*: Лукьяненко В. И. Homo Consúmens – человек потребляющий // Век глобализации. 2009. № 2. С. 149–159.

В списке *References*: Lukyanyenko V. I. Homo Consúmens – chelovek potrebyayushchiy [Homo Consúmens – A Consuming Man] // Vek globalizatsii. 2009. No. 2. Pp. 149–159.

В списке *Литература*: Шишков Ю. В. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

В списке *References*: Shishkov Yu. V. Mirohozyaistvennyj mehanizm: dvizhenie k globalizatsii [TheWorld-Economic Mechanism: A Move to Globalization] // Mirovaya ekonomika: globalnye tendencii za 100 let [World Economy: Global Trends for the Century] / ed. by I. S. Korolyov. Moscow : Ekonomist, 2003. Pp. 25–47.

В списке *Литература*: Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

В списке *References*: Beck U. Kosmopoliticheskoe obschestvo i ego vragi [Cosmopolitical State and its Enemies] : Jurnal sotsiologii i sotsialnoy antroploghii. 2003. Vol. VI. No. 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (accessed: 14.03.2011).

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 3(39), 2021. – 144 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*
Корректор *Н. В. Самсонова*
Верстка *О. И. Вереницыной, М. И. Кухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 15.09.2021. Дата выхода: 30.09.2021

Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,43.

Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10